ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПОЛИТОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА

2020
том 5 № 4

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические, экономические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67376.

Издается с 2016 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-pses.kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94233.

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Морозова Е. А.*, д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:
Баранова И. В., д-р экон. наук, проф., НГТУ (Новосибирск, Россия).
Бычкова С. М., д-р экон. наук, проф., СПбГАУ (Санкт-Петербург, Россия).
Глушакова О. В., д-р экон. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).
Желтов В. В., д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Капогузов Е. А., д-р экон. наук, доцент, ОмГУ им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия).
Кисляков М. М., д-р полит. наук, доцент, Кемеровский институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова (Кемерово, Россия).
Кравченко С. А., д-р филос. наук, проф., МГИМО МИД России (Москва, Россия).
Кремер Раймунд, д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала WeltTrends (Потсдам, Германия).
Курбатова М. В., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Немировский В. Г., д-р социол. наук, проф., СФУ (Красноярск, Россия).
Нехода Е. В., д-р экон. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).
Озерникова Т. Г., д-р экон. наук, проф., БГУ (Иркутск, Россия).
Резник С. Д., д-р экон. наук, проф., ПГУАС (Пенза, Россия).
Силин А. Н., д-р социол. наук, проф., ТюмГНГУ (Тюмень, Россия).
Слинкова О. К., д-р экон. наук, проф., БелГУ (Белгород, Россия).
Солодова Г. С., д-р социол. наук, проф., ИФПР СО РАН (Новосибирск, Россия).
Суслов В. И., д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, ИЭОПП СО РАН (Новосибирск, Россия).
Удальцова М. В., д-р экон. наук, НГУЭУ (Новосибирск, Россия).
Чирун С. Н., д-р полит. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А., д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шашкова Я. Ю., д-р полит. наук, доцент, АлтГУ (Барнаул, Россия).

16+

© Кемеровский государственный университет, 2020
© Авторы научных статей, 2020

BULLETIN POLITICAL SOCIOLOGICAL ECONOMIC

2020
vol. 5 no 4

KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67376.

Founded in 2016.

Published 4 times a year.

ISSN 2500-3372 (print); 2542-1190 (online)

Address of the founder, publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region, Russia, 650000; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; http://vestnik-pses.kemsu.ru

Subscription indices: 94233 – in the United catalogue "The Press of Russia".

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University. Articles are available to all without change, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

16+

© Kemerovo State University, 2020
© The authors of scientific articles, 2020

Editor-in-Chief: *E. A. Morozova,* Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:
I. V. Baranova, Dr. of Economics, Prof., Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia).
S. M. Bychkova, Dr. of Economics, Prof., St. Petersburg State Agrarian University (St. Petersburg, Russia).
O. V. Glushakova, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).
V. V. Zheltov, Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
E. A. Kapoguzov, Dr. of Economics, Assoc. Prof., Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia).
M. M. Kislyakov, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo branch Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo, Russia).
S. A. Kravchenko, Dr. of Philosophy, Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).
Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
M. V. Kurbatova, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. G. Nemirovskiy, Dr. of Sociology, Prof., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia).
E. V. Nekhoda, Dr. of Economics, Prof., National Research Tomsk State doctor of economic sciences (Tomsk, Russia).
T. G. Ozernikova, Dr. of Economics, Prof., Baikal State University doctor of economic sciences (Irkutsk, Russia).
S. D. Reznik, Dr. of Economics, Prof., Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russia).
A. N. Silin, Dr. of Sociology, Prof., Tyumen State Oil and Gas University (Tyumen, Russia).
O. K. Slinkova, Dr. of Economics, Prof., Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).
G. S. Solodova, Dr. of Sociology, Prof., Institute of Philosophy and Law of SB RAS (Novosibirsk, Russia).
V. I. Suslov, Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. V. Udaltsova, Dr. of Economics, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chirun, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Ya. Yu. Shashkova, Dr. of Political Sci., Assoc. Prof., Altai State University (Barkaul, Russia).
V. A. Shabashev, Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

оригинальная статья

УДК 323.3

Институт Общественной палаты как медиатор между властью, обществом и экспертным сообществом (на примере Кемеровской области – Кузбасса)

Михаил А. Клименко [a, @, ID]

[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[@] m.klimenkov1993@mail.ru

[ID] https://orcid.org/0000-0002-3160-7732

Поступила в редакцию 15.07.2020. Принята в печать 03.11.2020.

Аннотация: В настоящее время можно наблюдать возрастание интереса к исследованию роли и места института Общественной палаты в общественно-политической жизни регионов и страны в целом. Отчасти интерес исследователей вызван тем, что при формальном декларировании важности института в развитии и построении гражданского общества и фактических возможностей для реализации этих целей, институт Общественной палаты не проявляет активности в своей деятельности и остается, скорее, в тени общественно-политической жизни. Цель статьи – обозначить место и роль института Общественной палаты в поле региональной общественно-политической жизни. Данный институт анализируется с позиции способности выступать мидиатором, то есть посредником между властью и гражданским обществом, и коммуникативной площадкой, в рамках которой научно-экспертное сообщество, участвуя в качестве экспертов, может воздействовать на поле публичной политики. Для достижения поставленных целей с февраля по июнь 2020 года было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие как бывшие, так и действующие члены Общественной палаты Кемеровской области – Кузбасса, а также представители научно-экспертного сообщества. В ходе эмпирического исследования выбор был сделан в пользу качественного подхода, применялся метод неформализованного (глубокого) экспертного интервью. В методологии иследования нашли применение методы сравнительного анализа и контент-анализа. Автор выделяет два основных критерия (модель региональной власти и региональный политический режим), которые определяют итоговую конфигурацию – влияние и роль института в поле региональной публичной политики. В результате выявлено, что на данный момент институт Общественной палаты в Кемеровской области – Кузбассе не является актором поля публичной политики, а его деятельность смещается в сторону имитации. Введена переодизация становления института Общественной палаты Кемеровской области – Кузбасса.

Ключевые слова: научно-экспертное сообщество, институт-медиатор, взаимодействие научно-экспертного сообщества и власти, гражданское общество и власть, гражданское общество

Для цитирования: Клименков М. А. Институт Общественной палаты как медиатор между властью, обществом и экспертным сообществом (на примере Кемеровской области – Кузбасса) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 433–443. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

Введение

В настоящее время можно обратить внимание на увеличение интереса к теме анализа места и роли института Общественной палаты (ОП) в региональной общественно-политической жизни. Актуальность исследования, как представляется, вызвана прежде всего тем, что де-юре институт ОП является главным институтом, представляющим интересы гражданского общества. Де-факто само гражданское общество мало что знает о его деятельности, а в нередких случаях даже не знает о существовании института. Такое положение вещей, вероятно, вызвано прежде всего аспектом, связанным с отсутствием активной позиции и нежеланием ОП влиять на решение наиболее важных проблем, складывающихся в регионе. Цель – в первом приближении выявить причины, по которым институт ОП, имея все возможности для того, чтобы стать реальным субъектом поля публичной политики, не использует свои ресурсы и влияние для отстаивания интересы гражданского общества.

В отечественной политологической науке имеется ряд достаточно подробных исследований, посвященных проблемам взаимодействия института ОП с органами власти [1–3] и проблемам организации и деятельности ОП [4–6]. Однако существует недостаточная проработка темы в плане оценки места и роли института в общественно-политической жизни регионов. Следует отметить, что в научной литературе существуют две точки зрения на обозначенную проблему. В одном случае развитие может пойти по пути образования эффективного механизма обратной связи. В другом случае складывается фиктивная система представительства, инкорпорированная в структуры власти [7–11]. Как было показано в одном из последних

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

авторитетных исследований, подготовленном коллективом авторов под руководством А. Ю. Сунгурова, деятельность региональных ОП, если анализировать ее с позиции *медиация – имитация*, имеет тенденцию к смещению в сторону имитации [12, с. 129–131].

Мы считаем, что смещение по оси *медиация – имитация* или *эффективность – фиктивность* будет зависеть от фактора политического процесса, который выражается в доминировании определенного типа регионального политического режима. Данная гипотеза во многом исходит из результатов исследований, которые были посвящены деятельности консультативно-совещательных органов на национальном уровне. Ученые показали, что институт ОП характерен для стран с авторитарным политическим режимом, получивших название гибридных: они сочетают в себе черты мягкого авторитаризма с некоторыми характеристиками электоральной демократии [13, с. 28; 14, с. 18]. В странах с развитой системой демократических практик и институтов нет необходимости в создании ОП, поскольку их функцию с успехом выполняют независимые парламенты [15, с. 166].

Методы и материалы

Вследствие обозначенного аспекта будем исходить из гипотезы о том, что складывающийся политический режим напрямую оказывает влияние на итоговую конфигурацию роли института ОП в поле публичной политики. Однако для целей исследования предлагается анализировать институт ОП через призму функционирования регионального политического режима, который формируется, исходя из складывающейся модели региональной власти и политической конкуренции, т. е. наличия нескольких независимых акторов поля публичной политики. В совокупности эти элементы будут сдвигать региональный политический режим в сторону демократии или в сторону авторитаризма.

Применение метода углубленного экспертного интервью позволило оценить роль и влияние института ОП на поле региональной публичной политики со стороны экспертного сообщества. Наряду с этим были использованы методы статистического анализа, с помощью которых была проанализирована деятельность ОП Кемеровской области – Кузбасса разных созывов. Нашел применение метод сравнительного анализа. Комплекс методов позволил не только оценить современное состояние деятельности ОП по фиксируемым и публичным результатам деятельности института, но и получить оценку деятельности ОП со стороны экспертного сообщества.

Результаты

В Кузбассе история выстраивания взаимодействия т. н. третьего сектора с государственным начинается с 12 ноября 1990 г., когда в политизированном Кузбассе на волне мощного рабочего движения, развернувшегося при президиуме областного Совета народных депутатов, был создан прообраз ОП – Консультационный Совет партий, общественных и общественно-политических организаций (КС). То обстоятельство, что КС был создан при областном Совете народных депутатов, ограничивало в действиях новосозданную структуру, поскольку существовал фильтр, согласно которому в состав КС могли войти только представители партий, общественных организаций и т. д., подписавшие соглашение с областным Советом народных депутатов[1]. КС в непростые для Кузбасса времена выступил медиатором между разрозненными общественно-политическими силами и властью. Основная задача КС в начале 1990-х гг. состояла в сохранении стабильной обстановки и достижении общественного договора в Кузбассе, когда ее лихорадили шахтерские забастовки[2].

Для сохранения в Кузбассе стабильности между 35 общественными и политическими объединениями, входящими в КС, и областным Советом народных депутатов было подписано Соглашение о сотрудничестве между региональной легислатурой и общественно-политическими организациями, в рамках которого решения, принимаемые в областном Совете, должны были в обязательном порядке пройти через КС для проведения общественной экспертизы региональных законопроектов. Впоследствии рекомендации должны учитываться всеми ветвями власти[3]. Соглашение закономерно породило новую для Кузбасса общественную структуру КС, которой надлежало в постоянном режиме осуществлять взаимодействие между общественностью, партиями и властью. Помимо этого, впервые общественность Кузбасса стала активно привлекаться к экспертизе важнейших региональных законопроектов.

Первый этап (1990–1996) является временем становления института ОП и характеризуется расцветом и наибольшим влиянием на общественно-политическое поле региона. Региональный политический режим этого периода носил неустойчивый полицентричный характер. Говоря о неустойчивом полицентричном характере политического режима, мы подразумеваем, прежде всего, аспект, связанный с борьбой за власть и поляризацией политических сил, концентрировавшихся вокруг формального (поддерживаемого федеральной исполнительной властью) М. Б. Кислюка и неформального (реального) в лице А. Г. Тулеева политических лидеров.

[1] Договор об общественном согласии должен быть подписан // Кузбасс. 13.09.1994. С. 2.

[2] Председатель Общественной палаты Кузбасса: Во время путча 1991 года регион был пороховой бочкой // Regnum. 21.08.2007. Режим доступа: https://regnum.ru/news/873724.html (дата обращения: 13.06.2020).

[3] Соглашение о сотрудничестве областного Совета народных депутатов с партиями и общественно-политическими организациями Кемеровской области от 12.11.1990 // Кузбасс. 20.11.1990. С. 2–3.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

Главная причина противостояния региональной администрации и легислатуры, по мнению С. В. Бирюкова, состояла в политических расхождениях и соперничестве амбиций региональных лидеров М. Б. Кислюка и А. Г. Тулеева, проявившемся в публичной конкуренции политических имиджей и социальных ролей [16, с. 157]. Глава администрации области М. Б. Кислюк с самого начала пытался заявить о себе как о последовательном реформаторе и проводнике курса правительства Ельцина–Гайдара [17, с. 37], причем в обход региональной легислатуры. Депутаты областного Совета противодействовали попыткам областной администрации свести свои функции только к законотворчеству, стремясь дополнить ее осуществлением нормотворческой, защитной и контрольной функциями. Их ярким выразителем стал общерегиональный политический лидер, спикер областного парламента А. Г. Тулеев[4].

В условиях политической борьбы за власть активно развивалась и региональная партийная система. Я. Ю. Шашкова отмечает, что этот период характеризуется появлением большого количества разных по идеологии и составу политических партий, которые играли значительную роль при формировании представительных органов власти в регионе. Например, до 1996 г. в Кузбассе наблюдалась самая высокая по сравнению с другими территориями Сибири степень сосредоточения избирательных объединений [18, с. 286].

При непримиримом и все более обостряющемся противостоянии исполнительной и законодательной ветвей власти созданный при областном Совете народных депутатов КС исчерпал свои возможности влиять на общественно-политическую ситуацию в регионе, вследствие чего в 1994 г. на базе КС была образована Общественная палата Кемеровской области, которая стала действовать как независимая консультативно-совещательная организация и насчитывала в своих рядах 76 общественно-политических объединений[5].

В новом формате работы ОП взяла на себя функции общественной экспертизы законопроектов и социально-экономических программ. Эффективность работы ОП обеспечивали принятые Советом народных депутатов и администрацией Кемеровской области нормативные документы[6], в соответствии с которыми все целевые программы экономического и социального развития Кузбасса, социально значимые законы должны проходить экспертизу в ОП. Представлять их на заседаниях палаты должны были руководители соответствующих департаментов и управлений администрации, а итоги экспертизы, предложения и рекомендации ОП учитывались при разработке документов до их рассмотрения в Совете народных депутатов Кемеровской области.

Отличительной стороной деятельности ОП на первом этапе является, пожалуй, ее независимый статус и практически полное отсутствие вмешательства государства. Данный вывод можно сделать, исходя из анализа деятельности ОП в плане вынесенных решений, рекомендаций и обращений, где совершенно наглядно просматривается независимость и самостоятельность ОП от властных структур. Наиболее яркими прмерами, иллюстрирующими независимый статус ОП, являются решения ОП Кемеровской области «О проекте Устава Кемеровской области» (от 27.12.1994), «О новой концепции телерадиовещания ГТРК Кузбасс» (от 14.02.1995), «О состоянии и мерах преодоления кризисной экологической ситуации в Кемеровской области» (от 26.04.1995), «О социально-экономической ситуации в Кузбассе» (от 21.11.1996), «О проекте Устава Кемеровской области» (от 25.02.1997), «О целевой региональной программе "Пресса"» (от 25.02.1997), «О выборах главы Администрации» (от 25.02.1997) [19, с. 18–25].

Один из участников ОП того периода так охарактеризовал ее деятельность: «*При принятии решений как Заксобранием, так и администрацией наше мнение учитывалось. Перед нами всегда выступали руководители подразделений, они раскрывали содержание документа, который должен быть вынесен на областной совет, большинство наших предложений учитывалось… Этот период был самым плодотворным в деятельности Общественной палаты, когда гражданское общество и власть друг друга слышали и взаимодействовали – это было совершенно реально*» (респондент О, член ОП).

Медиативная функция ОП проявлялась и в налаживании межпартийного взаимодействия, согласовании коалиционных действий. ОП выступала своего рода арбитром в обеспечении взаимодействия между различными входящими в нее силами[7]. Значение института для региона особенно сильно проявилось в период работы над проектом Устава Кемеровской области – принятие своеобразной малой конституции, документа широкого правового спектра действия. Это было важнейшее событие для Кузбасса в целом. В тот период ОП выступила своего рода посредником между исполнительной и законодательной ветвями власти. При ее активном содействии был принят сбалансированный Устав, в котором были заложены основы нормальной цивилизованной работы всех ветвей власти без доминирования одной над другой.

[4] Чуньков Ю. И. Целятся в Тулеевых, попадают в народ // Кузбасс. 26.01.1993. С. 2–3.

[5] Лебедев В. А. Лаборатория гражданского согласия // Наша газета. 14.01.1995. С. 12.

[6] О законодательной инициативе в Кемеровской области. Закон Кемеровской области от 20.06.1994 № 2-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=171009653&backlink=1&&nd=171008279 (дата обращения: 10.06.2020).

[7] Лебедев В. А. Я против приоритета одной ветви власти // Кузбасс. 26.02.1997. С. 16.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

Можно говорить, что ОП действительно была медиатором – выступала трибуной, с которой заявлялись интересы той или иной части общества, а также доносились сведения до власти. ОП была массовой силой и обладала большой поддержкой общества, о чем свидетельствует представительство партий в ней. Так, в декабре 1993 г. более 13,74 % избирателей (136087 человек) в Кузбассе отдали голоса Выбору России, ДПР, которая была представлена в ОП, набрала 7,45 % голосов (73760 человек), Аграрная партия – 5,61 % (55587 человек), ЛДПР – 29,42 % (291274 человек)[8].

Второй этап (1997–2006) характеризуется постепенным снижением влияния ОП на региональный общественно-политический процесс. К 1997 г. в Кемеровской области был сформирован стабильный политический режим, при котором в результате политического банкротства элиты советского периода и демократов новой волны ко власти пришел А. Г. Тулеев. Он же, по мнению С. В. Бирюкова, превращается в доминирующего актора политической системы региона вследствие слабости основных элитных групп, политических партий и гражданских объединений. Влияние и популярность А. Г. Тулеева оказались столь велики, что политический режим в Кемеровской области имеел все признаки безальтернативного моноцентрического режима с харизматичным лидером во главе [16, с. 298].

После того как губернатором Кемеровской области стал ее фактический лидер А. Г. Тулеев, коренным образом изменилась расстановка политических сил в регионе. К 1997 г. партийная система Кузбасса приобрела более четкую конфигурацию, где власть фактически перешла в одни руки. По мнению Я. Ю. Шашковой, с 1999 г. все политические процессы области стали подконтрольны А. Г. Тулееву [18, с. 288]. В ходе трансформации политического поля с середины 1997 г. отношения между ОП и властью постепенно стали принимать характер открытого конфликта. Новая власть взяла курс на демонстрирование откровенного игнорирования и оттеснения института ОП на периферию общественной жизни региона. В целом о полном прекращении контактов свидетельствовало отсутствие представителей власти уровня начальников управлений администрации области и их заместителей на заседаниях ОП, где с 2001 г. по 2004 г. [19, с. 54–81].

С 1998 г. отмечается тенденция давления на независимый от властных структур институт гражданского общества. Со стороны власти предпринимались попытки создания альтернативной ОП. Например, в начале 2000-х гг. при губернаторе был создан Консультативный совет общественных организаций – структура, совершенно параллельная ОП. Несмотря на давление со стороны власти, ОП по-прежнему являлась институтом, выражающим мнение общества. Согласно статистике, на 1997 г. она включала в свой состав 112 различных общественных организаций [20, с. 110].

С 1997 г. по 2006 г. ОП продолжала активно работать. В 2001 г. был принят ее обновленный Устав. Изменилось и название, теперь ОП стала именоваться как Ассоциация общественных объединений Общественная палата Кемеровской области [19, с. 54]. Обсуждались актуальные вопросы, анализировались самые существенные законопроекты власти, например, «О состоянии, проблемах и перспективах развития местного самоуправления в Кемеровской области» (от 18.04.2000), «Об экологической ситуации и ее влиянии на состояние здоровья населения Кемеровской области» (от 15.03.2001), «О тарифах на электроэнергию» (от 06.06.2001), «Об обращении к избирателям Кемеровской области» (от 28.11.2003), «О перспективах развития местного самоуправления в Кемеровской области» (от 30.03.2004) [20, с. 52–65]. ОП показывала существенные показатели эффективности деятельности. Данный вывод о масштабе проделанной работы можно сделать по количеству выносившихся на обсуждение вопросов. Пик ее популярности пришелся на период с 1997 г. по 1998 г. Так, на открытое обсуждение ОП в 1996 г. было вынесено 7 вопросов, в 1997 г. – 21, в 1998 г. – 15, в 1999 г. – 11, в 2000 г. – 10, в 2001 г., 2002 г. и 2004 г. – по 12, в 2003 г. – 5 [20].

Несомненным достижением периода стало создание при палате Экспертного совета. В его состав вошли ученые и независимые общественники из различных областей. Создание Экспертного совета было продиктовано все более усложняющимися вопросами, решаемыми ОП. Остро ощущалась потребность в высококвалифицированных экспертах, которые могли бы на высоком уровне проводить экспертизы законопроектов как регионального, так и федерального уровня, а также давать научно-обоснованные рекомендации. Такими экспертами выступили ученые. В состав Экспертного совета, созданного в 2004 г., входили известные представители регионального научного сообщества, среди которых следует выделить, например, д-ра экон. наук, президента общественного Фонда «Центр стратегических исследований» С. В. Березнева [20, с. 130]. Из 26 членов Экспертного совета 11 являлись представителями именно научного сообщества. Таким образом, в ОП образца 2004 г. было налажено взаимодействие между общественностью, политическими партиями, властью и экспертным сообществом, и можно говорить о том, что ОП представляла из себя реальную и привлекательную коммуникативную площадку.

Третий этап (2006 г. – настоящее время) характеризуется процессом подчинения института ОП региональной власти. Для регионального политического режима в этот период характерна тенденция укрепления моноцентричной модели региональной власти, которая проявлялась

[8] Результаты выборов депутатов Государственной Думы по общефедеральному округу 12 декабря 1993 года // ЦИК России. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/banners/vib_arhiv/gosduma/1993/1993_itogi_FS_obshefed_okrug.php (дата обращения: 10.06.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

в установке персоналистского контроля над политикой и бизнесом со стороны власти. С. Н. Чирун обозначил сложившийся режим как «султанисиский, особенностью которого является концентрация личной власти, выраженной в фасадном характере политических выборов и фактически пожизненном характере власти» [21, с. 254].

Для нас же важно подчеркнуть, что при моноцентричной модели власти региональный лидер приобретает возможность ранжировать всех участников, выделяя т. н. привилегированный круг и оставляя не входящих в него акторов в положении маргиналов. ОП, существовавшая с 1990-х гг., не став непосредственным агентом власти и лояльной по отношению к действиям исполнительной власти, неизбежно маргинализировалась и с 2006 г. фактически прекратила свое существование. На смену старому образцу ОП пришел новый, созданный по образцу федерального проекта ОП. Институт нового формата под названием Общественная палата Кемеровской области был создан в 2006 г. на основании областного закона, согласно которому ОП была призвана заниматься примерно тем же, чем занимается и недавно созданная федеральная палата: экспертизой законопроектов, выработкой рекомендаций органам государственной власти, поддержкой гражданских инициатив и контролем за деятельностью властей[9].

По социальному составу институт является формальным консультативным институтом, представляющим интересы общественности. В настоящее время почти половину состава ОП представляют члены некоммерческих организаций (НКО) и представители учреждений образования, здравоохранения и социальной сферы (табл. 1)[10]. Немалое представительство в ОП имеют и члены научного сообщества. Существенная разница в сравнении с предыдущим вариантом ОП состоит в том, что новая существенно ограничена в представительстве – в составе уже нет ни представителей политических партий, ни религиозных объединений.

На данный момент можно говорить, что в регионе завершился и процесс формирования доверительных отношений между государством и обществом. Об этом свидетельствует недавно проведенный опрос среди региональных НКО «О тенденциях развития некоммерческого сектора в Кемеровской области», в рамках которого ученые выявили, что институт ОП способствует построению гражданского общества и развитию неправительственных организаций в регионе [22, с. 29]. Согласно данным официального сайта ОП Кемеровской области, институт узнаваем в поле общественной жизни региона, о чем свидетельствует довольно большая частота обращений со стороны общества: в 2011 г. и 2012 г. – по 480 обращений, в 2013 г. и 2014 г. – по 150, в 2015 г. – 648, в 2016 г. – 465, в 2017 г. – 800, в 2018 г. – 460, в 2019 г. – 535[11].

Оценивая место и роль института ОП, можно говорить, что произошла коренная трансформация роли института от относительно независимого актора к полностью подконтрольному власти и не особо значимому институту в поле общественно-политической жизни региона. В частности, одним из аспектов анализа стала реальная практика формирования состава ОП, а также принцип подбора руководителей. На этапе создания нового института ОП власть, чтобы не допустить повторения ситуации с практикой взаимодействия с прошлой ОП,

Табл. 1. Социальный состав ОП

Tab. 1. Social composition of the Public Chamber

Созыв	Бизнес		НКО		Учреждения		Представители научного сообщества		Пенсионеры		Церковь		СМИ		Всего	
	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%	N	%
1	5	11,1	14	31,1	13	28,8	7	15,5	2	4,4	2	4,4	2	4,4	45	100
2	3	6,6	18	40,0	11	24,4	9	20,0	2	4,4	1	2,2	1	2,2	45	100
3	3	6,6	16	35,5	12	26,6	9	20,0	3	6,6	1	2,2	1	2,2	45	100
4	6	13,3	17	37,7	13	28,8	5	11,1	3	6,6	1	2,2	–	–	45	100
5	9	20,0	16	35,5	13	28,8	4	8,8	–	–	2	4,4	1	2,2	45	100
6	8	17,7	16	35,5	8	17,7	9	20,0	2	4,4	2	4,4	–	–	45	100

[9] Об Общественной палате Кемеровской области. Закон Кемеровской области от 02.03.2006 № 39-ОЗ // Кодекс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/990306069 (дата обращения: 10.06.2020).

[10] Список членов Общественной палаты Кемеровской области // Общественная палата Кемеровской области – Кузбасса. Режим доступа: https://opko42.ru/spisok-chlenov-obshhestvennoj-palaty-kemerovskoj-oblasti-na-2018-2021-gg/ (дата обращения: 10.06.2020).

[11] Отчеты о работе ОП КО // Общественная палата Кемеровской области – Кузбасса. Режим доступа: https://opko42.ru/reports/ (дата обращения: 10.06.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

взяла курс не на развитие института гражданского общества, а на полное его подчинение. С целью курирования и контроля нового института гражданского общества на должность председателя ОП была выбрана Т. О. Алексеева, в 1992–2011 гг. занимавшей должность председателя Правления Кузбасской торгово-промышленной палаты (ТПП). О тесной формальной и неформальной связи Т. О. Алексеевой с Администрацией Кемеровской области говорит тот факт, что в 2007 г. Кузбасской ТПП была делегирована часть функций по администрированию внешнеэкономической деятельности. В 2010 г. Кузбасской ТПП под руководством Т. О. Алексеевой была подготовлена Концепция развития внешнеэкономической и межрегиональной деятельности Кемеровской области на период с 2010–2025 гг.[12].

Строго говоря, с началом губернаторства А. Г. Тулеева в регионе стала реализовываться т. н. модель ручного управления, при которой роль формальных институтов значительно снизилась, а роль неформальных практик коммуникации, напротив, возросла. Вследствие этого эффективность работы института ОП всецело зависела от одобрения кандидатуры председателя ОП губернатором. Этот аспект подтверждают и респонденты: «*Прошлый губернатор во главу ставил, скорее, не сам институт, а личность руководителя. Он, в первую очередь, смотрел: лидер человек или нет, как он работает; сам институт его мало интересовал*» (респондент Б, член ОП); «*Тулеев очень пристально относился к подбору кадров, он отбирал их целенаправленно, поскольку всю возможную номенклатуру знал, в том числе лично*» (респондент Д, член ОП); «*Губернатор трепетно относился к подбору кадров… и даже оказывал влияние на Заксобрание, поскольку лично просматривал списки, поданные по линии Заксобрания, и, насколько я знаю, в некоторых случаях его корректировал*» (респондент И, член ОП).

В условиях доминирования практики ручного управления взаимодействие с институтом гражданского общества выстраивается через формируемые региональной администрацией вертикальные сети жесткого типа, которые основаны преимущественно на неформальной модели взаимодействия между институтом ОП и Администрацией области. Долгие годы выстраивалась система, завязанная на личных и неформальных отношениях, в которой коммуникация с губернатором осуществлялась через его заместителей по внутренней политике: «*Раньше работать было проще: были прямые выходы на заместителей губернатора… эти люди, как мне кажется, обладали общим пониманием, для чего нужен данный институт, и по крайней мере не мешали в работе. Сейчас же сложно выйти на губернатора, приходится пробираться через его помощников, и все это создает определенные трудности в работе*» (респондент Е, член ОП); «*Тулеев предпочитал получать информацию от близких и доверенных источников, в частности от своих замов… Например, был один зам., которому очень доверял губернатор и собственно он и монополизировал источник предоставления информации для губернатора. В конечном итоге губернатор сильно был разочарован и освободил его от должности, поскольку выяснил, что не все так, как ему докладывают*» (респондент К, член ОП).

При доминировании моноцентричной модели власти, проявляющейся в практике ручного управления, институт ОП не может являться независимым и автономным актором поля публичной политики в регионе. Слабость института подтвердили и большинство экспертов: «*Оцениваю роль палаты как незначительную. Мы можем работать гораздо эффективнее и можем многое делать, но не используем свой потенциал на всю мощь, а из этого и общее отношение чиновников к нам*» (респондент Е, член ОП); «*Институт ОП состоялся, и, проанализировав его деятельность, я бы сказал, что влияние незначительное. Я не могу сказать, что мы действительно влияем на принятие важных решений*» (респондент Ж, член ОП); «*Сегодня авторитет ОП гораздо выше, чем был ранее, качественно другой институт, однако в целом я бы сказал, что положение и влияние не очень высокое… конечно, мы заняли определенную нишу, но вести диалог с властью на равных мы не можем*» (респондент А, член ОП); «*Влияние на отдельные аспекты есть, но оно незначительное. Сегодня нет инициативы от власти рассмотреть совместно с нами тот или иной вопрос*» (респондент Б, член ОП).

Еще одним аспектом, позволяющим власти контролировать институт гражданского общества, является практика рекрутирования членов в ряды ОП. Анализ процедуры формирования ОП показывает, что ведущую роль в формировании состава играют губернатор и региональные легислатуры. В соответствии с законом «Об общественной палате Кемеровской области», в состав палаты избрано 45 человек, срок их полномочий составляет три года[13]. Принцип рекрутирования был взят региональным законодателем из нормативно-правовой базы федерального уровня, в которой заложены ограниченные возможности воздействия на публичную политику. Одна треть назначается губернатором из числа зарегистрированных на территории Кемеровской области общероссийских и межрегиональных общественных объединений. Одна треть утверждается Советом народных депутатов Кемеровской области из числа региональных общественных

[12] Концепция развития внешнеэкономической и межрегиональной деятельности Кемеровской области на период до 2025 года Утв. распоряжением Коллегии Администрации Кемеровской области от 28.03.2012 № 242-р // Кодекс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/441615727 (дата обращения: 10.06.2020).

[13] Список членов Экспертного совета ОП КО 2015–2018 гг. // Общественная палата Кемеровской области – Кузбасса. Режим доступа: https://opko42.ru/spisok-chlenov-ekspertnogo-soveta-opko/ (дата обращения 10.01.2019).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

объединений. Одна треть определяется членами ОП, утвержденными губернатором и Советом народных депутатов Кемеровской области из числа региональных общественных объединений.

Соответственно в условиях, когда институт ОП полностью формируется властью, он не способен эффективно представлять интересы гражданского общества и лоббировать эти интересы на региональном уровне. Респондентам был задан вопрос, как они оценивают взаимодействие с региональными органами исполнительной и законодательной власти. Среди большинства доминирует чувство разочарования в региональной власти, зачастую критика опосредована личностью нового губернатора С. Е. Цивилева: «*В настоящее время у меня полное разочарование в новой власти. При старой власти также были свои сложности, но при той власти существовало какое-то уважение к институту ОП, с нами советовались и принимали нас во внимание*» (респондент А, член ОП); «*Сейчас я скорее наблюдаю перестройку данного института, меняется формат взаимодействия, губернатор будет выстраивать взаимодействие с нами по новой модели, которая еще неясна*» (респондент К, член ОП); «*В отличие от предыдущего губернатора, С. Е. Цивилев, как мне кажется, более понимающий политик – он понимает важность общественного мнения, но одного его не хватит. Нужно, чтобы заработала вся система, чтобы его сотрудники внимательно отнеслись к существующей тенденции*» (респондент В, член ОП); «*Взаимодействие с исполнительными органами власти сейчас стало скорее еще более ситуативным. Если раньше была хоть какая-то системность во взаимодействии – сейчас это скорее ситуативное взаимодействие. Про нас вспоминают, когда ситуация требует нашего участия, как, например, сейчас с администрации просят ускорить процесс формирования общественных наблюдателей, которые будут следить за процедурой общероссийского голосования по поправкам в Конституцию*» (респондент В, член ОП).

Причины чувства разочарования и неясности в адрес губернатора, как представляется, заключаются в том, что последний не проявил заинтересованности в институте ОП, не показал ориентир для дальнейшего сотрудничества и не выстроил систему координат, в которой он хотел бы видеть деятельность данного института. Новый губернатор не проявляет интереса к работе института ОП. Видится, во многом это обстоятельство связано с низкой общественно-политической ролью института в региональной политике. По-прежнему институт ОП не проявляет себя как актор поля публичной политики, его деятельность в СМИ практически не освещается. Лучше всего положение и роль института ОП может быть показана в сравнении (табл. 2).

При оценке взаимодействия института ОП и Законодательного Собрания Кемеровской области среди экспертов также доминировало мнение о крайне низкой эффективности: «*По сути никак, его нет. За период моего созыва я не припомню, чтобы с Зак. Собрания приходили проекты законов для общественной экспертизы*» (респондент З, член ОП); «*Законодательное Собрание даже не интересуется экспертными заключениями, подготовленными нами… мы со своей стороны готовы направлять вам все необходимые заключения… я смотрю на все это, там больше пиара, чем реальной законодательной работы*» (респондент И, член ОП); «*Сейчас изменились отношения: есть у нас договор о сотрудничестве, члены ОП учувствуют во всех обсуждениях при Законодательном Собрании, но на этом все и заканчивается. Через нас крайне редко проходят какие-либо региональные законы, хотя они в обязательном порядке должны через нас проходить*» (респондент М, член ОП).

Следующим аспектом анализа является оценка института как коммуникативной площадки, в рамках которой выстраивается взаимодействие между гражданским обществом, властью и экспертным сообществом. Для реализации взаимодействия при ОП создан и функционирует Экспертный совет. Согласно Закону об Общественной палате Кемеровской области, Экспертный совет занимается общественной экспертизой законопроектов. В его состав традиционно включены две группы: руководители или представители общественных организаций, движений, фондов и просто известные люди, которых еще с советского времени именовали термином *общественность*, а также представители научного сообщества; в пятом созыве из 19 человек 6 были представителями науки[14]. Возглавлял Экспертный совет пятого созыва

Табл. 2. Сравнительный анализ института ОП при разных политических режимах
Tab. 2. The Public Chamber under different political regimes

Критерий	Первый этап	Второй этап	Третий этап
Модель власти	полицентричная	моноцентричная	моноцентричная
Политический режим	полиархичный	гибридный	гибридный
Влияние	среднее	низкое	низкое
Степень зависимости от органов власти	средняя	средняя	высокая
Медиативная функция	выражена сильно	выражена слабо	выражена слабо

[14] Там же.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

президент Сибирского отделения Академии горных наук, д-р техн. наук А. И. Копытов. Шестой созыв Экспертного совета состоял уже из 28 человек, 5 из которых – представители научного сообщества региона[15].

Таким образом, в составе Экспертного совета присутствует достаточно большое количество представителей научного сообщества, которые, несомненно, усиливают возможности по качественному анализу и экспертизе поступающих в палату законопроектов. Данный факт подтверждают неплохие результаты в части количества проводимых ОП общественных экспертиз нормативно-правовых актов: в 2015 г. – 20, в 2016 г. – 34, в 2017 г. – 25, в 2018 г. – 34, в 2019 г. – 45.

Помимо обозначенного направления представители научного сообщества могут оказывать влияние и предлагать свои услуги при составлении доклада ОП о состоянии и тенденциях развития гражданского общества. Но при анализе этого аспекта удалось выявить существенную проблему и, если можно выразиться, проявление слабости института. Де-юре доклад ОП, согласно закону, должен составляться один раз за срок действия полномочий состава ОП и публиковаться публично. Де-факто при анализе официального интернет-сайта ОП Кемеровской области не удалось найти ни одного доклада с 2006 г. Отсутствует основной документ, по которому можно увидеть и судить о том, как развивается гражданское сообщество, в каком состоянии оно находится и т. д. Данный факт иллюстрирует, что при формальном декларировании определенной функции происходит несоответствие института ОП нормативно-правовым документам.

Заключение

Одним из основных факторов, оказывающих влияние на итоговую конфигурацию, независимое положение и эффективность института ОП в общественно-политическом поле Кемеровской области – Кузбасса, является доминирование определенной модели регионального политического режима, который в зависит от смещения по оси *демократия – авторитаризм*. При смещении регионального политического режима в сторону демократии институт ОП может выступать полноценным медиатором между властью, политическими партиями и обществом и занимать в региональной общественно-политической жизни относительно независимое положение, беря на себя функцию арбитра в обеспечении взаимодействия между различными входящими в нее силами. При смещении режима в сторону авторитаризма (доминирования гибридного политического режима) с точки зрения представительства интересов общества деятельность института смещается в сторону имитации, фактически институт становится еще одним отделом при администрации.

В Кемеровской области с 1990-х гг. постепенно, но верно шла трансформация регионального политического режима в сторону гибридного, включающего как элементы авторитаризма (опора, оценка, соответствие взглядам Правительства Кузбасса), так и признаки демократии и развитого гражданского общества, когда целевые группы общества самоорганизуются, вырабатывают и продвигают предложения для решения каких-то насущных социальных или экономических проблем.

В условиях доминирования исполнительной ветви власти над другими акторами поля публичной политики сформировалась моноцентричная модель власти в регионе. При этой модели, во-первых, налажен режим вертикального контроля (коммуникация основана на вертикальных связях, действует одноканальная система информации – сверху вниз). Во-вторых, происходит сужение автономии института ОП и всей публичной сферы. В рамках данной модели власти институт ОП в Кемеровской области – Кузбассе сегодня:

1) не является независимым и автономным актором поля публичной политики в регионе;
2) является маловлиятельным институтом гражданского общества и выступает в роли проводника идей властей;
3) не способен эффективно представлять интересы гражданского общества и лоббировать эти интересы на региональном уровне;
4) не является эффективным посредником в отношениях между властью и гражданским обществом;
5) не является привлекательной коммуникативной площадкой для взаимодействия экспертного сообщества, гражданского общества и власти.

Вышеуказанные обстоятельства повлияли на становление в регионе института с рядом присущих ему характерных особенностей. В итоге Общественная палата Кемеровской области – Кузбасса не является институтом, который имеет свой независимый голос, а выступает, скорее, как агент или инструмент для реализации интересов власти в регионе.

Литература

1. Гриб В. В. Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрист, 2011. 401 с.
2. Садовникова Г. Д. Общественная палата РФ и ее роль в развитии институтов народного представительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 1. С. 17–20.

[15] Список членов Экспертного совета Общественной палаты Кемеровской области – Кузбасса 2018–2021 гг. // Общественная палата Кемеровской области – Кузбасса. Режим доступа: https://opko42.ru/spisok-chlenov-ekspertnogo-soveta-op-ko-2018-2021-gg/ (дата обращения 13.06.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

3. Кирьянов А. Ю. Особенности взаимодействия Общественной палаты Российской Федерации и региональных общественных палат в вопросах общественного контроля // Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. 2018. Т. 7. № 1-1. С. 17–24.
4. Гончаров В. В. Проблемы организации и деятельности Общественной палаты Российской Федерации // Современное право. 2010. № 4. С. 50–54.
5. Загребин А. Е., Поздеев И. Л. Организационно-правовые аспекты участия институтов гражданского общества в общественном контроле (опыт Общественной палаты Удмуртской Республики) // Вестн. Удм. ун-та. Сер. Экономика и право. 2015. Т. 25. № 3. С. 111–117.
6. Бобрицких И. В., Кумскова Д. И., Меркулова А. И. Общественная палата Волгоградской области как орган общественного контроля: правовые основы организации и проблемы деятельности // Тенденции развития современного общества: сб. тр. IV Междунар. науч.-практ. конф. (Волжский, 15 июня 2015 г.) Волжский, 2015. С. 189–196.
7. Абакумов С. А. От Гражданского Форума до создания Общественной палаты РФ. М.: Галерия, 2005. 342 с.
8. Петров Н. В. Общественная палата: для власти или для общества? // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 1. С. 40–58.
9. Руденко В. Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 3. С. 143–155.
10. Тарасенко А. В. Деятельность общественных палат в регионах России: эффективность vs. фиктивность // Полития. 2010. № 1. С. 80–88.
11. Евстифеев Р. В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 4. С. 87–100. DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8
12. Сунгуров А. Ю., Козлова Н. Н., Евстафьев Р. В., Брянцев И. И. Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией. СПб.: Алетейя, 2020. 252 с.
13. Рогов К. Ю. Демократия-2010: прошлое и будущее плюрализма в России // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 5-6. С. 6–30.
14. McFaul M. Transitions from postcommunism // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. Iss. 3. P. 5–19.
15. Сунгуров А. Ю. Как возникают политические инновации: «фабрики мысли» и другие институты-медиаторы. М.: РОССПЭН, 2015. 382 с.
16. Бирюков С. В. Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы: дис. … д-ра полит. наук. М., 2009. 575 с.
17. Золотов А. А., Симонян Р. Х. Беспокойные будни Кузбасса // Народный депутат. 1992. № 16. С. 32–39.
18. Шашкова Я. Ю. Партийная система в процессах политической трансформации и выборов в Российской Федерации (на примере регионов Юго-Западной Сибири): дис. … д-ра полит. наук. Чита, 2011. 393 с.
19. Лебедев В. А. Участие НКО в процессе принятия региональных законопроектов и социально-экономических программ. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998. 168 с.
20. Общественная палата Кемеровской области: десятилетний опыт формирования гражданского общества / сост. В. А. Лебедев. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 152 с.
21. Чирун С. Н. Проблемы функционирования регионального политического режима на примере Кемеровской области // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 253–268. DOI: 10.17223/1998863X/44/24
22. Матвеева Е. В., Митин А. А. Современные тенденции институционализации гражданского общества в Кемеровской области – Кузбассе (на материалах регионального исследования) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 1. С. 25–32. DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-1-25-32

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

original article

The Public Chamber as a Mediator between Government, Society, and Expert Community in the Kemerovo Region

Mikhail A. Klimenkov [a, @, ID]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] m.klimenkov1993@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-3160-7732

Received 15.07.2020. Accepted 03.11.2020.

Annotation: The Public Chamber is currently attracting a lot of scientific attention. The present research owes its relevance to the fact that the Public Chamber remains passive, despite claiming an important role in the development of civil society. The research objective was to identify the place and role of the Public Chamber in the regional socio-political life. The article focuses on its ability to act as a mediator between the government and civil society. The author sees the Public Chamber as a communication platform, which allows the scientific community to influence public policy by acting as experts. The empirical study lasted from February to June 2020 and involved former and current members of the Public Chamber of the Kemerovo region, as well as its researchers and experts. The analysis was based on the qualitative approach and the methods of informal expert interviews, comparative analysis, and content analysis. The author identified two main criteria: the model of regional power and the regional political regime. These criteria determine the final configuration, i.e. the influence and role of the Public Chamber in the regional public policy. The Public Chamber appeared to be more of an imitator than a real actor in the field of the local public policy. The paper also introduces a new classification of the development of the Public Chamber in the Kemerovo region.

Keywords: scientific and expert community, institute of mediator, interaction of scientific and expert community and authorities, civil society and authorities, civil society

For citation: Klimenkov M. A. The Public Chamber as a Mediator between Government, Society, and Expert Community in the Kemerovo Region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 433–443. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

References

1. Grib V. V. *Interaction of state authorities and civil society institutions in the Russian Federation: constitutional and legal aspects*, 2 nd ed. Moscow: Iurist, 2011, 401. (In Russ.)
2. Sadovnikova G. D. Public chamber of the Russian Federation and its role in the development of institutions of national representation in Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo,* 2006, (1): 17–20. (In Russ.)
3. Kiryanov A. Yu. Interaction features of the Public chamber of the Russian Federation and regional public chambers in matters of social control. *Vestnik Novgorodskogo filiala RANKhiGS*, 2018, 7(1-1): 17–24. (In Russ.)
4. Goncharov V. V. About some questions of the organization and activity of Public chamber of the Russian Federation. *Sovremennoe pravo*, 2010, (4): 50–54. (In Russ.)
5. Zagrebin A. E., Pozdeev I. L. Organizational and legal aspects of the involvement of civil society institutions in social control (the experience of the Public chamber of the Udmurt Republic). *Vestn. Udm. un-ta. Ser. Ekonomika i pravo,* 2015, 25(3): 111–117. (In Russ.)
6. Bobritskikh I. V., Kumskova D. I., Merkulova A. I. The Public Chamber of the Volgograd region as an organ of social control: the legal basis of organization and activity problem. *Trends in the development of modern society*: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf., Volzhsky, June 15, 2015. Volzhsky, 2015, 189–196. (In Russ.)
7. Abakumov S. A. *From the Civil Forum to the creation of the Public Chamber of the Russian Federation*. Moscow: Galeriia, 2005, 342. (In Russ.)
8. Petrov N. V. Public Chamber: for the government or for society? *Pro et Contra,* 2006, 10(1): 40–58. (In Russ.)
9. Rudenko V. N. Consultative public councils: specifics of their organization and work. *Politicheskaia ekspertiza: POLITEKS*, 2006, 2(3): 143–155. (In Russ.)
10. Tarasenko A. V. Activity of Public Chambers in the regions of Russia: efficiency vs. fictitiousness. *Politeia*, 2010, (1): 80–88. (In Russ.)
11. Evstifeev R. V. Public chambers of the subjects of the Russian Federation in the regional system of government: the main problems of functioning and evaluation of the efficiency of work. *Research Result. Sociology and management*, 2018, 4(4): 87–100. (In Russ.) DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-433-443

12. Sungurov A. Iu., Kozlova N. N., Evstafev R. V., Briantsev I. I. *Public Chambers in the subjects of the Russian Federation: between mediation and imitation.* St. Petersburg: Aleteiia, 2020, 252. (In Russ.)
13. Rogov K. Iu. Democracy-2010: the past and future of pluralism in Russia. Pro et Contra, 2009, 13(5-6): 6–30. (In Russ.)
14. McFaul M. Transitions from postcommunism. *Journal of Democracy*, 2005, 16(3): 5–19.
15. Sungurov A. Iu. *How political innovations arise: "thought factories" and other institutions mediators*. Moscow: ROSSPEN, 2015, 382. (In Russ.)
16. Biryukov S. V. *Regional political power: institutions, structures, and mechanisms*. Dr. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2009, 575. (In Russ.)
17. Zolotov A., Simonian R. Kh. Restless everyday life of Kuzbass. *Narodnyi deputat*, 1992, (16): 32–39. (In Russ.)
18. Shashkova Ya. Yu. *Party system in the processes of political transformation and elections in the Russian Federation (as in the case of South-Western Siberia)*. Dr. Polit. Sci. Diss. Chita, 2011, 393. (In Russ.)
19. Lebedev V. A. *Participation of NGOs in the process of adoption of regional draft laws and socio-economic programs*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998, 168. (In Russ.)
20. *Public chamber of the Kemerovo region: ten-year experience in the formation of civil society*, comp. Lebedev V. A. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 152. (In Russ.)
21. Chirun S. N. Problems of the functioning of the regional political regime on the example of Kemerovo oblast. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, (44): 253–268. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/44/24
22. Matveeva E. V., Mitin A. A. Modern trends in the institutionalization of civil society in Kemerovo region (Kuzbass): a regional study. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(1): 25–32. (In Russ) DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-1-25-32

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

оригинальная статья
УДК 323.21

Молодежная политика России в пространстве постправды

Сергей Н. Чирун [a, @, ID]; Мария С. Чирун [b]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[b] Кемеровский государственный институт культуры, Россия, г. Кемерово
[@] Sergii-Tsch@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-7422-8030

Поступила в редакцию 28.07.2020. Принята к печати 04.09.2020.

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния ситуации постмодерна на особенности и характеристики государственной молодежной политики. К их числу относятся характеристики пространства реализации молодежной политики и понятие постправды. Рассмотрены аспекты генезиса и структурирования элементов пространства постправды, которой дана авторская интерпретация. Методы интертекстуального и сетевого, интент- и дискурс-анализа позволили адекватно отразить интерпретационные особенности ситуации постмодерна. Исследование показало, что российская государственная молодежная политика в значительной мере превратилась в фабрику по генерации фактоидов, доминирование которых наряду с внедрением маркетинговых и PR-технологий в данную сферу приводит к тотальной симуляции и порождению все новых симулякров взамен реальных успехов и достижений. В эпоху постмодерна, когда критерии идентичности и стратификации существенно размыты и неустойчивы, молодые граждане, будучи оторванными от основ научно-рациональной картины мира, готовы, как и на доиндустриальной фазе развития, верить в иррациональные смысловые конструкции, образованные симбиозом лжи и постправды. Авторы определяют постправду как совокупность недостоверных общественно-политических представлений, сформированных в определенной гражданской среде путем целенаправленного применения политических технологий, включающих в себя систему методов и приемов воздействия. Постмодернистский подход к государственной молодежной политике интерпретирован посредством нелинейной методологии анализа молодежной политики. С использованием категориально-понятийного аппарата постмодернизма проанализированы проблемы и типология отечественной государственной молодежной политики, рассмотрены возможности внедрения сетевого подхода, связанные с оптимизацией существующей модели управления, а также перспективы и потенциальные препятствия для ее реализации. В заключении представлен анализ институциональных трансформаций молодежной политики во взаимосвязи с технологиями манипулирования и фальсификации информации в политико-управленческом процессе, где само взаимодействие политических акторов на сетевых площадках пространства постправды формирует различные формы сетевых интеракций.

Ключевые слова: киберсимуляция, постмолодежь, постгендер, постмодерн, политическая сеть, симулякр, политические технологии, мягкая сила

Для цитирования: Чирун С. Н., Чирун М. С. Молодежная политика России в пространстве постправды // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 444–453. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

Введение

В условиях постмодерна молодежный сегмент общества, оказавшийся объектом воздействия таргетированных потоков информации, формирующей пространственные контуры постправды, отличает выраженный скептицизм в отношении метанарратива, когда сама структура общественных отношений характеризуется утратой традиционных скреп, а новые тренды общественного развития основаны на игре постмодернистских ризомических структур и новых институций, в которых существенно снижается роль традиционных политических ценностей и институтов. В модерне произошло то, что М. Вебер назвал «расколдовыванием мира». «Расколдовывание мира» формально означало освобождение человечества от иррационализма и суеверий традиционного общества.

В этом смысле постмодерн есть своего рода реализация закона отрицания отрицания, что по факту предполагает возврат человеческого сообщества, но уже на новом витке эволюции к обновленному иррационализму, в котором находят органическое выражение такие категории, как постполитика [1], постгендеризм (гендерквир, интергендер, бигендер, агендер, эмпауэрмент) [2; 3], постправда. Отметим, что префикс *post-* указывает на то, что понятия утратили или изменили свой первоначальный смысл и приобрели дополнительные коннотации, как, например, понятие *постмолодежь* [4, с. 182], или же отсылают реципиента ко времени после какого-либо события, как, например, *post-war* (послевоенный).

К. Крауч использовал понятие *пост-демократия,* означающее, что публичная политика и электоральный процесс являются всего лишь контролируемым спектаклем,

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

поставленным конкурирующими командами профессиональных политтехнологов, обладающих прикладными компетенциями в политике [5]. Как правило, пост-демократия напрямую связана с проблематикой политического популизма [6].

Сетевые структуры постмодерна формируют инновационную систему управления коммуникацией, в формате которой подсистема молодежной политики приобретает вид фрагментированной конструкции, открытой для манифестации постистины. Сам концепт постправды (постистины) впервые проявился в работе Р. Кейеса [7]. В 2016 г. редакция Оксфордского словаря объявила понятие *постправда* (*post-truth*) словом года[1]. По мнению его авторов, постправда – ситуация, в условиях которой рациональные факты и концепции (нарратив) воздействуют на характеристики состояния общественного мнения меньше, чем апелляция к чувствам и иррациональным убеждениям, что свидетельствует о предпосылках появления новой, эффективной в ситуации постмодерна, технологии манипулирования общественным мнением.

Представитель издательства Оксфордского университета К. Гратвол в интервью BBC дал прогноз популяризации понятия *постправда*: на волне подъема социальных медиа как источника информации и растущего в гражданском обществе недоверия к представителям коррумпированных политических элит понятие постправды станет определяющим[2]. Очевидно, что проблема постправды – это проблема всей системы управления, а не отдельных ее представителей. Поэтому банальное переливание «нового вина в старые бутылки» не решит эту проблему [8].

В настоящее время постправда представляет собой инновационный постмодернистский концепт в публичной политике XXI в. Он наглядно выражен в эссе публициста С. Тесича «Правительство лжет», посвященном «миру постправды» (*post-truth world*)[3], в котором власть искусственно и целенаправленно препятствует гражданам в постижении истины. Так, например, современный спорт высших достижений превратился в многомиллиардный бизнес [9, с. 52]. Австрийский профессор Г. Кехлер акцентирует внимание на эмоциональности любой толпы – как реальной, так и виртуальной. Он полагает, что современные формы массовой коммуникации генерируют риски снижения уровня аргументации до состояния базовых эмоций, лежащих в его основании [10].

Эмоциональность обуславливается повышением роли аудиовизуального контента веб-коммуникации (по сравнению с формализованным изложением идей на бумаге), а также синхронностью действия и восприятия, связанной со скоростью передачи контента, исключающей возможности для полноценной рефлексии. Таким образом, реципиент подвержен искушению оценивать политические явления и процессы согласно своим эмоциям, которыми манипулировать проще, чем концептуальными представлениями. Помимо этого, реципиенты самостоятельно формируют некое подобие «информационного пузыря», которым окружают себя, формулируя и отстаивая свою собственную правду. Такие действия порождают замкнутость и изолированность от альтернативных концепций.

В ситуации постмодерна информационный мусор (фактоиды) бывает непросто отличить от действительно ценной информации, что во многом объясняется стремлением его создателей фактоидов к максимизации медийного эффекта.

Анализ взглядов на проблемы ГМП

Результаты исследования показали, что российская государственная молодежная политика (ГМП) в значительной мере превратилась в фабрику по генерации фактоидов, доминирование которых наряду с внедрением маркетинговых и PR-технологий в сферу ГМП приводит к тотальной симуляции и порождению все новых симулякров взамен реальных успехов и достижений.

Между тем непредвзятая оценка состояния ГМП РФ со стороны профессиональных экспертов содержит множество критических замечаний. Так, по мнению Д. А. Маяцкого, к числу основных проблем данной сферы относится отсутствие в российской Конституции самой дефиниции молодежной политики. [11, с. 129]. В. Н. Афонина констатирует ситуативно-манипуляционный характер молодежной политики в России. «Это выражается в том, что структуры по делам молодежи в органах государственной и муниципальной власти не имеют прочного статуса, их подчинение и предпочтение осуществляется под влиянием внешних обстоятельств и очень часто субъективных причин» [12, с. 14]. О. С. Щербина проводит анализ ГМП РФ и приходит к заключению о неустойчивости сложившейся структуры управления [13, с. 150].

Отечественная ГМП, по мнению О. А. Коряковцевой, нацелена на формирование властной вертикали, а не на обеспечение условий реализации молодежной политики [14, с. 15]. Ученые пишут о «стагнации в реализации ГМП» [15, с. 26], ее низкой эффективности [16, с. 20], «хаотичном соединении» в модели ГМП РФ противоположных подходов и критикуют присущие ГМП «практики обвинения молодежи», делая вывод о недостатке молодежной субъектности в российской ГМП [17, с. 13].

[1] Flood A. «Post-truth» named word of the year by Oxford Dictionaries // The Guardian. 15.11.2016. Режим доступа: https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries (дата обращения: 23.02.2018).

[2] Calcutt A. The surprising origins of «post-truth» – and how it was spawned by the liberal left // The Conversation. 18.11.2016. Режим доступа: http://theconversation.com/the-surprising-origins-of-post-truth-and-how-it-was-spawned-by-the-liberal-left-68929 (дата обращения: 21.01.2018).

[3] Kreitner R. Post-truth and its consequences: what a 25-year-old essay tells us about the current moment // The Nation. 30.11.2016. Режим доступа: https://www.thenation.com/article/archive/post-truth-and-its-consequences-what-a-25-year-old-essay-tells-us-about-the-current-moment/ (дата обращения: 07.08.2018).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

В качестве проблем сферы молодежной политики И. В. Бояринова называет бюрократизм и формализм [18, с. 149], Т. В. Черкасова акцентирует внимание на дефиците публичности и информативности [19, с. 249], А. А. Кострова отмечает ошибочную постановку целей ГМП и ее сверхидеологизированность [20, с. 205, 206]. «Отсутствие целостной и системной государственной молодежной политики в РФ» становится, по мнению И. П. Якушевой, одной из причин радикализации политических сил, стремящихся к дестабилизации ситуации в стране [21, с. 139].

Опыт реализации отечественной ГМП зачастую удачно соотносится с категорией симулякра. Симулякр молодежной политики представляет собой имитацию несуществующего [22]. Следовательно, симулировать – означает делать вид, что обладаешь тем, чего на самом деле нет. Нередко речь заходит о симулировании эффективности ГМП.

Характеристиками ГМП в ситуации постмодерна являются:

- фрагментарность и разбалансированность политической культуры и интересов субъектов ГМП;
- децентрация – многосубъектность, вариативность ГМП;
- деконструкция – инновационная трактовка, учет значения контекстов для креативной трансформации смысловой нагрузки, технология «Окно Овертона»;
- гиперманьеризм – попытка вписать культурные атрибуты прошлого в контекст молодежных субкультур постмодерна;
- контекстуальность – обусловленность содержания ГМП актуальной политической ситуацией;
- дискретность – прерывистость, непоследовательность и даже противоречивость в реализации ГМП;
- перформативность – акцентуация на публичность и выразительность ГМП;
- гетерархия – потенциальное сосуществование в ГМП пересекающихся матричных структур управления;
- подражательность – формирование иронично-зрелищной индустрии политических имитаций, превосходящей по своим параметрам многие оригиналы;
- редукция смыслов – пребывание в мире искаженных истин;
- симуляция – доминирование в ГМП процесса над реальным результатом.

Фактически именно эти характеристики определяют границы и возможности пространства постправды в ГМП.

Постправду можно определить и как совокупность общественно-политических представлений, сформированных в определенной гражданской среде путем целенаправленного применения политических технологий, включающих в себя систему методов и приемов воздействия. Политтехнологи стремятся к скрытому манипулированию сознанием целевых групп [23, с. 28–34].

Среди наиболее применяемых политических технологий [24] в прошедшей в России президентской кампании 2018 г. можно особо отметить киберсимуляцию (массированное использование сетевых ботов), стигматизацию, *sock puppet revolution* (технология марионеток – политические дебаты были сознательно превращены в клоунаду и сопровождались личными оскорблениями участников, симуляцией попыток рукоприкладства, нецензурной лексикой и даже обливанием водой), спираль молчания (ни один из зарегистрированных кандидатов не использовал реальные слабости в позиции действующего президента, фактически играя в поддавки с властью, исполняя до конца свою шутовскую роль в театре абсурда), технологию «тоннельного сознания» (выбор из двух искусственно сформулированных и навязанных зол-симулякров) и др.

Постмолодежь

В ситуации постмодерна общество испытывает проблему возрастной неконгруэнтности, которая выражается не только в несоответствии общественным ожиданиям атрибутов возрастного статуса личности, но и в несовпадениях в пределах личности либо социальных групп целого ряда возрастных позиций. Именно в постмодерне в условиях утраты традиционных и обретения новых зачастую симулятивных (соответствующих характеристикам постправды) идентичностей это явление приобретет массовый характер. Состояние возрастной неконгруэнтности, когда статусный набор возрастов (хронологических, социальных, психологических и др.) находится в состоянии внешнего и внутреннего конфликтного антагонизма, мы можем говорить о появлении феномена постмолодежи.

Выделяют следующие модели теоретического осмысления категории молодежь современными учеными: а) молодежь как носитель психофизиологических характеристик возраста; б) как политико-субкультурный феномен; в) как субъект ювенизационно-адаптационных процессов.

С. В. Алещенок констатирует отсутствие молодежи как социально-демографической группы «на доиндустриальной фазе общественного развития» [25]. Вал. А. Луков и Вл. А. Луков в рамках тезаурусной концепции молодежи называют необходимым условием принадлежности к молодежной общности идентификацию самих себя в качестве молодежи [26]. В постмодерне критерии идентичности и стратификации существенно размыты и неустойчивы, массовый характер приобретает социальная галлюцинация, когда граждане, будучи оторванными от основ научно-рациональной картины мира, готовы, как и на доиндустриальной фазе развития, вновь верить в иррациональные смысловые конструкции, образованные симбиозом лжи и постправды. Постмодерн создает для этого питательную среду, в которой социальный статус человека характеризуется не просто неконгруэнтностью, но подчас и антагонизмом биологических, хронологических и социально-статусных возрастных позиций. Появляется все больше возрастных людей, устойчиво идентифицирующих себя с молодежью и неготовых смириться с тем, что хронологически они уже не молоды.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

Говорить же о массовом появлении постмолодежи как новой социальной общности можно лишь с того момента, когда освобождение от хронологической детерминации возраста перестает рассматриваться обществом в качестве проявления социальной девиации. Как социальная общность постмолодежь характеризуется определенным уровнем внутренней солидарности и единства, не связанным с хронологическими возрастными границами.

Государственное и общественное в пространстве постправды

В научной среде уже практически не подвергается сомнению несводимость всего многообразия форм и уровней молодежной политики к формально-институциональному дизайну [27]. Однако это обстоятельство лишь актуализирует потребность в четких научных дефинициях. Наряду с ГМП существует также и негосударственная молодежная политика (НМП), представляющая собой процесс и результаты взаимодействия молодежи с институтами гражданского общества, с общественными и политическими акторами. Кроме того, субъектами НМП могут выступать транснациональные организационно-управленческие структуры.

Структура НМП достаточно неоднородна и включает как общественную молодежную политику (ОМП), так и асоциальную молодежную политику (АМП), имеющую антиобщественную направленность. В числе субъектов ОМП можно указать различные институции гражданского общества, а также «влиятельные антропо-социальные сообщества» [28, с. 80].

АМП представляет собой процесс и результат работы с молодежью различных антиобщественных сил, начиная от мелкого криминала и заканчивая террористическими организациями, вербующими в свой состав молодых людей. Субъектами АМП могут выступать экстремистские и террористические организации, религиозные секты, криминальные структуры и движения, имеющие выраженную направленность на работу с молодежью, как, например, популярное среди представителей неблагополучной молодежи движение АУЕ. К этому же виду молодежной политики относится вовлечение молодежи в сферу сексуальных и эскорт услуг, рекрутирование преимущественно несовершеннолетней молодежи в сферу наркоторговли.

Отдельной разновидностью НМП является асистемная молодежная политика, которую следует отличать от АМП. Здесь под системой понимается именно политическая система и государство как ее основной институт. Молодежь объединяется под некими достаточно разными радикальными лозунгами. Это могут быть лозунги борьбы против административного произвола, клерикализма, манипуляции общественным сознанием, двойных стандартов и других форм воплощения политики постправды, сегрегации, коррупции и т. д. Действия активистов часто направлены против должностных лиц и государственных институтов, в том числе института ГМП.

Отмечаются отдельные попытки внедрения в научный лексикон понятия *негативная молодежная политика*, не несущего, на наш взгляд, какой-либо значимой когнитивной нагрузки. Ведь фактически речь идет о реализации государством своей карающей функции в целях защиты молодежи от осуждаемых государством типов социального поведения [29]. Мы считаем, что реализацию государством данной функции было бы корректнее обозначить термином *пенитенциарная молодежная политика*.

Проведенный анализ научных работ позволил выявить более 100 определений ГМП, различающихся как по субъектам, так и по базовым функциям и нормативному обеспечению этой политики. Однако если для научной дискуссии по молодежной проблематике такая ситуация вполне допустима, то для эффективной реализации ГМП необходима нормативная операционализация базовых категорий ГМП. Нормативной особенностью ГМП в РФ является статус основополагающих документов: это доктрины, концепции и стратегии ГМП, основные направления и прочие положения доктринального характера, не являющиеся правовыми актами. Именно они после их утверждения подзаконными нормативными правовыми актами (постановления Правительства РФ, указы Президента) приобретают регулятивные функции и становятся основополагающим руководством для повседневной деятельности органов и структур ГМП. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. упоминается ГМП и ее механизмы, основанные на взаимодействии с институтами гражданского общества, включая молодежные организации[4].

В Основах государственной молодежной политики РФ до 2025 г. ГМП определена в качестве направления государственной деятельности, реализуемого на основе взаимодействия с институциями гражданского общества и направленного на воспитание молодежи, оптимизацию ее потенциала[5]. Целью ГМП провозглашается достижение устойчивого общественно-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, упрочение ее лидерских позиций на мировой арене.

Процесс институциализации и формализации категориально-понятийного аппарата ГМП в РФ далек от завершения. Значимую роль в новых моделях молодежной политики играет принцип самосинхронизации, существенно повышающий инициативность, автономность

[4] Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // СПС КонсультантПлюс.

[5] Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р // СПС КонсультантПлюс.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

и наделяющий ощущением независимости каждого молодого человека как участника политического процесса. Принцип соучастия предполагает освобождение от формализма жесткого вертикального подчинения, переход от иерархии к гетерархии и основывается на доминировании горизонтальных сетевых структур. Такой подход позволяет оперативно адаптироваться к изменениям политической ситуации.

Правовое обеспечение ГМП и бегство от метанарратива

ГМП РФ буквально с момента рождения представляет собой модель перманентной реорганизации, сопровождающейся изменением ведомственной принадлежности. Но еще Ж.-Ф. Лиотар определял ситуацию постмодерна именно как утрату единой модели, легитимирующей представления о реальности [31, с. 10–14].

При разграничении предметов ведения РФ и ее субъектов возникает правовая неопределенность по поводу того, относится ли ГМП к предмету совместного ведения, или же следует исходить из реальной политики и формирования федеральных программ в сферах экономического, социального, культурного развития к предмету исключительного ведения РФ[6].

В современном законодательстве РФ регулирование правоотношений в рамках ГМП осуществляется посредством внушительного комплекса нормативно-правовых актов, из-за чего она «выглядит противоречивой и неоднозначной» [30, с. 23]. Первый российский ФЗ «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации» был принят Государственной Думой в 1999 г., одобрен Советом Федерации, но на него Б. Н. Ельциным было наложено президентское вето. Следующие попытки связаны с проектами ФЗ № 428343-4 (2007) и № 340548-6 (2013), которые так и остались проектами, поскольку получили отрицательные заключения Правительства РФ.

В 2014 г. был предложен очередной законопроект № 663594-6 «О молодежной политике в Российской Федерации». Однако он не получил поддержки в профильном комитете Государственной Думы. Сложным является вопрос о предмете регулирования данного закона: изначально пресекаются попытки разбавить его содержание налоговыми, пенсионными, трудовыми, жилищными и иными льготами, поскольку они являются предметами регулирования нормативных актов соответствующих отраслей права. В итоге весомая часть базовых положений ГМП вплоть до настоящего времени находится в пространстве пост-правды в виде многочисленных правовых документов подзаконного характера, в том числе в ведомственных правовых актах и т. д., при отсутствии единого обобщающего федерального закона.

Новый законопроект № 993419-7, внесенный сенаторами Г. Н. Кареловой, И. Ю. Святенко и др., а также депутатами Государственной Думы А. И. Аршиновой, Ю. В. Афониным в июле 2020 г., существенно корректирует верхнюю границу молодежного возраста. Вместе с тем он способствует повышению релятивности ГМП к сфере молодежной политики, что довольно неоднозначно характеризует указанный документ. Неслучайно проект получил резко негативные оценки со стороны ведущих российских экспертов, занимающихся исследованием проблем молодежи и государственной молодежной политики. Значительной критике подверглась сама концепция законопроекта № 993419-7, предмет его регулирования и используемый авторами законопроекта понятийно-концептуальный аппарат. В этой связи предметом научно-практических дискуссий, проводимых в традиционном и сетевом формате, стали актуальные положения законопроекта и последствия его принятия для развития ГМП как отрасли, предмет регулирования законопроекта и соответствие его структуры наиболее эффективным федеральным и региональным практикам ГМП, границы молодежного возраста, по-новому определенные в данном законопроекте.

В научном сообществе в числе активных участников обсуждения и критики проекта закона можно назвать д-ра социол. наук, проф. Ю. А. Зубок, д-ра юрид. наук А. В. Кочеткова, д-ра ист. наук, проф. В. В. Нехаева, д-ра пед. наук, проф. С. В. Тетерского и ряд других известных академических ученых и практиков[7].

К концепции законопроекта № 993419-7 существует значительное количество претензий как на федеральном, так и на региональном уровнях. Например, по мнению кузбасских юристов, авторы законопроекта не замечают очевидной необходимости увеличения размера бюджетного финансирования мер государственной поддержки молодежи. Из рассуждений, приводимых инициаторами законопроекта, следует, что в России увеличивается количество граждан РФ, которые могут считаться молодежью, а значит, и срок оказания им помощи в рамках программ ГМП увеличивается на 5 лет (поскольку ранее к молодежи относились граждане не старше 30 лет, теперь – не старше 35 лет). Соответственно, это является основанием для увеличения объема финансирования, создания для этого необходимых резервов бюджетной системы[8].

[6] Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Ст. 71–73 // СПС КонсультантПлюс.

[7] Союз ГМП // Facebook. Режим доступа: https://www.facebook.com/groups/382499542144523/ (дата обращения: 27.08.2020).

[8] Общественная экспертиза проектов ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и ФЗ «О внесении изменения в статью 4 федерального закона "О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений"» // Ассоциация юристов России. 22.08.2020. Режим доступа: http://old.alrf.ru/region42/obshhestvennaya-ekspertiza-proektov-fz-o-molodezhnoj-politike-v-rossijskoj-federacii-i-fz-o-vnesenii-izmeneniya-v-statyu-4-federalnogo-zakona-o-gosudarstvennoj-podderzhke-molodezhnyx-i-detskix-obshhes/ (дата обращения: 27.08.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

Сетевое пространство ГМП – возможности и ограничения

Смысл ГМП РФ многие эксперты находят в активизации молодежного ресурса для решения задач модернизации [32, с. 3–4]. Ю. В. Ирхин наглядно демонстрирует основополагающие отличия парадигм модерна и постмодерна [33, с. 18]. В постмодерне управление ГМП – это прежде всего управление символами. Возрастанию их значения в политике способствуют процессы информатизации и глобализации, формирования сервис-класса – образованных, ориентированных на высокую мобильность и карьеру молодых людей, активно использующих сетевые средства взаимодействия. Но в пространстве пост-правды, как отмечает С. В. Чугров, сетевое мышление соединяет иррациональные трактовки иррациональных действий в единый, еще более иррациональный нарратив [34].

Профессор Н. В. Зубаревич в своей концепции четырех Россий рассматривает в качестве вероятного сценарий постмодернистского авторитаризма как продолжение сложившегося в РФ антимодернизационного тренда [35]. Ж. Бодрийяр наделяет массовое сознание (не только россиян) свойствами черной дыры, которая представляется ему как нечто, не способствующее развитию, прогрессу, но, наоборот, разрушающее и все втягивающее в себя [36]. Выделяя побочные последствия постправды, он пишет: «коллективная дезиллюзия становится ужасной, когда иллюзия заканчивается» [37, с. 80].

Инкорпорирование сетевых структур в управленческую систему государства является повседневной практикой большинства постмодернистских государств, в которых в силу стремительного развития информационных технологий и ускорения процессов глобализации происходит стремительное размывание границ между властью и гражданским обществом. В результате формируется серьезный научный интерес к горизонтальным сетевым структурам. Это связано с изменением общей парадигмы в политических науках, современными исследованиями в области коммуникативистики и новыми технологиями ГМП.

Сети, открытые для широкого взаимодействия, трансформируют организационный ландшафт современной государственной молодежной политики. Зарубежный опыт доказывает, что традиционная вертикальная модель взаимодействий акторов между институциональными субъектами молодежной политики (в том числе структурами электронного правительства) [38] и основными контрагентами ограничивает ресурс внедрения новых инновационных технологий «мягкой силы» (*soft power*), обеспечивающих культурную и образовательную привлекательность европейской модели ГМП [39], в управленческую практику, что приводит к замедлению развития сферы ГМП.

Формирование сетевой, гетерархичной архитектуры управления – это серьезный вызов для государства и его политических институтов. Ответ на него предполагает научный анализ специфики молодежных политических сетей как перспективной формы, которая, с одной стороны, позволяет эффективно решать динамические проблемы в ситуации неопределенности, с другой – требует от государственных служащих обновления профессиональных компетенций, изменения структуры мотивации, отказа от наиболее одиозных персистентов управленческой культуры.

Для преодоления указанного противоречия необходимо принципиальное изменение подхода к пониманию и организации процессов разработки и осуществления государственной молодежной политики, связанной с развитием, в первую очередь, сетевых структур, образующих в своей совокупности с административными и рыночными формами новую модель государственной молодежной политики. При этом совершенно бессмысленно создавать очередные «дорожные карты» для выхода из постмодернистского интеллектуального тупика или принимать драконовские законы против распространителей постправды, пытаться плыть против течения, применяя арсенал уже устаревших рациональных методов борьбы с симптоматикой постмодернистского сетевого сознания.

Заключение

Пока еще формирующееся новое институционально-сетевое пространство ГМП неизбежно оформится как симбиоз публичных и сакральных сфер политики, скрывая реальные ресурсные потоки и коммуникативные обмены внутри государственных институтов, а также между государством и обществом. Масштабность и степень позиционирования сетевых и институциональных структур, модели их подотчетности будут определяться типом политического режима и адекватностью институционально-организационной структуры молодежной политики.

Литература

1. Товбин К. М. Редукция постполитики // Вестник Института социологии. 2014. № 2. С. 66–80.
2. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. / пер. А. В. Гараджи // Гендерная теория и искусство: антология: 1970–2000 / под ред. Л. М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322–377.
3. Айвазова С. Г. Эмпауэрмент как проблема российской массовой политики // Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. М.: РОССПЭН, 2016. С. 248–258.
4. Чирун С. Н. Молодежная политика в состоянии постмодерна: государство, власть, общество: дис. … д-ра полит. наук. Казань, 2016. 430 с.
5. Crouch C. Post-democracy. Cambridge: Polity Press, 2004. 144 p.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

6. Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05
7. Keyes R. The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. N. Y.: St. Martin's Publishing Group, 2004. 320 p.
8. Petrov N. P. The elite: new wine into old bottles? // Russian Politics and Law. 2017. Vol. 55. № 2. P. 115–132. DOI: 10.1080/10611940.2017.1393260
9. Зуев В. Н., Попова И. М. Европейский подход к управлению в сфере спорта: ценности, нормы и интересы // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 51–65. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-03
10. Кехлер Г. Новые социальные медиа: шанс или препятствие для диалога? // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 75–87.
11. Маяцкий Д. А. Политическая социализация российской молодежи в контексте государственной молодежной политики: дис. … канд. полит. наук. М., 2007. 187 с.
12. Афонина В. Н. Государственная молодежная политика в современной России (взаимодействие институтов государства и гражданского общества): дис. … канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002. 180 с.
13. Щербина О. С. Механизм государственной молодежной политики в Российской Федерации: современное состояние и тенденции развития: дис. … канд. полит. наук. Черкесск, 2006. 181 с.
14. Коряковцева О. А. Государственная молодежная политика как фактор общественно-политической активизации молодежи в постсоветской России: автореф. дис … д-ра полит. наук. Ярославль, 2010. 47 с.
15. Кузьмичева Д. А. Молодежная политика современной России в условиях реформирования политической системы: дис. … канд. полит. наук. Кострома, 2007. 205 с.
16. Дегтярева О. В. Молодежная политика: региональный аспект: дис. … канд. социол. наук. Новосибирск, 2005. 200 с.
17. Страдзе А. Э. Трансформация государственной молодежной политики в современной России: дис. … канд. социол. наук. Саратов, 2008. 161 с.
18. Бояринова И. В. Управление кадровым обеспечением государственной молодежной политики в регионе: дис. … канд. социол. наук. Белгород, 2008. 214 с.
19. Черкасова Т. В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема: дис. … д-ра социол. наук. М., 2004. 357 с.
20. Кострова А. А. Публичная молодежная политика: процесс становления и реализации в современной России: дис. … канд. социол. наук. М., 2008. 229 с.
21. Якушева И. П. Современные молодежные движения как фактор активизации политического сознания в Российском обществе: дис. … канд. полит. наук. М., 2007. 180 с.
22. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Б. и., 2013. 203 с.
23. Соловей В. Д. Абсолютное оружие. Основы психологической войны и медиаманипулирования. М.: Эксмо, 2015. 320 с.
24. Чирун С. Н., Николаев А. В., Зайцева В. А. Политические технологии в сетевой реальности постмодерна // Власть. 2018. Т. 26. № 3. С. 7–13.
25. Алещенок С. В. К проблеме новой концептуализации молодежи // Методологические проблемы исследования молодежи (материалы к дискуссии) / сост. Б. А. Ручкин, П. И. Бабочкин. М.: Социум, 1998. С. 34–37.
26. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы II. Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. 640 с.
27. Айтжанова Д. Н., Ветренко И. А. Общественная дипломатия России и Казахстана как инструмент формирования государственной молодежной политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 1. С. 143–148. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.1.14
28. Неклесса А. И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 80–95. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.06
29. Меркулов П. А., Елисеев А. Л., Аронов Д. В. «Негативная молодежная политика» как составляющая государственной политики в отношении молодежи // Власть. 2015. № 2. С. 141–145.
30. Карнаушенко Л. В. Государственная молодежная политика как инструмент противодействия тенденциям деформации правосознания российской молодежи // Общество и право. 2015. № 1. С. 20–24.
31. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
32. Чекмарев Э. В. Роль молодежи в политической модернизации постсоветской России: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Саратов, 2009. 46 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

33. Ирхин Ю. В. Постмодернистская методология анализа и проектирования политики // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 1. С. 13–25.
34. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04
35. Zubarevich N. V. The burden of regions: what has changed in ten years? // Russian Politics and Law. 2017. Vol. 55. № 2. P. 61–76. DOI: 10.1080/10611940.2017.1393269
36. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 95 с.
37. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016. 222 с.
38. Ваславский Я. И., Габуев С. В. Варианты развития электронного правительства. Опыт России, США, КНР // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 108–125. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.9
39. Касаткин П. И., Ивкина Н. В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 26–36. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00003

original article

Russian Youth Policy in the Post-Truth Space

Sergey N. Chirun [a, @, ID]; Maria S. Chirun [b]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[b] Kemerovo State Institute of Culture, Russia, Kemerovo
[@] Sergii-Tsch@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-7422-8030

Received 28.07.2020. Accepted 04.09.2020.

Abstract: The present research featured the effect of Postmodern on the state youth policy with its spatial characteristics and the post-truth concept. The authors examined the genesis and development of the post-truth space. The study involved intertextual, network, intent, and discourse analyses, which made it possible to describe the interpretative features of Postmodern. The authors believe that Russian state youth policy has become a "factoid factory": together with marketing and PR technologies, factoids led to the total simulation of state youth policy, which keeps generating new simulations instead of real success and achievements. Postmodern blurs and destabilizes the criteria for identity and stratification. Away from the scientific worldview, young citizens are ready to believe in irrational semantic constructions formed by a symbiosis of lies and post-truths, like in the pre-industrial epoch. The post-truth is a set of unreliable socio-political representations formed in a certain civilian environment through the targeted application of political technologies. The authors applied the nonlinear methodology to interpret the postmodern approach to the state youth policy. They used the categorical and conceptual apparatus of Postmodern to analyze the problems and typology of the domestic state youth policy. The paper focuses on the possibilities of the network approach in the optimization of the existing state youth policy, as well as on the prospects and potential obstacles to its implementation. The research also featured the institutional transformations of the youth policy in relation to the technologies of manipulation and data falsification in the political and administrative process, where the very interaction of political actors on post-truth network sites forms various forms of network interactions.

Keywords: cybersimulation, postmodern youth, post-gender, Postmodern, political network, simulacra, political technology, soft power

For citation: Chirun S. N., Chirun M. S. Russian Youth Policy in the Post-Truth Space. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 444–453. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

References

1. Tovbin K. M. Reduction of post-politics. *Vestnik Instituta Sotsiologii*, 2014, (2): 66–80. (In Russ.)
2. Haraway D. Manifesto for cyborgs: science, technology and socialist feminism in the 1980s., tr. Garadzha A. V. *Gender theory and art: anthology: 1970–2000,* eds. Bredikhina L. M., Dipuell K. Moscow: ROSSPEN, 2005, 322–377. (In Russ.)
3. Ayvazova S. G. Empowerment as a problem of Russian mass politics. *Mass politics: institutional foundations*, ed. Patrushev S. V. Moscow: ROSSPEN, 2016, 248–258. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

4. Chirun S. N. *Youth policy in the state of postmodernism: the state, power, and society*. Dr. Polit. Sci. Diss. Kazan, 2016, 430. (In Russ.)
5. Crouch C. *Post-democracy*. Cambridge: Polity Press, 2004, 144.
6. Glukhova A. V. Populism as a political phenomena and the challenge of the modern democracy. *Polis. Political Studies,* 2017, (4): 49–68. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.04.05
7. Keyes R. *The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life*. N. Y.: St. Martin's Publishing Group, 2004, 320.
8. Petrov N. P. The elite: new wine into old bottles? *Russian Politics and Law*, 2017, 55(2): 115–132. DOI: 10.1080/10611940.2017.1393260
9. Zuev V. N., Popova I. M. The European model of sports: values, rules and interests. *International Organizations Research Journal*, 2018, 13(1): 51–65. (In Russ.) DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-03
10. Kekhler G. New social media: a chance or an obstacle to dialogue. *Polis. Political Studies*, 2013, (4): 75–87. (In Russ.)
11. Maiatskii D. A. *Political socialization of Russian youth in the context of state youth policy*. Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2007, 187. (In Russ.)
12. Afonina V. N. *State youth policy in modern Russia (interaction of state institutions and civil society)*. Cand. Polit. Sci. Diss. Rostov-on-Don, 2002, 180. (In Russ.)
13. Shcherbina O. S. *The mechanism of the state youth policy in the Russian Federation: the current state and development tendencies*. Cand. Polit. Sci. Diss. Cherkessk, 2006, 181. (In Russ.)
14. Koryakovtseva O. A. *Transformation of the state youth policy in modern Russia*. Dr. Polit. Sci. Diss. Abstr. Yaroslavl, 2010, 47. (In Russ.)
15. Kuzmicheva D. A. *The youth policy of modern Russia in the conditions of reforming the political system*. Cand. Polit. Sci. Diss. Kostroma, 2007, 205. (In Russ.)
16. Stradze A. E. *Transformation of the state youth policy in modern Russia*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Saratov, 2008, 161. (In Russ.)
17. Boyarinova I. V. *Managing the staffing of state youth policy in the region*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Belgorod, 2008, 214. (In Russ.)
18. Degtiareva O. V. *Youth policy: a regional aspect*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2005, 200. (In Russ.)
19. Cherkasova T. V. *Management of youth conflicts as a social problem*. Dr. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2004, 357. (In Russ.)
20. Kostrova A. A. *Public youth policy: the process of formation and realization in modern Russia*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Moscow, 2008, 229. (In Russ.)
21. Yakusheva I. P. *Modern youth movements as a factor in the activation of political consciousness in Russian society.* Cand. Polit. Sci. Diss. Moscow, 2007, 180. (In Russ.)
22. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Tula: B. i., 2013, 203. (In Russ.)
23. Solovei V. D. *Absolute weapon. Fundamentals of psychological warfare and media manipulation*. Moscow: Eksmo, 2015, 320. (In Russ.)
24. Chirun S. N., Nikolaev A. V., Zaitseva V. A. Political technologies in the network reality of postmodernity. *Vlast*, 2018, 26(3): 7–13. (In Russ.)
25. Aleshchenok S. V. To the problem of new conceptualization of youth. *Methodological problems of youth research (materials for discussion)*, comp. Ruchkin B. A., Babochkin P. I. Moscow: Sotsium, 1998, 34–37. (In Russ.)
26. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. *Thesauruses II: Thesaurus approach to understanding man and his world*. Moscow: Izd-vo Nats. in-ta biznesa, 2013, 640. (In Russ.)
27. Aytzhanova D. N., Vetrenko I. A. Public diplomacy of Russia and Kazakhstan as a tool of state youth policy formation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, 22(1): 143–148. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.1.14
28. Neklessa A. I. The crises of history. The world as an unfinished project. *Polis. Political Studies,* 2018, (1): 80–95. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2018.01.06
29. Merkulov P. A., Eliseev A. L., Aronov D. V. Negative youth policy as a part of public policy towards young people. *Vlast*, 2015, (2): 141–145. (In Russ.)
30. Karnaushenko L. V. The state youth policy as a tool of counter-trends deformation of legal consciousness of the Russian youth. *Society and law*, 2015, (1): 20–24. (In Russ.)
31. Lyotard J.-F. *La condition postmoderne,* tr. Shmatko N. A. Moscow: In-t eksperim. sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiia, 1998, 159. (In Russ.)
32. Chekmarev E. V. *The role of youth in the political modernization of post-Soviet Russia*. Dr. Polit. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 2009, 46. (In Russ.)
33. Irkhin Yu. V. Postmodern methodology of analysis and projecting politics. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies*, 2014, (1): 13–25. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-444-453

34. Chugrov S. V. Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? *Polis. Political Studies,* 2017, (2): 42–59. (In Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04
35. Zubarevich N. V. The burden of regions: what has changed in ten years? *Russian Politics and Law*, 2017, 55(2): 61–76. DOI: 10.1080/10611940.2017.1393269
36. Baudrillard J. *A l'ombre des majorités silencieuses, ou la fin du social.* Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, 2010, 95. (In Russ.)
37. Baudrillard J. *L'Esprit du terrorisme. La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu,* tr. Kachalov A. Moscow: RIPOL klassik, 2016, 222. (In Russ.)
38. Vaslavskiy Ya. I., Gabuev S. V. Global trends in electronic governance. Cases of the USA, China and Russia. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2017, 15(1): 108–125. (In Russ.) DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.9
39. Kasatkin P. I., Ivkina N. V. Cultural and educational dimensions of EU soft power. *Comparative Politics Russia*, 2018, 9(1): 26–36. (In Russ.) DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00003

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

оригинальная статья
УДК 316.2/312.244

Геополитический аспект миграции в постюгославском хронотопе с позиции социологии истории

Неманя Б. Вукчевич [a, @, ID]
[a] Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, Россия, г. Белгород
[@] nemanja.vukcevic75@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3682-3888

Поступила в редакцию 20.08.2020. Принята к печати 25.09.2020.

Аннотация: Многогранный феномен миграции как следствие международных политических событий и изменения соотношения сил можно рассматривать с геополитической точки зрения. В статье дается обзор теоретических основ социологии истории, представлен краткий анализ отдельных геополитических фактов, начиная с периода Древнего Рима до наших дней на постюгославском хронотопе. Проанализированы такие глобальные исторические события, как падение Константинополя, Османской империи, мировые войны XX века. На основе абстрагирования, использования методов социологии истории, применения принципов единства логики и истории была проведена аналогия с современным миграционным кризисом в постюгославском хронотопе, в частности в Республике Сербии, в целях прогнозирования его возможного исхода и предотвращения социальной коллизии. При управлении миграционными процессами важно учитывать, что, хотя история и не повторяется полностью, но если определенные известные условия постоянно дают один и тот же результат, разумно ожидать, что тот же результат может повторяться в тех же условиях и в будущем. В социологии такой подход к изучению общественных взаимодействий не представлен в достаточной мере, хотя именно он делает возможными системные и долгосрочные решения в области миграционного кризиса, в отличие от мероприятий *Ad hoc*, имеющих краткосрочный и поверхностный характер. Не преуменьшая значение имеющих сегодня место решений и результатов, отметим, что в целом они привели к геттоизации мигрантов, грозящей перерасти в общественный конфликт. Именно поэтому к данной проблеме необходим новый подход, включающий в себя методы и достижения социологии истории.

Ключевые слова: миграционные процессы, геополитика миграции, исторические аналогии, военные конфликты, изменение государственный границ, Балканы

Для цитирования: Вукчевич Н. Б. Геополитический аспект миграции в постюгославском хронотопе с позиции социологии истории // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 454–467. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Введение

Рост миграционных потоков, связанных с поиском убежища и перемещением населения с целью трудоустройства, получения образования или поиска более комфортного места для жизни, из менее развитых в социально-экономическом смысле стран в более развитые и политически-стабильные государства в значительной мере был вызван изменениями в современном мире. Эти изменения обусловлены перераспределением соотношения геополитических сил, экономической глобализацией и политической интеграцией государств и регионов. Для постюгославского пространства данная проблема особенно актуальна из-за бурной истории миграции, определившей многонациональный и многоконфессиональный состав населения балканских стран, а также в связи с географическим положением на стыке западной и восточной цивилизаций и вовлечением в маршрут миграций в рамках европейского миграционного кризиса.

Присущая славянскому миру толерантность способствует тому, что по большей части мигранты оказываются в данной среде в более комфортных условиях, чем в странах, где общество-реципиент традиционно отличается настороженным отношением к представителям иной национальности и культуры. Но и на данной территории в последние годы приток мигрантов превратился в крайне актуальную проблему, вызывающую недовольство значительной массы коренного населения. Одной из ключевых причин этого является отсутствие национальной концепции государственной миграционной политики, с помощью которой могло бы осуществляться эффективное стратегическое управление миграционными процессами в постюгославском хронотопе.

В механизме управления миграцией центральное место занимает вопрос об интеграции и геттоизации мигрантов, что в первую очередь подразумевает интеракции мигрантов и принимающего сообщества. Организация пребывания в стране постоянных и временных мигрантов является одной из важнейших задач государственной миграционной политики, поскольку во многом сохранение международного мира, предотвращение социальных конфликтов

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

и криминализации зависит от того, насколько эффективно происходит интеграция мигрантов. В этой связи нам представляется важным обратиться к историческому опыту, который не только может дать ключ к пониманию сущности механизма интеграции как эффективного пути управления миграционными процессами в постюгославском хронотопе, но и позволит использовать эффективные решения в данной области как ретроинновации в современном мире.

Таким образом, цель нашей работы – прогнозирование возможного исхода актуального миграционного кризиса в постюгославском хронотопе для предотвращения социальной коллизии путем построения аналогий посредством абстрагирования достаточно большого объема геополитических факторов из ретроспективы миграций на основе принципа единства логики и истории. Теоретическим обоснованием такого подхода в нашем исследовании стали положения социологии истории как отрасли социологии, в фокусе внимания которой находятся исторические процессы формирования и развития различных общественных структур. Основу исследования составили фундаментальные труды О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, М. Вебера, Э. Дюркгейма, П. А. Сорокина и Н. Элиаса. Исчерпывающее представление об историческом синтезе и методах французской школы «Анналов» дает работа А. Я. Гуревича. Особый интерес в рамках социологии представляет взгляд на историю Э. Х. Карра. Мы также ознакомились с работами М. Манна, во многом благодаря которому социология истории заняла равноправное место среди других отраслей знания. Обширный исторический материал для нашего исследования дали труды профессора М. Экмечича, профессора Б. И. Бойовича и ряда других сербских ученых. Большая часть построенных нами аналогий была вдохновлена идеями С. Хантингтона.

В ходе исследования проблемы управления миграционными процессами после детального рассмотрения истории и геополитического контекста перемещений населения на нынешней сербской территории встал вопрос дальнейших логических рассуждений с социологической точки зрения. Мы выдвинули тезис о том, что миграционные процессы не являются новым явлением в постюгославском хронотопе и показали в ретроспективе, что их итогом может быть либо интеграция, либо социальная коллизия. Полагаем, что ни одна история, написанная исключительно из ограниченной рамками национального государства перспективы, не смогла бы объяснить саму себя, т. к. в интерпретации не хватало бы аспекта внешнего влияния, которое имеет решающее детерминирующее влияние на формирование институтов и процессов, имеющих место в ограниченном пространстве национального государства. Тезис о решающем воздействии внешних детерминант на развитие хода истории национального государства является ценным ориентиром для социологических исследований, связанных с изучением событий из прошлого. Когда речь идет о национальных государствах, реализующих многочисленные интенсивные процессы обмена и интеракций с окружением, сложно осмыслить долгосрочный цикл, который формирует историческое ядро конкретного государства [1].

Методы и материалы. Методы исследования подобраны в единстве общенаучной и частно-научной методологии, что, учитывая характер исследования, позволяет сочетать познавательные средства общетеоретической социологии, социологии управления, социологии истории, политологии и культурологии, использовать междисциплинарный подход к изучению управления миграционными процессами. Важное место занимают структурно-функциональный и сравнительно-исторический подходы, абстрагирование. Нашли применение принципы системности и историзма, позволяющие определить механизм управления миграционными процессами на примере постюгославского хронотопа и провести сравнение с другими государствами; пользуясь достижениями мировой социологической науки, представить возможные пути предотвращения социальной коллизии посредством интеграции мигрантов. Анализ различных концепций в области миграций и их регулирования и теории интеграции дал возможность предложить авторский подход.

Теоретические основы применения сравнительно-исторического подхода

Сегодня социология истории является отдельной актуальной отраслью социологии. Родоначальниками современного социально-исторического направления в науке, целью которого является синтез фактов событий прошлого и их социологического объяснения, являются О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби [2; 3]. Современные исследования в области социологии свидетельствуют о возрастании роли синтеза теоретических дисциплин (театральная антропология, общественная теория, социальная психология и история и пр.). Эвристическая ценность подобных подходов ясно видится во всех актуальных работах, которым присущ междисциплинарный характер, теоретическая открытость. История индивидуализирует и описывает уникальные явления, а социология обобщает их посредством формулирования теории, которая определяет категорию этих явлений, однако в основе их различия лежит не непоколебимый методологический принцип, а лишь особенность акцентирования. У социологии и истории общая цель – анализ определяющего поведения индивидуумов и групп при грамотном понимании процесса, контекста и изменений [1].

Одним из первых социологов истории, который непрестанно подвергал критике «изоляцию социологии в настоящем», является Н. Элиас [4, p. 223]. Английский социолог Ф. Абрамс утверждал, что история и социология – единое целое, их взаимосвязь может быть вопросом институционального образования, но не самой ее сути. Ученый пишет, что общественный процесс составляют исторические события: «событие – это момент существования, в котором встречаются действие и структура» [5, p. 192].

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Основные изменения в общественных процессах вызывают большие события: «великие события обуславливают решающие взаимосвязи действия и структуры; это прозрачные моменты структурирования, когда деятельность людей сталкивается с возможностями общества, и можно ясно видеть, какова их одновременно и определяющая, и определенная роль» [5, p. 199].

В нашем исследовании как подобное великое событие рассматриваются миграционные процессы в постюгославском хронотопе. Интересно отметить, что американский социолог Ч. Р. Миллс отстаивал мнение о том, что каждая отрасль социологии достойна своего собственного имени – в том числе и социология истории [6]. Это означает, что присущие жизни социума во все времена институты, структуры и формы социальной интеракции имеют историю в том смысле, что они являются результатом предшествующего развития в общественном мире.

В продолжение идей античной и средневековой историографии, связанных с изучением последовательности истории, основоположники социологии как теории истории в конце XIX в. намеревались создать науку, которая бы одновременно давала объяснение событиям прошлого и прогнозировала события в будущем посредством формирования общественных или исторических законов [1]. Мы постарались решить поставленные задачи, применив именно такой подход. В отличие от своих коллег из более раннего периода, представители школы «Анналов» не были враждебно настроены по отношению к социологии. Напротив, они утверждали, что социология и история – одна и та же «авантюра духа» и что во многих своих отраслях они комплементарны, как и на самом глубинном уровне, где «в перспективе долгосрочной истории… они на самом деле сливаются» [7]. По мнению известного английского социолога Д. Смита, социологи истории изучают прошлое и способы функционирования и изменения общества, чтобы определить будущее, которое возможно в социологическом смысле [8].

Историзм как таковой представляет собой общественно-научный подход, развивающий утверждение о том, что историческое предвидение является основной целью и что эта цель может быть достигнута при открытии ритмов или образцов, законов или правил, которые лежат в основе исторического развития. Хотя историзм и составляет основу антинатурализма, он никоим образом не вступает в противоречие с идеей о том, что натуралистские и общественно-научные методы включают единый общий элемент. Это обусловлено тем фактом, что представители историзма принимают в качестве аксиомы мысль, что социология, как и физика, представляет собой такую область знания, которая одновременно ставит перед собой и теоретические, и эмпирические цели. Мы полностью согласны с этим, т. к. если астрономы могут предсказывать затмения, то почему социологи не могут предвидеть революции? Конечно, с точки зрения логики невозможно создать точный календарь общественных событий, который мы могли бы поставить в один ряд, например, с Морским астрономическим альманахом. В соответствии с этим, фактическая основа социологии может быть представлена только в форме хроники политических или социальных событий. Такая хроника значимых в жизни общества событий представляет собой то, что обычно называют историей. В этом смысле история представляет собой основу социологии.

Речь тут не идет об истории в традиционном понимании только лишь как хроники исторических событий. История, с которой представители историзма соотносят социологию, не рассматривает только минувшее прошлое, но смотрит и в будущее. Она занимается изучением действующих сил и в конечном итоге законов общественного развития. Исследователи сходятся во мнении, что теоретики социологии задумывали эту науку как настоящую, научную или теоретическую историю. В отличие от обычной истории, которая только описывала произошедшее, социология (как теоретическая история) должна была, как в случае с теоретической физикой, одновременно давать объяснение событиям из прошлого и предвидеть события в будущем посредством открытия общественных или исторических законов. Поэтому ориентация ранней социологии на историю не была случайной. Общественные изменения, которые происходили в конце XVIII – начале XIX вв., оказались в фокусе внимания научной общественности, поэтому родоначальники социологии стремились посредством формулирования законов общественного развития заложить основы науки, которая могла бы стать путеводителем для реорганизации общества в будущем. Разумеется, сама идеи о поиске закономерностей в истории не была нова: она имела место еще в средневековой (и даже античной) историографии, как и в философии истории конца XVIII – начала XIX вв. [1].

Необходимо упомянуть и попытку отстоять право социологии на исторический анализ в определенный период в Германии, также завершившуюся неудачей. По словам американского социолога немецкого происхождения, представителя неовеберианского направления Р. Бендикса, речь тут идет о стремлении А. Вебера сконструировать дисциплину, о которой он писал как о «социологии культуры» и понимание которой у него было близко к сегодняшнему пониманию этой дисциплины в одном из направлений социологии истории [9]. На наш взгляд, Р. Бендиксу тут в значительной мере присущ радикализм, т. к. он практически полностью отрицает возможность теоретизации истории. А. Вебер уже в своей первой работе по этому вопросу, отказавшись от применения натуралистического метода в социологии, одновременно отбросил и крайний историзм, который исключает существование какого-либо общего образца в исторических явлениях. Поэтому, он ориентировался на разработку социологии культуры, которая должна была стать некой формой синтетической истории, комбинирующей в разных соотношениях *Kulturgeschichte* (историю культуры) и *Gesellschaftsgeschichte*

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

(социальную историю) с политической историей и глобальными схемами эволюционной социологии и социологии развития [10]. Между тем А. Вебер не смог опубликовать книгу «*Kulturgeschichte als Kultursoziologie*», в которой предпринял данную попытку, в уже находившейся под властью нацистов Германии и поэтому опубликовал ее в Нидерландах в 1935 г. В связи с этим данная, по выражению немецких социологов Г. Рота и В. Шлюхтера, «книга беженца» даже близко не могла оказать на исследователей того периода то влияние, которое соответствовало ее уровню [9]. При этом ученые сходятся в том, что именно Р. Бендикса можно считать последним из эмигрировавших представителей довоенной немецкой традиционной школы социологии истории.

В качестве критика вышеизложенной концепции выступил Э. Дюркгейм, который в этой связи выделяет по меньшей мере такой исследовательский барьер, как серьезное ограничение возможности предвидения в социологии, связанное с невозможностью прогнозировать, какой именно коррелирующий фактор будет преобладать в последующей фазе некого процесса развития [11]. С трудами О. Шпенглера и А. Дж. Тойнби, философия истории в значительной степени приблизилась к идеалу исторического позитивизма, поэтому в 30-е гг. прошлого века почти исчезла дисциплинарная разница между произведениями авторов, которые никогда не позиционировали себя как социологи (как, например, их современник П. А. Сорокин, который свою работу в соответствии с тем же идеалом исторического позитивизма сам понимал как социологическую *par excellence*) [12].

В конце концов исторический позитивизм пережил падение. Уже в начале XX в. стало очевидно, что крупнейшая и самая амбициозная социологическая теория, построенная в традициях исторического позитивизма (теория общества К. Маркса), не достигла своей программной задачи по поиску общественно-исторических законов, которые имели бы такой же эпистемологический характер, какой имеют подобные законы в физике, т. е. такие законы, которые были бы в равной степени способны объяснить как прошлое, так и глобальные движения в будущем, что тоже можно отнести к критике рассматриваемого нами подхода [13].

Поэтому социологи США стремились изменить ситуацию и ввести социологию в круг наук, которые занимаются реальными проверяемыми гипотезами, что подразумевает исследование существующих явлений или актуальных процессов так, чтобы быть в состоянии с помощью определенных стандартизованных техник (характерных для социологии) получать новые данные, которые, затем, решающим образом подтвердят или опровергнут выдвинутую гипотезу. Подразумевается, что в такой концепции социологии не могло быть места для истории и свершившихся процессов и событий, которые уже имели место и в этом качестве стали предметом исследования. Американская социология вплоть до начала 1960-х гг. брала в рассмотрение события из прошлого, как будет позже иронично сказано, не дальше, чем «вчера после обеда»: это не значит, что вообще не было работ, которые бы подразумевали компаративно-исторический анализ или хотя бы попытки рассмотрения исторических обществ сквозь призму социологической науки (возможность применения исторического подхода к изучению современного общества) [14; 15]. Однако в серьезном забвении оказалась сама проблематика общественных изменений и общественного развития [16], из-за чего социология совсем отдалилась от основного замысла ее основателей и фактически свелась к однодневной практической дисциплине.

Прогнозирование в общественно-исторических дисциплинах не имеет пророческого характера и является не безусловным предсказанием будущих событий, а указанием на то, что если будут действовать или будут достигнуты условия x, y, z, то реализуется вид события a. Как показал в своих работах К. Поппер, прогнозирование является лишь другой стороной объяснения: если мы смогли определить условия, которые в прошлом привели к события вида a, одновременно мы можем предвидеть, что и в будущем, когда будут достигнуты условия x, y, z, может произойти вид явления a. Исследователь в области общественных наук, конечно, не может предсказать специфические события, как это невозможно сделать и в области естественных наук, но он со значительной долей вероятности может спрогнозировать вид явления [17; 18].

По словам британского ученого, противника эмпиризма в историографии Э. Х. Карра, «как и физик, который, несмотря на универсальность закона гравитации, не может предвидеть какое именно яблоко упадет с дерева, социолог, хотя он может совсем точно предсказать, что если два или три ребенка в какой-то школе заболеют ветрянкой, то это обернется эпидемией, не может знать будет ли ветрянка у того или иного конкретного ребенка» [13, p. 62, 63]. По этой причине генерализация в истории не может быть отброшена только из-за неудачных попыток философии истории прийти к единственной мегагенерализации, которая утверждала бы закон целокупного исторического процесса: если попытка настолько широкого обобщения потерпела неудачу, отмечает Н. Решер, это не значит, что и любое другое обобщение в истории невозможно [19]. Значение социологии и других общественных наук для истории проистекает из того, что они обуславливают генерализации среднего уровня, которые на самом деле имеют сущностное значение для любого серьезного объяснения истории.

Слабость исторического подхода в социологии, по мнению Н. Решера, проявляется в том, что «хотя он и дает возможность сделать определенные предположения, на его основе нельзя прогнозировать по-настоящему крупные критические изменения на мировой сцене – именно те изменения, которые интересуют нас больше всего и которые находятся в фокусе внимания исследователей…

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

однако, другие подходы также не имеют такой возможности, но при этом они не теряют своей научной значимости: например, медицина способна предвидеть и достаточно близкое будущее (отсутствие изменений в состоянии здоровья пациента), и весьма далекую перспективу (в любом случае пациент однажды должен будет умереть), но она обычно не может дать ответ на действительно интересующие нас вопросы о состоянии нашего здоровья на ближайшие несколько месяцев или лет» [19, p. 861].

В то время пока социология в большей степени сосредотачивает внимание на той части оси, которая подлежит генерализации (поэтому в ее методах и языке больше дедуктивно-номологических и обобщающих заключений), история и социология истории свободно двигаются вдоль всей этой оси и таким образом дополняют друг друга и переплетаются настолько, что их иногда невозможно разделить. На самом деле они представляют собой два сегмента единого корпуса исторического знания, и их разграничение обусловлено в большей мере академическими причинами целесообразности выделения двух точек зрения на один и тот же предмет исследования, чем эпистемологически непреодолимым разрывом между двумя различными предметами или двумя несоединяемыми методами исследования.

Сегодня социология истории в качестве составной части своего научного корпуса включает и французскую школу «Анналов». В других языковых пространствах мы можем отметить постоянный рост интереса к данной дисциплине, например в Германии (J. Kocka) и в России (Л. М. Дробижева, Л. П. Лашук), поэтому, по нашему мнению, Д. Смит полностью прав, когда утверждает, что после возрождения интереса к социологии истории примерно в начале 1960-х – 1970-х гг. это направление активно развивалось, чтобы в 1980-х – начале 1990-х гг. прочно утвердиться в научном дискурсе [8]. В современной социологии истории мы находим примеры теоретического скептицизма (Р. Бендикс, М. Манн) и отрицания возможности найти глобальные каузальные связи в рамках данного подхода [20, p. 341]. При этом большая часть социологов истории верит, что определенные виды общественно-исторических явлений или состояний могут дать общие рамки объяснения и что, прежде всего, посредством применения компаративно-исторического метода, можно прийти к определенного рода индуктивной генерализации.

Британский социолог Дж. Г. Голдторп предупреждает, что социолог истории должен осознавать, что при использовании результатов чужого первичного исследования, он получает обзор истории не просто через вторые, но даже через третьи руки (т. к. и историки обращались к первичным исследованиям), поэтому сам он в лучшем случае может дать только «интерпретацию интерпретированной интерпретации» [21; 22]. Даже в конце 1950-х гг. узкий эмпиризм и презентизм подвергался сильной критике. Это можно назвать первым кризисом послевоенной социологии. Соглашаясь с необходимостью существования теории, некоторые авторы взвешенно аргументируют целесообразность вновь обратиться к исторической ретроспективе. Для Ч. Р. Миллса это было базовым условием настоящей мечты социолога: «любая общественная наука, или, лучше сказать, любое хорошо осмысленное исследование общества, требует концептуального исторического обзора и полноценного обращения к историческим данным» [6, p. 145].

Соответственно, если бы социология достигла успеха в своей попытке дать нам значимый с научной точки зрения политический прогноз, это стало бы доказательством ее огромной ценности для политиков, особенно для тех, чье видение простирается далеко за границы настоящего – тех, у кого присутствует развитое осознание исторической судьбы. На самом деле некоторые представители историзма удовлетворяются прогнозированием только непосредственно предстоящих этапов процесса развития человеческой истории, осторожно выбирая определения, которые будут им даны. Но им всем присуща идея, что социологические исследования должны способствовать тому, чтобы пролить свет на политическое будущее, поэтому социология является самым важным инструментом долгосрочной практической политики. Поэтому, принимая во внимание сложность ситуации в постюгославском хронотопе, в частности в Республике Сербии, основным мотивом и целью нашей работы была разработка рекомендаций, которые могли бы быть использованы местными властями для управления миграционными процессами на своей территории, чтобы избежать социальной напряженности и развить гуманистический подход в этом аспекте.

В свете описанного социологического подхода на основе единства логики и истории и диагностики актуальной ситуации в сфере управления миграционными процессами, целесообразности их прогнозирования и разработки эффективных практических рекомендаций, представим выделенные нами ретроспективные аналогии интеграции и дезинтеграции в постюгославском хронотопе как последствие крупных переселений народов. Основой сравнительного анализа прошлого и настоящего в исследовании нами была принята гипотеза о том, что если в прошлом воздействие некоторых факторов неоднократно обусловило наступление определенных событий, то вероятно, что и в будущем в таких же условиях могут произойти явления схожей природы. Дополнительным аргументом в пользу состоятельности выдвинутой гипотезы можно привести концепцию цикличности развития государства, экономики и технологий, поскольку все это имеет прямое отношение к миграционным процессам и их последствиям для общества.

От границы Античного Рима до падения Константинополя

По мнению сербского историка М. Экмечича, «балканские земли – обычно линией от Срема до Бока-Которского залива – разделяет географически самая обширная граница. Это старая римская граница времен последнего

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

императора единой Римской империи Феодосия I Великого (347–395), разделяющая Западное и Восточное Римское царство. Обычно эту линию разграничения связывают с границей раскола церквей. Это не первая и не последняя мировая граница на Балканах, но она и сегодня сохраняет свое влияние на западный способ мышления. Такая граница стала одновременно и плотиной, и пропостью. Сербы, жившие и с одной, и с другой стороны этой невидимой границы взяли на себя груз культурологических отличий» [23, с. 194]. Действительно, в рамках рассматриваемого нами хронотопа со времен разделения Римской империи в X в. существуют исторические границы, которые отделяют западные христианские народы от православных и мусульман. На Балканах эта граница совпадает с исторической границей между Австро-Венгерской и Османской империями. Начиная с XIV в., препятствуя расширению европейских стран на восток и юг Средиземноморья, Османская империя становится для них серьезным конкурентом.

После падения Константинополя в 1453 г. завершилась тысячелетняя историческая эпоха, Византия как синтез восточной и западной цивилизации исчезла. Столица Второго Рима становится центром исламской империи. Сербы в этот момент становятся народом, который отделяет европейскую Турцию от католического Запада. «Составляя военную и биологическую материю нового Лимеса (Войной краины) обновленного германо-римской империей, они представляли собой не только главный инструмент первого пояса защиты Запада, но и значительную часть османского военного диспозитива» [23, с. 207]. Французский историк-медиевист сербского происхождения Б. И. Бойович полагает, что завоевание и занятие Сербии Турцией определило необходимость поиска новых способов использования благородных металлов, принимая во внимание то, что Сербии был запрещен их экспорт (прежде всего, серебра и золота) [24]. Таким образом, эти явления заняли свое место в цепочке событий в преддверии открытия Нового Света и экономической экспансии морским путем к большему количеству континентов.

Дальнейшая история сербского народа развивалась в следующих условиях: с одной стороны, в конфликте с Австрией у Венеции был интерес в отношении Средиземноморья и в части защиты католического Дубровника и православной Черногории; с другой стороны, Габсбургская династия тяготела к политической силе, которая стремилась к объединению территории Нидерландов и Железных ворот на Среднем Дунае. Эти исторические предпосылки легли в основу достижения в последующем цели формирования Великой Германии и Великой Венгрии. После ухода с территории Косово и Метохии в Среднюю Европу сербы, с одной стороны, потеряли выход к Адриатике и Адриатическому морю, а с другой – все еще не получили политического признания своего государственного суверенитета [24]. Сегодня подобная проблема продолжает существовать, т. к. многие народы стран бывшей Югославии формально обладают суверенитетом, но он нарушается из-за подобных миграций. Например, большая часть международного сообщества, хотя и признает государственный суверенитет Республики Сербия, не соотносит с ней т. н. Косово и рассматривает его как самостоятельное государство.

Период ослабления Османской империи и возникновение восточного вопроса

Переломным с социально-исторической точки зрения является период 1683–1923 гг., т. е. время от ставшего началом ослабления исламской империи поражения турок-османов у Вены до определившего порядок взаимного обмена несколькими миллионами жителей мирного договора с Грецией в рамках Лозанской конференции. При этом во всех войнах, которые Османская империя вела с Австрией, Венецией, Польшей, Священной Лигой, причиной конфликтов были турецкие амбиции вытеснить европейские страны, особенно Венецию, из Восточного Средиземноморья. После осады Вены в 1683 г. последующие войны сопровождались массовым бегством жителей всех населенных сербами территорий Габсбургской монархии и Венецианской Республики. В этот период около 1,1 млн греков и около 450 тыс. турок возвратились на свою этническую родину. Когда османские войска начали возвращаться в Косово и Метохию и на север Македонии, началось массовое (до одной четверти всех жителей) переселение сербов с данных территорий и из окрестностей Ниша. Ученые считают, что тогда обратились в бегство около 40 тыс. семей [25]. Тогда же имели место и попытки переселения черногорцев в Истрию. Подобные вызванные военными действиями крупные миграции не прекращаются и сегодня. В исследуемом хронотопе они охватывают период от югославских войн до бомбардировок НАТО, а также время с 2000 г. из-за последствий агрессии, в частности экономического краха, что вместе привело к тому, что сейчас Республику Сербию ежегодно покидает свыше 50 тыс. человек[1].

Великое переселение сербов в 1690 г. считается переломным событием в сербской национальной истории. Переселение усилило и увеличило национальное сообщество в Южной Венгрии и пробудило у славян политическое осознание себя единым народом и формирование национального интереса, выраженного на тот момент в борьбе за независимое государство. Сербский народ принял участие в данном процессе, а главным манифестом, отразившем его реакцию на восстание, считается письмо патриарха Арсения III Черноевича габсбургскому императору. Великая турецкая война для сербов завершилась

[1] Evropski statistički zavod: Srbiju mesečno napusti više od 4.000 ljudi // N1. 09.09.2019. Режим доступа: http://rs.n1info.com/Vesti/a524373/Srbiju-mesecno-napusti-vise-od-4.000-ljudi.html (дата обращения: 20.05.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

подписанием мира в Карловцах в 1699 г., в соответствии с которым граница между двумя империями пролегала по рекам Уна и Савва на западе и по Дунаю на севере. При этом мусульманскому населению не было позволено остаться на христианских территориях. Это привело к острому социальному кризису и возникновению восточного вопроса, который в будущем обусловил падение Османской империи. Итак, мы видим, что вынужденные миграции всегда были источником не только больших социальных коллизий, но и коллизий больших социальных групп, поэтому важно отметить, что прибывающие сегодня на ту же территорию беженцы, имеющие ту же этническую родину (Ближний Восток) и ту же религиозную принадлежность являются исключительно чувствительной группой и находятся в зоне риска в рамках дальнейшей реализации процесса управления миграциями.

Но и сегодня даже при отсутствии религиозных и этнических отличий источником коллизии становятся сами миграции внутри христианского мира. Так, после победы армии императора Наполеона I над армиями императоров австрийского Франца II и русского Александра I в битве под Аустерлицем Австрии была предписана задача противостоять России и предотвратить ее политический разворот в сторону Азии, а также контролировать юго-восток Европы. С заключением мирного договора в Братиславе Австрия лишилась Далмации и вступила в союз с Турцией.

Взятие Дубровника и Далмации имело целью организовать Европу под руководством французов. При этом армию в составе 25 тыс. солдат в Далмации называли армией Сербии. Наполеон тогда выдвинул два тезиса, которые «в последующие десятилетия, а возможно и века, окажутся приговором для сербского будущего… прежде всего, он сказал, что всего лишь одна пядь земли на правом берегу Дуная под русским контролем будет равна общему крушению Османской империи… затем, он сказал, что Австрия является географическим неприятелем Сербии… это стало историческим проклятием для всего будущего сербского народа… на лоб ему был поставлен знак вечного союзника России» [23, с. 169]. Действительно, уже намного позже, в военных союзах 1914 г. и 1941 г., Сербия всегда рассматривалась мировым сообществом через призму религиозного (православного) и славянского родства с Россией.

Подобная стигматизация, но уже с применением современных технологий, свой экстремальный облик приобрела в ходе маркетинговых кампаний при подготовке и во время бомбардировок НАТО. Как видно, и сегодня, стигматизация как механизм интеракции между большими социальными группами никогда не способствовала социальной сплоченности. Огромное количество людей (мы можем говорить о 300 тыс. человек) использовало все возможные, зачастую даже нелегальные, способы, чтобы пересечь границу сегодняшнего Европейского союза (ЕС) и попасть в те самые страны, которые их бомбили. Сегодня беженцы с Ближнего Востока делают то же самое: они перемещаются не в страны, близкие к ним в географическом и культурологическом смысле, а именно в те западные страны, которые прямо или косвенно замешаны в военных событиях в их стране.

«Первая версия» Югославии и начало XIX в.

После Шенбруннского мирного договора (1809) Наполеоном был принял декрет об объединении адриатического побережья с Хорватией. Тогда в составе Первой империи были созданы иллирийские провинции, столица которых располагалась в Любляне. Вся автономная область состояла из Далмации, Истрии, Крайны, Корушки и Дубровника. Так Наполеон создал самую первую версию югославского государства, которое должно было сделать невозможным распад Османской империи без участия Франции. Другой причиной создания этих провинций было противостояние Сербии в ее стремлении объединить южных славян в одно государство. Однако Наполеон не смог создать фундамент единого «тела нации» из-за множества диалектов и обычаев. Это было искусственное образование, состоящее из разнородных частей, которые сопротивлялись объединению. Не была создана и единая элита, которая бы пропагандировала общие идеи, хотя во всех значительных городах иллирийских провинций существовали масонские ложи. Вместе с походом Наполеона против России началась агония сербской революции, а после отступления России с Балкан «судьба Сербии хранилась в глубокой тайне» [24].

До настоящего момента признание т. н. Косово является одним из условий вступления Республики Сербии в ЕС. Косово и Метохия является практически «чистой» в этническом смысле территорией, как и Республика Сербия, поэтому нельзя говорить, что ЕС повторяет ошибку прогнозирующего формирования некого «тела нации» Наполеона, одобряя по частям вступление новых членов с их ясными границами. Таким образом, общественные интеракции крупных социальных групп больше не осуществляются, что, как правило, приводит к коллизии и является историческим уроком ЕС об обществе на Балканах. Об этом свидетельствует и то, что в югославский период (после Второй мировой войны) большая часть этнических групп соотносила себя с новым «телом нации» (югославами), но после распада Югославии возвращение к своей этнической группе привело к социальному конфликту крайней степени, т. е. к войне. Это возвращение было реализовано посредством миграции без формирования какой бы то ни было известной политической стратегии, по крайней мере, на уровне внутренней политики. И сегодня управление миграциями не является сугубо внутренним вопросом, как это могло бы показаться на первый взгляд, но реализуется в соответствии с предписаниями законов ЕС и в соответствии с рекомендациями, ни одну из которых Республика Сербия не отказалась принять, включая пакт Марракеша.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

В продолжение политического развития и национальной конспирации восточного вопроса в 1813 г. из Сербии потекли реки беженцев. Считается, что на территорию Австрийской империи тогда прибыло 200 тыс. человек. В бегство обратилась и часть богатых сербских торговцев. Историки отмечают, что вместе с мигрантами прибыл караван из 300 коней с дорогими товарами. В это же время Белград покинул руководитель Первого сербского восстания против Османской империи, основатель сербской королевской династии Г. П. Карагеоргий. Австрийское правительство предложило ему временное пребывание, а венские посланники уверили его, что «австрийская рубашка ближе, чем русская шинель» [24]. Попытка России поднять вопрос балканских народов в Османской империи на Венском конгрессе в 1814–1815 гг. провалилась из-за сопротивления солидарной с Австрийской империей Великобританией. М. Экмечич подчеркивает значимость позиции Великобритании в то время в части того, что «восточный вопрос является особенной нерешенной проблемой, обремененной жизненными и непредсказуемыми последствиями» [23, с. 194]. Сербская революция 1804–1835 гг. завершилась установлением сербской автономии в Османской империи, а убийство Г. П. Карагеоргия в 1817 г. стало первым убийством сербского правителя, в котором участвовали великие силы. Два века спустя, после убийства сербского премьер-министра З. Джинджича в 2003 г., влияние мировых сил на общественные события в Республике Сербии как никогда очевидно. Вместе с тем Австро-Венгрия сегодня «называется» Европейским союзом, а Российская империя – Российской Федерацией. Действие этих двух геополитических игроков на микроуровне, например в сербском обществе, обуславливает коллизию, вынуждающую эмигрировать из страны огромное количество людей, не желающих мириться с необходимостью определения в сторону одной из этих сил.

Переломный момент в процессе национального возрождения и течения югославских революций 1848–1849 гг. определила позиция русского императора о целесообразности сохранения Габсбургской империи. Венгры не могли смириться с присутствием населения сербской национальности в Венгрии и регулярно вступали в конфликты с сербскими войсками. В отличие от сербов и хорватов, они сумели создать крепкий союз с немцами и сделать его способом противостояния «панславянской опасности». Перед наступлением венгерской армии, которая «зверски вешала и убивала», 50 тыс. сербских беженцев перешло Дунай в сторону восставшей Сербии. М. Экмечич полагал, что «в 1849–1878 гг. Военную краину затронули взаимодействия, цивилизационные трения и конфликты, проистекающие из древнейших времен, а уже в XX веке "восточный вопрос" стал одним из важнейших спорных моментов в Европе в ходе непосредственного соприкосновения с евразийским соседом» [23, с. 225]. После Крымской войны 1853–1856 гг. формируется новое распределение великих сил на основе Парижского мирного договора. Военное поражение России обязало ее отказаться от строительства крепостей и арсеналов на черноморском побережье. В это же время порядок сплавления по Дунаю был урегулирован на международном уровне. И здесь из-за поражения в Бессарабии Россия потеряла имевшееся у нее ранее влияние и была вынуждена отступить с придунайских областей.

Турецкое общество из-за внутреннего социального кризиса в этот период переживало спад рождаемости мусульманского населения. Для государства сложилась опасная ситуация, т. к. из-за депопуляции и превращения земель в пустыни возникла реальная угроза, что эти земли перестанут быть турецкими. Закон о беженцах от 1857 г. стимулировал население пустующих областей: в Европе гарантии и помощь переселенцам предоставлялись в течение 6 лет, а в Малой Азии – 12 лет. С 1860 г., когда Крым попал под русскую юрисдикцию, поток беженцев направился к Сербии, вдоль ее границ стали концентрироваться массы новоприбывших мусульманских черкесских беженцев. Миграцию самих сербов из областей Дрины из-за переселения в эти области мусульманского населения остановил сербский князь. В наши дни абсолютное большинство прибывших в Республику Сербию беженцев – мусульмане [26]. Мигранты-сербы, прибывшие в страну после распада Социалистической Федеративной Республики Югославии, интегрированы в общество-реципиент и государственную систему. Хотя формально многие из них имеют статус беженца, их ситуация совершенно несравнима с ситуацией беженцев с Близкого Востока.

С 1866 г. Австро-Венгрия приняла доктрину Ч. Бальбо о необходимости дистанцирования от Германии и Италии и начале собственной миссии в восточном вопросе. «Бальбо писал, что Германия, будучи заточена в сердце Европы, имеет только один выход к морю, ее население редеет в ходе великих переселений, а сама она в наибольшей степени удалена от любых путей сообщения с Востоком. Немецкая нация не сможет принять участия ни в каких крупных движениях, если не будет подталкивать Австрию к турецким окраинам, а Пруссию – к польским… Цивилизованная Австрия пробьется на восток Европы, население которого от Балтики до Адриатики оскудевает» [23, с. 281]. Мы считаем особенно важным подчеркнуть, что германизация славянских земель была бы завершена именно таким образом, прежде всего, посредством переселения жителей (миграции).

Вскоре после упомянутых выше событий в 1868 г. была провозглашена Османская нация, чем была прекращена многолетняя практика торговцев принимать чужое гражданство и переходить под защиту иностранных государств. Это был первый исторический пример того, как на основе потребностей политических групп на Балканах провозглашалась какая-либо искусственная нация. Следовательно, создание наций как крупных социальных

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

групп посредством механизма общественной интеракции не является новым явлением – тут можно вспомнить и о югославской нации, а с недавнего времени и о босанской нации, которая была самопровозглашена после гражданской войны в Югославии, а также неофициальной, но имеющей место в общественной риторике идее о воиводжанской нации на севере Республики Сербии.

После этого на Балканах искусственные нации будут провозглашаться столько раз, сколько там будет великих сил. Благодаря русскому участию Болгария добилась поддержки собственной церкви, все ее прихожане были провозглашены болгарами по национальности. В Болгарии на тот момент было 100 тыс. переселенцев из Македонии, и у страны существовало намерение включить Македонию в свой состав. Главным союзником Австро-Венгрии на Балканах было албанское национальное движение, которое стремилось к созданию в Османской империи федерации Великой Албании, состоящей из Косово и Метохии, Западной Македонии и частей Греции. Младотурецкое правительство снова взяло курс на переселение мусульман в Македонию, и на конгрессе Младотурецкого комитета в 1910 г. было приняло решение о переселении туда еще 20 тыс. моджахедов и о переселении мусульман с Кавказа и Туркестана в Турцию.

В день объявления Сербо-черногорско-турецкой войны 28 июня 1876 г. было провозглашено объединение Боснии с Сербией и Герцеговины с Черногорией. Это первое объединение не сохранилось в коллективной памяти народа, т. к. данная попытка не была успешной, поскольку, несмотря на то, что католикам и мусульманам адресовались официальные призывы присоединиться к общему восстанию, они не поддержали данную инициативу. В этот период имели место массовые преступления против мирного населения: около 6 тыс. мужчин, женщин и детей было убито, была сожжена 81 церковь, а 250 тыс. человек были вынуждены бежать в Австрийскую империю.

Объединение сербского народа после соединения Боснии и Герцеговины с Сербией и Черногорией представляло серьезную опасность для Австро-Венгрии. В 1861–1913 гг. в ходе разрешения восточного вопроса распалось соглашение Греции и Сербии, т. к. Греция хотела восстановить Византийскую империю, а Сербия стремилась к тому, чтобы взять на себя ответственность за судьбу балканских славян. Эти амбиции были велики, потому что обе страны находились под влиянием больших сил. Б. И. Бойович считает, что балканские народы были лишены права на собственную историю, т. к. европейские силы уже тогда видели в Балканах лишь геополитическое пространство для реализации своего влияния [24]. Как мы уже сказали, сегодня все законы, касающиеся мигрантов и иностранцев, по сути, являются переписанными законами ЕС. С другой стороны, процессы социальной коллизии продолжаются и дальше, о чем свидетельствует выход Черногории из союза с Сербией, а затем предпринятая в 2019 г. попытка создания Черногорской Православной Церкви, т. е. попытка «изгнания» Сербской Православной Церкви, которая существует на данной территории с самого момента основания Черногории как сербского государства. Интересный феномен: несмотря на то, что Сербия и Черногория – секулярные государства, проблемы Сербской Православной Церкви в современной Черногории спровоцировали общественные протесты по своей интенсивности стоящие в шаге от гражданской войны.

От Берлинского конгресса до Первой мировой войны

Берлинский конгресс 1878 г. воспрепятствовал расширению Сербии на запад, где проживала большая часть сербского населения и это заложило бомбу замедленного действия для будущих войн. Российская империя приняла эту идею и удовлетворила пожелания австро-венгерского протектората. Считается, что Сербия стала ширмой, за которой готовилась мировая война. Мусульмане со своей стороны организуют четыре лиги против великих сил христианских государств: албанскую, арабскую, курдскую и боснийскую. Это стало второй большой фазой в развитии современного исламского фундаментализма. После этого можно говорить, что в современной Турции, формально являющейся секулярным государством, внешняя политика включает продвижение ислама в постюгославском хронотопе, о чем подробно пишет бывший сербский посол в Стамбуле проф., д-р Д. Танаскович [27]. На этом фоне Балканы рассматривались как лишенная динамического развития фрагментированная и антагонизированная территория.

Б. И. Бойович считает Балканский полуостров местом, где меряются силами и плетут интриги: «таким образом, трения на Кавказе, северном побережье Черного моря и в Средней Азии, а в еще большей степени – на Близком и Среднем Востоке могут иметь гораздо более далеко идущие последствия для гористой и сейсмически активной территории Балкан» [24, с. 272]. Когда после Берлинского конгресса в 1882 г. Италия вступила в союз с Германией и Австро-Венгрией, в дипломатии было введено понятие *новый порядок*. В 1999 г. НАТО совершило акт агрессии против Югославии, речь снова шла о новом мировом порядке. С. Хантингтон выдвигает тезис о том, что равновесие сил между цивилизациями меняется и составляет основу нового мирового порядка [28]. Это изменение равновесия проявляется в снижении влияния западной цивилизации и военном, политическом и экономическом усилении азиатской цивилизации. Мигранты, которые являются частью этой цивилизации, в настоящее время оказались буквально запертыми в Сербии без возможности направиться в ЕС или продолжить свой путь в каком-то другом направлении.

В последующие годы Габсбургское правительство пыталось силой и угрозами принудить Сербию к сотрудничеству. В 1906–1911 гг. против сербов велась таможенная война (т. н. свиная война, т. к. из страны был запрещен вывоз свиней), а в 1908 г. была провозглашена аннексия Боснии.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Россия и Франция увидели, что таким образом Германия прокладывает себе путь на Ближний Восток, и поддержали союз балканских стран. Турецкий султан согласился с присоединением Боснии и Герцеговины к Габсбургской империи и переселением мусульманских жителей в Македонию. Поражение Австрии позволило Османской империи установить свои границы на рубежах Балкан – по рекам Савве и Дунаю. В 1912 г. армия Балканского союза (Сербии, Греции, Болгарии и Черногории) освободила Косово, закончилась турецкая гегемония и турки были изгнаны из Центральной Европы. В июле 2020 г. на территории Косово и Метохии все еще продолжается новая «свиная война», с той лишь разницей, что в этот раз санкции против Сербии в виде 100 % таможенной пошлины на всю ввозимую продукцию были выведены т. н. государством Косово.

Речь здесь идет об одной и той же политической методике и, как представляется, одних и те же (анти)механизмах общественной интеракции, которые никак не могут быть направлены на достижение сплоченности, а только усугубляют конфликт в перспективе, о чем свидетельствует тот факт, что территорию Косово и Метохии покидают не только сербы (из того малого количества, которое там осталось), но и местное население исламского вероисповедания.

Период Первой мировой войны

Балканские государства являются хранителями одной из старейших матриц европейской культуры и цивилизации. Славянское пространство на этой территории и сегодня является одной из самых чувствительных зон неудавшегося разграничения между восточным и западным христианством на европейской земле. Борьба балканских народов за освобождение и возвращение в круг европейских стран, возмущение мировых сил из-за турецкого захвата европейского наследия создают взрывоопасное состояние, которое в XIX в. вновь возникает на повестке Европы как восточный вопрос. Балканский «пороховой погреб» на исходе этого периода становится катализатором, который посредством Сараевского атентата в 1914 г. провоцирует Первую мировую войну, ставшую началом конца европейского доминирования в мире [24, с. 219].

«Создатель проекта федеративного государства южных славян, британский историк и политик Роберт Уильям Сетон-Уотсон еще в 1914 году в меморандуме Форин Офису говорил, что это государство было задумано как двойная федерация Сербии и Хорватии. Причем, к Хорватии была бы присоединена Славония, а Сербия была бы объединена с Боснией и Герцеговиной и Черногорией. При этом, под Сербией понималось государство в границах после балканских войн 1913 года с Македонией, Косово и Метохией. В 1919 году мир контролировали премьер-министр Франции Жорж Клемансо, президент США Вудро Вильсон и премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж. Находясь в Париже, они определяли, какая страна будет существовать, а какая нет, какие новые страны будут созданы, каковы будут их границы, кто будет ими управлять и как Средний Восток будет разделен между силами победителей» [23, с. 351]. Постоянным интересом Великобритании тут является сохранение власти над побережьем в Средиземноморье. Принимая во внимание, что Хорватия была ближе к Италии, эта страна в большей степени находилась в сфере британского интереса, чем Сербия. Именно поэтому Италия была важнейшим британским союзником. Интересы Франции и России были полностью противоположны.

Глубинными причинами мировой войны 1914 г. стали вторжение и политика Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине, где сразу после завершения операций по оккупации началась реализация формирования аграрных колоний немецких крестьян из Австрии. Полагаем, что миграционный процесс всегда является неотъемлемой частью контекста войны – либо как последствие, либо как планируемый феномен. Сегодня Республика Сербия столкнулась с неожиданным наплывом мигрантов в условиях отсутствия публичного политического плана их интеграции и наличия реального факта их присутствия и постепенного воссоединения семей. Тут речь идет не только о беженцах-мусульманах, но и об экономических мигрантах из Китая, о чем свидетельствует создание целых кварталов и поселков для их приема и размещения после того, как Китай в глобальной стратегии концепции Новый шелковый путь приобрел часть сербских индустриальных предприятий. Формирование же австрийских колоний немецких крестьян должно было способствовать снижению интенсивности эмиграции немцев в Америку.

Сегодня большую проблему представляют миграции из Сербии, достигающие, как мы уже сказали, масштаба до 50 тыс. человек ежегодно, что для такой маленькой и малочисленной страны грозит стать национальной катастрофой. С одной стороны, на государственном уровне в стране не существует системного и успешного плана по предотвращению оттока населения, а с другой – имеет место стимулирование эмиграции различными смягчениями трудового законодательства в европейских странах, особенно в Германии. Поэтому в качестве результата можно ожидать, что в будущем значительно уменьшившееся местное население почувствует определенную угрозу со стороны переселяющихся в страну мигрантов.

По плану аграрные колонии немецких крестьян должны были быть основаны вдоль р. Дрины, а населить их должны были протестанты из Венгрии и России, поляки из Галиции и итальянцы из Тироля. Оккупационные власти, опасаясь восстаний в Сербии и в Черногории, начали депортацию местного населения в лагеря. В лагеря Шумадии было направлено 150 тыс. жителей, а из Черногории туда увели около 10 тыс. человек. В этот период в Боснии и Герцеговине из-за голода и эпидемии были организованы массовые эвакуации детей.

Сравнивая Турцию с бывшей Югославией и геноцид в Хорватии, Боснии и Косово, отметим, что за 1915–1955 гг. Турция «вычистила» почти всю христианскую

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

популяцию. На то время в Турецком государстве проживало 99,8 % мусульман и 0,2 % христиан. Проводя параллель между Турцией и Косово, общим знаменателем можно назвать демографическую экспансию и экстремальную миграцию, которые привели к насильственному изменению структуры населения в юго-восточной Европе. Существует еще одна аналогия: США и НАТО начали войну против Югославии, как и против Ирака, без одобрения ООН. Оба раза агрессоры ссылались на необходимость защиты национального меньшинства. Можно предположить, что в будущем ЕС будет граничить с территорией, на которой живет около 100 млн мусульман (жители Турции и албанцы в Косово, Македонии и Болгарии). Мы считаем, что все достижения межкультурных коммуникаций как части социологии сегодня должны быть использованы для того, чтобы удержать ситуацию в границах позитивных интеракций и не допустить ее перцепцию только как системы безопасности.

В 1915 г. Т. Рузвельт обвинил Сербию в начале войны из-за агрессии в Боснии и Герцеговине, а в 1917 г., опасаясь возможности поражения западноевропейских государств, США вступают в Первую мировую войну. Дело в том, что в 1898 г., после взятия Кубы и атаки на Испанию, США получили статус мировой силы. В то же время такой статус получила Япония после победы над Россией в 1905 г. Американский президент считал необходимым, чтобы война окончилась созданием Лиги наций – сообщества западных государств, которые силой власти и экономики будут управлять миром. В эту группу вошли бы США, Британия, Франция, Германия, Италия, все западноевропейские и скандинавские страны. В эту организацию не предполагалось включать ни одно славянское государство. Т. Рузвельт осуждал Сербию за начало войны, предлагал применить против нее морскую пехоту и создать мировой трибунал для ведения процесса против обвиненных в начале войны сербов. Такой подход лег в основу позиции отношения к Сербии и после 1991 г.

Вторая мировая война

В 1944 г. в Москве У. Черчилль и И. В. Сталин договорились о разделении влияния в Юго-Восточной Европе. После поражения Италии партизаны освободили Далмацию, Сплит и некоторые острова. Часть населения была размещена в эвакуации на Ближнем Востоке в комплекс лагерей беженцев Эль Шатт, существовавшем с лета 1944 г. до начала 1946 г. в пустыне Синайского полуострова в Египте. Предположительно, там насчитывалось около 40 тыс. беженцев из Хорватии.

Это был период, когда Ватикан прилагал усилия к тому, чтобы примирить фашистские силы и западных союзников. Тогда же был разработан план создания Придунайской федерации, куда входила бы и Хорватия. Альтернативой этой федерации было создание Югославского федеративного государства вместе с Болгарией, за что боролись Т. Рузвельт и британские политики. Задачей посланника Гитлера в Восточной Европе Г. Нойбахера было создание Великой Албании как независимого государства, отдельного от Италии. Он писал, что «сербы под оккупацией стали дичью для отстрела, которую каждый имел право убить» [23, с. 490]. Бомбежки союзниками сербских городов в конце войны остаются проблемой для современной науки и политики, т. к. Белград, как и другие крупные города Сербии, бомбили 11 раз, при этом погибло 1160 человек, и количество жертв в ходе бомбардировок союзников было большим, нежели от немецких бомбардировок 6 апреля 1941 г. В наши дни те же самые страны вновь бомбили Сербию в 1999 г.

После 1945 г. результатом контактов США и Ватикана становится создание Священного альянса. Основу этого союза закладывают переговоры Ватикана со «свободными строителями» Австрии и Германии. В 1974 г. Католическая Церковь согласилась отменить запрет на участие католиков в масонских ложах. С того времени бросается в глаза активное участие хорватских католических священников в масонском движении. Католическая Церковь стала «длинной рукой» американской внешней политики. М. Экмечич считает, что соглашение американского президента и Ватикана является ключевым для понимания влияния западных сил на падение Югославии [23]. Что же касается роли Сербии в геополитическом смысле в части распада Югославии, ученый выдвигает тезис о том, что потесняющие друг друга силы двух мощных цивилизаций нашли равновесие за счет самой слабой стороны [23]. В свое время завоевательный поход между периодами двух милитаризированных прозелитизмов в качестве последствия так же повлек за собой исчезновение византийской цивилизации.

Последние годы XX в. и начало XXI в.

На пороге третьего тысячелетия сербы сыграли роль, которая была им навязана в целях создания еще одного великого раскола на карте европейской цивилизации [24, с. 211]. Здесь можно сослаться на мнение С. Хантингтона о границе между западными и православными христианскими народами. Считается, что сербы приняли на себя роль виновника, который всегда нужен, когда дипломатию неравных стандартов необходимо представить как справедливое миротворчество и геополитический инструмент. Гражданская война в Югославии имела ту же историческую цель, что и война 1941–1945 гг., а именно: создание независимой хорватской европейской нации. Задачей войны было разрешить возникшую в ходе времени «органическую аномалию», проявляющуюся в том, что православные населяли часть хорватской территории и что Хорватии оставалось 50 км до этнически разнородной Славонии. М. Экмечич считает религию основным фактором разорения Балканского полуострова [23]

В ходе операции «Буря» в августе 1995 г. из Хорватии было изгнано 250 тыс. сербов. Народ стал беженцем в собственной стране – Союзной Республике Югославии, название которой было образовано от предыдущего

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

путем изъятия слов социалистическая и федеративная. Однако формально югославская идея просуществовала вплоть до 2003 г., когда была образована конфедерация Государственный Союз Сербии и Черногории.

В соответствии с Дейтонскими соглашениями, сербы получили свой энтитет в Боснии и Герцеговине, но им не был дан выход к морю. М. Экмечич считает, что в противоположном случае Которский залив был бы открыт и для русского флота [23]. Исследователь указывает на то, что разграничение между сербами и хорватами в Дейтоне в 1995 г. организовано так, чтобы не дать возможность сербам стать союзниками России в будущем [23, с. 54]. Чтобы это стало возможным, посредством разнообразных происходящих до сих пор миграций были созданы этнически чистые территории. М. Экмечич отмечает, что благодаря американской военной помощи и присутствию в военной зоне союзников, территория «органической аномалии была этнически очищена от сербов… это аномалии, где сербы населяли большую часть Хорватии… таким образом, США успели достичь того, чего не успели ни габсбургские, ни нацистские солдаты» [23, с. 553].

М. Венцель в 1999 г. писала, что создание боснийской нации, боснийского языка и письменности босаншины является основой всех попыток отделения Сербии от Боснии и Герцеговины [29]. Будучи частью Югославии, Республика Сербия являлась участником Движения неприсоединения, т. е. третьего блока стран, хотя политическая стабильность поддерживалась методами «полицейского государства» вплоть до смерти И. Б. Тито в 1980 г., когда начался процесс распада страны, повлекший за собой гражданские войны с 1991 г. Безусловно, все эти события по отдельности и их совокупность обусловили новые миграции. Уже в 1992 г. количество прибывших в Сербию беженцев и вынужденных мигрантов достигло 1 млн человек (только из Хорватии переселилось 350 тыс. человек), а с 1992 г. по 1995 г. их число составило 750 тыс. человек. В 1999 г. после агрессии НАТО в бегство с территории Косово и Метохии было обращено 287 тыс. представителей неалбанских народов [24].

Интересно, что чем больше люди общаются, торгуют, путешествуют, тем большее значение они придают своей цивилизационной идентичности. Например, североафриканская иммиграция во Францию вызывает вражду общества-реципиента, но повышает его открытость для иммиграции европейских поляков-католиков. Возникает вопрос: можно ли здесь провести аналогию с постюгославском хронотопом? Хотя официальная власть придерживается позитивной позиции в отношении ближневосточной миграции (беженцев), в обществе они встречают достаточно сильное неприятие. И только вопрос времени, когда это неприятие будут вызывать и китайские мигранты в случае, если они займут целые кварталы и поселки. С другой стороны, не наблюдается иммиграция и репатриация славянского, православного или сербского населения, особенно из диаспоры, которая составляет 2/5 всех представителей сербской национальности. Наоборот, эмиграция с каждым годом приобретает все больший масштаб. Необходимо принять во внимание и возрастную структуру, в части которой у европейцев нет преимущества. Существуют прогнозы, что в будущем во Франции каждый третий житель будет мусульманином. Такой вариант развития событий не исключен и для постюгославского хронотопа, в частности для Республики Сербии.

Заключение

Опираясь на теоретические основы сравнительного исторического исследования и результаты, которые являются абстрактными аналогиями, мы подтвердили предположение о том, что, если определенные известные условия всегда дают один и тот же результат, разумно ожидать, что с большой долей вероятности тот же результат вновь будет иметь место при их наступлении. Это предположение применимо и к постюгославскому хронотопу. Хотя рассмотренные с точки зрения социологии истории глобальные геополитические движения представляют собой макроуровень, мы можем говорить, что последствия весьма заметны и на других, более низких уровнях (особенно в случае массовых миграций и социальных интеракциях населения, которые эти перемещения обуславливают). Практическая значимость данного вывода обеспечивает возможность оптимизации стратегического управления миграционными процессами в целях улучшения социального взаимодействия и снижения риска социальных конфликтов. Это первая причина, по которой мы придерживаемся мнения о целесообразности использования представленного нами подхода в дальнейших исследованиях проблемы миграции. Другая причина видится в недостаточной представленности междисциплинарных исследований теоретических основ социологии истории, другими словами, необходимость в мягком продвижении данного раздела социологической науки.

Литература

1. Mitrović L., Todorović D. Sociologija i istorija. Hrestomatija iz istorijske sociologije. Niš: Prosveta, 2003. 309 s.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / пер. с нем. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 668 с.
3. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Директ-Медиа, 2007. 1876 с.
4. Elias N. The retreat of sociologists into the present // Theory, Culture and Society. 1987. Vol. 4. Iss. 2-3. P. 223–247. DOI: 10.1177/026327687004002003
5. Abrams Ph. Historical sociology. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1982. 353 p.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

6. Mills C. W. The sociological imagination. N. Y.: Oxford University Press, 1959. 236 p.
7. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 327 с.
8. Smith D. Norbert Elias and André Breton: surrealism, shock and the civilizing process // Mitteleuropa denken: Intellektuelle, Identitäten und Ideen / eds. W. Pape, J. Šhubrt. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019. S. 159–170. DOI: 10.1515/9783110536003
9. Bendix R. Max Weber. An intellectual portrait. N. Y.: Doubleday, 1960. 480 p.
10. Weber A. Kulturgeschichte als Kultursoziologie / Hg. E. Demm. Marburg: Metropolis-Verlag, 1997. Bd. 1. 546 S.
11. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 349 с.
12. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
13. Carr E. H. What is history? Harmondsworth: Penguin, 2018. 208 p.
14. Jakšić B. Istorija i sociologija – istraživanje prošlosti i sadašnjosti // Sociologija. 1970. № 2. 227–255 s.
15. Jakšić B. Historija i sociologija: uvodnu raspravu o jedinstvenom pristupu društvu i historiji. Zagreb: SNL, 1976. 149 s.
16. Popović M., Ranković M. Teorije i problemi društvenog razvoja. Beograd: BIGZ, 1981. 479 s.
17. Popper K. R. Prediction and prophecy in the social sciences // Gardiner P. Theories of history. N. Y.: Free Press, 1959. P. 276–285.
18. Popper K. R. The poverty of historicism. London: Routledge & K. Paul, 1960. 169 p.
19. Rešer N. Da li su objašnjenja u istoriji specifična? // Gledišta. 1978. № 9. S. 849–861.
20. Mann M. The sources of social power. Vol. 4: Globalizations, 1945–2011. Cambridge University Press, 2013. 492 p.
21. Goldthorpe J. H. The uses of history in sociology: reflections on some recent tendencies // The British Journal of Sociology. 1991. Vol. 42. № 2. P. 211–230. DOI: 10.2307/590368
22. Goldthorpe J. H. Rational action theory for sociology // The British Journal of Sociology. 1998. Vol. 49. № 2. P. 167–192. DOI: 10.2307/591308
23. Екмечић М. Дуго кретање између клања и орања: историја Срба у Новом веку (1492–1992). 5-е изд. Београд: Evro Book, 2017. 606 с.
24. Бојовић Б. И. Византија – Балкан – Европа: припадност и оностраност. Београд: Службени гласник, 2014. 434 с.
25. Географија Србије / ур. М. Радовановић. Београд: Географски институт «Јован Цвијић» САНУ, 2017. Књ. 91. 870 с.
26. Вукчевич Н. Б. Дескриптивный анализ фактора религии в отношении мигрантов к новому окружению // Научный результат. Социология управления. 2019. Т. 5. № 4. С. 84–90. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-3
27. Танасковић Д. Неоосманизам: доктрина и спољнополитичка пракса. Београд: Службени гласник Републике Српске, 2010. 109 с.
28. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2003. 603 с.
29. Wenzel M. Bosanski stil na stećcima i metalu. Sarajevo: Sarajevo Publishing, 1999. 312 s.

original article

Geopolitical Aspect of Migration in the Post-Yugoslavian Chronotope: a Historical Sociology Approach

Nemanja B. Vukčević [a, @, ID]
[a] V. G. Shukhov Belgorod State Technological University, Russia, Belgorod
[@] nemanja.vukcevic75@gmail.com
[ID] https://orcid.org/0000-0003-3682-3888

Received 20.08.2020. Accepted 25.09.2020.

Abstract: Migration processes are complex phenomena. They are consequences of international political movements and power redistribution, which makes it possible to study them in their geopolitical aspect. The article contains a detailed review of historical sociology, substantiated by geopolitical examples from Ancient Rome, Byzantium, Ottoman Empire, World Wars I and II, etc., against the post-Yugoslavian chronotope. The research was based on the methods of historical sociology, as well on the principle of unity of logic and history. The author drew analogies between the abovementioned historical events and the contemporary migration crisis in post-Yugoslavian countries in order to forecast its possible outcome and prevent a social collision. The paper focuses mostly on the case of the Republic of Serbia. Migration management should take into account that history repeats itself: if certain conditions always produce the same result, it is only logical to expect this result next time the same conditions occur. In sociology, this approach remains poorly represented, even though it can produce reliable and long-term solutions in migration management, unlike short-term and superficial ad hoc measures.

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

Previous decisions have led to the ghettoization of migrants, which threatens to escalate into a social conflict. Therefore, achievements of historical sociology can offer a new approach to this problem.

Keywords: migration processes, geopolitics of migration, historical analogies, military conflicts, national borders changes, the Balkans

For citation: N. B. Vukčević. Geopolitical Aspect of Migration in the Post-Yugoslavian Chronotope: a Historical Sociology Approach. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 454–467. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-454-467

References

1. Mitrović L., Todorović D. *Sociologija i istorija. Hrestomatija iz istorijske sociologije.* Niš: Prosveta, 2003, 309. (In Serb.)
2. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte*, tr. Svasian K. A. Moscow: Mysl, 1993, 668. (In Russ.)
3. Toynbee A. J. *A study of history*. Moscow: Direkt-Media, 2007, 1876. (In Russ.)
4. Elias N. The retreat of sociologists into the present. *Theory, Culture and Society*, 1987, 4(2-3): 223–247. DOI: 10.1177/026327687004002003
5. Abrams Ph. *Historical sociology*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1982, 353.
6. Mills C. W. *The sociological imagination*. N. Y.: Oxford University Press, 1959. 236 p.
7. Gurevich A. Ia. *Historical synthesis and the Annales School*. Moscow: Indrik, 1993, 327. (In Russ.)
8. Smith D. Norbert Elias and André Breton: surrealism, shock and the civilizing process. *Mitteleuropa denken: Intellektuelle, Identitäten und Ideen*, eds. Pape W., Šhubrt J. Berlin, Boston: De Gruyter, 2019, 159–170. DOI: 10.1515/9783110536003
9. Bendix R. *Max Weber. An intellectual portrait*. N. Y.: Doubleday, 1960, 480.
10. Weber A. *Kulturgeschichte als Kultursoziologie*, Hg. Demm E. Marburg: Metropolis-Verlag, 1997, Bd. 1, 546.
11. Durkheim E. *Sociology. Its subject, method, and purpose*, tr. Gofman A. B. Moscow: Kanon, 1995, 349. (In Russ.)
12. Sorokin P. A. *Social and cultural dynamics,* tr. Sapov V. V. Moscow: Astrel, 2006, 1176. (In Russ.)
13. Carr E. H. *What is history?* Harmondsworth: Penguin, 2018, 208.
14. Jakšić B. Istorija i sociologija – istraživanje prošlosti i sadašnjosti. *Sociologija*, 1970, (2): 227–255.
15. Jakšić B. *Historija i sociologija: uvodnu raspravu o jedinstvenom pristupu društvu i historiji*. Zagreb: SNL, 1976, 149.
16. Popović M., Ranković M. *Teorije i problemi društvenog razvoja*. Beograd: BIGZ, 1981, 479.
17. Popper K. R. Prediction and prophecy in the social sciences. Gardiner P. *Theories of history*. N. Y.: Free Press, 1959, 276–285.
18. Popper K. R. *The poverty of historicism*. London: Routledge & K. Paul, 1960, 169.
19. Rešer N. Are the explanations in history specific? *Gledišta*, 1978, (9): 849–861. (In Bosn.)
20. Mann M. *The sources of social power. Vol. 4: Globalizations, 1945–2011*. Cambridge University Press, 2013, 492.
21. Goldthorpe J. H. The uses of history in sociology: reflections on some recent tendencies. *The British Journal of Sociology*, 1991, 42(2): 211–230. DOI: 10.2307/590368
22. Goldthorpe J. H. Rational action theory for sociology. *The British Journal of Sociology,* 1998, 49(2): 167–192. DOI: 10.2307/591308
23. Ekmečić M. *The long movement between slaughter and plowing: the history of Serbs in the New Century (1492–1992)*, 5th ed. Belgrade: Evro Book, 2017, 606. (In Serb.)
24. Bojović B. I. *Byzantium – Balkans – Europe: belonging and otherworldliness*. Belgrade: Sluzhbeni glasnik, 2014, 434. (In Serb.)
25. *Geography of Serbia,* ed. Radovanović M. Belgrade: Geografski institut "Jovan Tsvijiħ" SANU, 2017, book 91, 870. (In Serb.)
26. Vukčević N. B. A descriptive analysis of the religion factor in relations of migrants to a new environment. *Research Result. Sociology and management*, 2019, 5(4): 84–90. (In Russ.) DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-3
27. Tanasković D. *Neo-Ottomanism: doctrine and foreign policy practice*. Belgrade: Sluzhbeni glasnik Republike Srpske, 2010, 109. (In Serb.)
28. Huntington S. *The clash of civilizations and the remaking of world order*, trs. Velimeev T., Novikov Iu. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra fantastica, 2003, 603. (In Russ.)
29. Wenzel M. *Bosnian style on tombstones and metal*. Sarajevo: Sarajevo Publishing, 1999, 312. (In Serb.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

оригинальная статья
УДК 316.344.3+303.6+311.313

Информационно-оценочное сопровождение управления социальной сферой региона (на примере здравоохранения Кузбасса)*

Елена А. Морозова [a, @]; Елена Я. Пастухова [a]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] morea@inbox.ru

Поступила в редакцию 09.11.2020. Принята к печати 27.11.2020.

Аннотация: Значение информационно-аналитической деятельности в управлении социальной сферой региона трудно переоценить, поскольку эффективными являются лишь те решения, которые опираются на достоверные исчерпывающие данные о состоянии объекта воздействия, тенденциях его развития, возможных направлениях совершенствования, а также на обратную связь. Для грамотного использования информации в управлении необходимо понимать методологические основы аналитико-оценочных процессов, в частности соответствующий тезаурус. Цель исследования – систематизировать концептуальный аппарат проблематики информационно-оценочного сопровождения управления социальной сферой региона и проанализировать состояние и динамику одной из важнейших ее отраслей – здравоохранения – на примере Кемеровской области. Приведены и систематизированы трактовки таких понятий, как информация, показатель, параметр, индикатор, критерий, оценка. На основе эмпирических данных выявлено, что заболеваемость в Кузбассе выше общероссийского уровня на протяжении последних 15 лет. Разрыв данных по этому индикатору постепенно увеличивается. Данная тенденция проявляется на фоне более высоких значений инфраструктурных показателей и нагрузки на средний медицинский персонал. Нагрузка на врачей превышает соответствующий параметр федерального уровня. Социологические оценки демонстрируют рост самооценки здоровья населения, но удовлетворенность системой здравоохранения в регионе была и остается низкой. Проанализированные данные служат подтверждением необходимости и целесообразности использования статистических и социологических оценок при анализе состояния и, главное, выявлении проблем и путей совершенствования отраслей социальной сферы региона.

Ключевые слова: информация, показатель, параметр, индикатор, критерий, оценка, статистика, социологическое исследование

Для цитирования: Морозова Е. А., Пастухова Е. Я. Информационно-оценочное сопровождение управления социальной сферой региона (на примере здравоохранения Кузбасса) // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 468–477. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

Введение

Важнейшим условием и одновременно инструментом управления является информация, которая должна сопровождать процесс принятия решения, начиная с нулевого цикла и заканчивая подведением итогов его выполнения. И чем серьезнее, объемнее предполагаемое решение, планируемый проект, тем более тщательная информационная проработка требуется для его инициализации, а затем реализации. Управление социальной сферой региона относится к классу масштабных и важных действий, поскольку затрагивает повседневную жизнь большого числа людей, направлено на удовлетворение разнообразных потребностей населения. Поэтому для социального управления весьма актуальным является его информационно-аналитическое и оценочное обеспечение, особенно, если учесть, что в данном случае обязательным условием успешной работы становится получение обратной связи от тех категорий граждан, на которые направлены управленческие решения социального характера.

Знаковую роль оценочной деятельности в жизни общества при управлении социальной сферой страны и регионов обосновывают многие исследователи [1–10]. В. Я. Ельмеев и В. Г. Овсянников подчеркивают: «Познание социальных фактов и общественных явлений сопровождается оценками не только с точки зрения истинности знаний о фактах, но и с позиций того, полезны ли эти явления и факты для человека. Человек не только познает социальную действительность, но и оценивает ее и действует согласно как своим знаниям, так и оценкам. Последние составляют каждодневный повторяющийся акт жизни человека и общества. Без ценностного подхода, без отбора и оценки того, что человеку нужно, невозможны ни деятельность человека, ни жизнь общества» [11, с. 150]. Следовательно, аналитико-оценочные действия необходимы и для

* Статья подготовлена по материалам исследования в рамках гранта КемГУ «Система показателей оценки социально-экономического состояния региона и реализации стратегии его развития (на примере Кемеровской области)».

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

того, чтобы понять актуальные проблемы общества, требующие решения, и для того, чтобы определить, насколько удовлетворяются разнообразные потребности людей, и для того, чтобы зафиксировать достигнутые результаты при реализации поставленных задач.

Актуальность информационно-оценочной деятельности в решении социальных проблем в последние годы заметно выросла, в том числе за счет принятия программных документов по цифровизации всех сфер жизни общества. Так, национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» нацелена на формирование условий, способствующих развитию в России общества знаний, рост уровня и качества жизни населения через повышение уровня доступности и качества производимых товаров и предлагаемых услуг, создаваемых в рамках цифровой экономики с использованием новейших цифровых технологий, роста информированности и цифровой грамотности, повышения доступности и качества оказываемых гражданам государственных услуг, обеспечения безопасности внутри страны и за ее пределами[1].

Цель исследования – систематизировать концептуальный аппарат проблематики информационно-оценочного сопровождения управления социальной сферой региона и проанализировать состояние и динамику одной из важнейших ее отраслей – здравоохранения – на примере Кемеровской области.

Теоретические основы

Теоретико-методологическое упорядочение подходов к понятиям рассматриваемой темы проводилось на основе обзора научных источников, их критического анализа, синтеза, опираясь на общие принципы познавательной деятельности. Характеристика системы здравоохранения осуществлялась на базе статистического анализа и описания результатов социологических исследований. Следует подчеркнуть, что систематизация базовых категорий поднятой тематики по большей мере является методологической основой эмпирического этапа исследования.

Категория *информация* весьма многозначна и является предметом изучения многих отраслей знания. Но и в рамках одной науки нет единого понимания данного термина. Философский словарь приводит четыре трактовки понятия: «1) сообщение, осведомление о положении дел, сведения о чем-либо, передаваемые людьми; 2) уменьшаемая, снимаемая неопределенность в результате получения сообщений; 3) сообщение, неразрывно связанное с управлением, сигналы в единстве синтаксич., семантич. и прагматич. характеристик; 4) передача, отражение разнообразия в любых объектах и процессах (неживой и живой природы)»[2].

В прошлом веке информация рассматривалась сначала на качественном уровне (1920–1930-е гг.): сущность, каналы поступления, разновидности и характеристики, влияние на людей. Затем появилась математическая теория информации, в которой были формализованы многие понятия и процедуры, например, шестикомпонентная схема связи (примерно середина XX в.): источник информации – передатчик / кодировщик – канал связи – приемник – получатель – источник шума; методы определения объема информации и другие. Информация в вероятностной теории трактовалась как сведения, уменьшающие неопределенность у их получателя. Основоположниками данного подхода были К. Шеннон и У. Уивер [12]. В тот же период математики разработали и другие информационные теории – алгоритмическую, топологическую, комбинаторную и т. д. Но эти концепции были синтетическими, т. к. предлагали лишь кодовую структуру сообщений.

Характеристика таких содержательных свойств и аспектов информации, как ценность или полезность, давалась в семантических и прагматических концепциях. Категория *информация* стала активно применяться в кибернетике. Н. Винер, Б. Н. Петров, А. Н. Колмагоров в 1960–1970-е гг. сформировали базу информационной теории *управления*. Они отвели понятию информация одно из главных мест наряду с категориями *управление* и *связь*. В итоге во второй половине прошлого века категория информации получила статус общенаучной, а соответствующий (информационный) подход – общенаучного приема исследования.

В настоящее время ведущая роль информации в жизни людей, функционировании социальных систем, управлении не подвергается сомнению. «Жизнедеятельность человека осуществляется в специфической, присущей человеческому обществу информационной среде, имеющей свои закономерности, особенности развития и функционирования… Многочисленными исследованиями установлено, что без постоянного информационного контакта невозможно полноценное развитие человека и нормальное функционирование социальных групп и общества в целом» [13, с. 7, 10].

Для анализа состояния и динамики различных объектов, процессов, систем, в том числе социальной сферы, требуется информация в формате показателей. «Показатель – величина, степень развития объекта в целом и составляющих его отдельных свойств, признаков, черт в их конкретном проявлении в данной среде»[3]. Чем объемнее и сложнее объект, тем, как правило, больше показателей необходимо для достаточно полного его представления,

[1] Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // СПС Гарант.

[2] Информация // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 217.

[3] Показатель // Социальные технологии: толковый словарь / отв. ред. В. Н. Иванов. М.: Луч; Белгород: Центр социальных технологий, 1995. С. 112.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

что обусловливает использование не отдельных показателей, а их системных групп. Систему показателей, описывающую тот или иной социальный объект, считают «своеобразной операциональной моделью, позволяющей фиксировать его состояние и тенденции»[4]. Она должна отражать структуру объекта и давать сведения о закономерностях его развития. Г. И. Осадчая пишет, что «под системой социальных показателей обычно понимают совокупность более или менее независимых друг от друга, но взаимозаменяемых данных, отражающих социальные явления и процессы», «что суть выстраивания системы показателей состоит в мысленном расчленении предмета исследования на множество элементов и превращении их в измеряемые показатели… Эта система … призвана фиксировать самые необходимые черты социального объекта, диагностировать его состояние» [14, с. 106].

Показатели (как, впрочем, и информация) группируются по многим основаниям. В рамках настоящего исследования важно выделить ряд их разновидностей. Прежде всего, отметим, что по содержанию показатели можно дифференцировать на экономические, демографические, производственные, финансовые, политические, социальные и т. д. Социальные показатели характеризуют социальные объекты и процессы или отражают социальные свойства иных систем (именно к таким объектам относится социальная сфера и ее отдельные подотрасли). При анализе социальных объектов и явлений используются показатели частные, фиксирующие отдельные признаки и аспекты, и интегральные (агрегатные, синтетические), которые получаются путем объединения частных показателей. Можно выделить общеописательные показатели (характеризуют состояние оцениваемого объекта в целом, безотносительно к каким-то другим объектам, дают его общую картину), деятельностные (отражают усилия, ресурсы, затраты на совершенствование, развитие какой-либо системы) и результирующие (демонстрируют эффект преобразований, реализации управленческих решений). По форме показатели делятся на абсолютные и относительные. Они могут быть качественными (фиксируют наличие или отсутствие определенных свойств) и количественными (отражают меру их выраженности, развития) [15, с. 56]. По источнику информации социальные показатели, как правило, образуют группы статистических (объективных – формируемых на основе статистических данных) и социологических (субъективных – полученных в ходе социологических исследований).

Близким по содержанию к понятию *показатель* является *параметр*. Толковый словарь русского языка раскрывает его как величину, характеризующую «какое-нибудь основное свойство машины, устройства, системы или явления, процесса»[5]. Важно подчеркнуть, что параметр – это измеряемое значение, с помощью которого отличают элементы одного множества от элементов другого.

Еще одним родственным по смыслу является термин *индикатор*. Индикатор трактуют двояко: 1) как простые свойства объектов, образующие социальные показатели; 2) как доступные наблюдению и измерению характеристики (признаки) изучаемого или управляемого социального объекта, позволяющие судить о других его характеристиках, недоступных непосредственному исследованию[6]. По мнению В. А. Ядова, «индикатор – внешне хорошо различимый показатель измеряемого признака. С его помощью устанавливается наличие или отсутствие признака, его состояние» [16, с. 134]. Обязательным условием для подбора индикатора является наличие связи между ним и той характеристикой, которую он должен обнаружить. Индикатором может служить сама характеристика, некоторое ее значение или мера измерения. Из перечня индикаторов выбирают тот, который лучше «работает», является более чувствительным, обладает большей разрешающей способностью[7].

Следующая категория рассматриваемого ряда – *критерий*, трактуемый как признак, на основании которого производится оценка, классификация; мерило[8]. С помощью критериев исследователи и управленцы определяют уровень развития объекта, значимость событий, процессов, степень эффективности мер, программ, соответствие элементов или явлений некоторой группе, классу событий и т. д. Нельзя не согласиться со мнением, что «критерии связаны с показателями настолько тесно, что порою между ними не проводится разграничения»[9]. Но это разграничение необходимо, т. к. критерии выражают объективную направленность эффективности и имеют нормативный характер, а показатели оценивают достигнутый уровень, фиксируют достигнутое. При этом следует учитывать и связи между ними. Критерии отображают качественную определенность, своеобразие показателей, способствуют отбору их эмпирического выражения.

Еще одно важное понятие, которое активно используется в информационно-аналитической деятельности практически всех отраслей знания и на практике и которое тесно связано с предыдущими категориями – *оценка*. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой оценка

[4] Показатель социальный // Социологический справочник / под общ. ред. В. И. Воловича. К.: Политиздат Украины, 1990. С. 162.

[5] Параметр // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2013. С. 457.

[6] Индикатор // Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. С. 102.

[7] Индикатор // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1998. С. 155.

[8] Критерий // Новый экономический и юридический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М.: Ин-т новой экономики, 2003. С. 369.

[9] Критерий // Социологический словарь / сост. А. Н. Елсуков, К. В. Шульга; под ред. Г. Н. Соколовой. Мн.: Университетское, 1991. С. 96.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

эксплицируется как «мнение о ценности, уровне или значении кого-нибудь, чего-нибудь»[10]. Философская энциклопедия трактует данное понятие как «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта»[11]. В управлении оценка является важным инструментом для принятия решений, организации, регулирования, контроля поведения людей, определения эффективности их деятельности. По мнению В. Ю. Семенова, оценка – это финальная часть процесса управления, оценки позволяют понять, в каком состоянии находится объект [17, с. 22]. В социологии оценка объясняется как выражение отношения к каким-либо событиям, фактам действительности, явлениям человеческой жизни, поведенческим актам; определение их важности, соответствия стандартам, нормам, моральным принципам. В частности, «опросные методики (как вопросно-ответные процедуры) фиксируют по преимуществу оценки как исходные данные, в том числе для прогнозирования поведения на основе выявления (конструирования) ценностных ориентаций как предрасположенностей и готовностей субъектов к определенному поведению»[12].

Оценки отличаются многообразием и классифицируются по большому числу оснований. Оценка в общем и целом является системой, включающей в себя показатели, параметры, индикаторы, критерии. Параметрами оценки могут быть, например, результативность проводимых преобразований объекта, социально-экономическая эффективность предоставляемых услуг, экономический эффект от реализации проекта, соответствие результата программы потребностям населения и т. п. [18, с. 19]. Параметры оценки должны быть измеряемыми в количественном выражении посредством доступных показателей – индикаторов оценки. Процесс оценки, как правило, состоит из трех этапов: выбор критериев оценивания, сбор необходимой информации, количественное измерение основных параметров. То есть оценка есть итог измерения с помощью определенных индикаторов свойств и характеристик исследуемого объекта.

Результаты эмпирического исследования

На основе рассмотрения базовых понятий информационно-оценочной деятельности в процессе управления социальной сферой проведем анализ одной из ее отраслей на региональном уровне (здравоохранение Кемеровской области). Для изучения был выбран период с 2004 г. по 2018 г. Базу анализа составили материалы официальной статистики[13] и научные публикации соответствующего периода [19–26]. Для понимания (оценки) уровня развития элементов системы здравоохранения Кузбасса применялся метод сравнения с показателями общероссийского уровня (в тех случаях, когда показатели представлены в относительном формате), т. е. критерием оценки служили среднероссийские значения. Для общего понимания ситуации в системе охраны здоровья региона и страны использовались и абсолютные показатели.

Статистические данные подкреплялись социологическими. Следует учесть, что социологические исследования проводились в регионе не систематически, поэтому субъективные оценки имеют, скорее, эпизодический характер. Однако они существенно дополняют статистическую оценку.

Здоровье населения является важнейшим индикатором благополучия общества, демонстрирует уровень его социально-экономического развития [27; 28]. В Кемеровской области в 2018 г. заболеваемость населения (количество зарегистрированных заболеваний у пациентов с диагнозом, установленным впервые в жизни, на 1000 человек населения) составила 861,3, что в 1,15 раза выше, чем 15 лет назад (табл.). В целом в России этот показатель ниже на 10 %, но в начале анализируемого периода федеральный и региональный уровни заболеваемости были практически равны: в 2005 г. в Кузбассе он был даже чуть ниже, чем в стране, но это было единственное исключение. Общероссийский показатель заболеваемости за полтора десятка лет тоже вырос, но всего на 5 %. Наиболее неблагоприятным и для Кузбасса, и для страны был 2013 г., и с этого момента Кемеровская область «опережала» РФ по заболеваемости не менее чем на 10 %.

Анализ структуры заболеваемости показал, что в 2018 г. в Кемеровской области уровень заболеваемости был выше, чем в России, по 12 из 15 регистрируемых статистикой основным классам болезней. Особенно велико превышение региональных показателей по группам Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения (в 2,4 раза), Болезни нервной системы (в 1,81 раза), Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (в 1,77 раз), Болезни системы кровообращения (в 1,4 раза), Травмы, отравления и некоторые другие последствия внешних причин (в 1,34 раза), Болезни глаза и его придаточного аппарата (в 1,29 раз), Болезни мочеполовой системы (в 1,27 раз), Болезни органов пищеварения (в 1,24 раза), Болезни эндокринный системы, расстройства питания и нарушения

[10] Оценка // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь… С. 451.

[11] Оценка // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гайдарики, 2004. Режим доступа: http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/934/ocenka.htm (дата обращения: 30.09.2020).

[12] Оценка // Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1999. Режим доступа: http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/1430/ocenka.htm (дата обращения: 17.10.2020).

[13] Регионы России. Социально-экономическое положение // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 22.10.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

обмена веществ (в 1,24 раза). Лишь по двум классам болезней кузбасские значения заболеваемости ниже общероссийских – Болезни органов дыхания (в 1,11 раза) и Болезни кожи и подкожной клетчатки (в 1,14 раз).

Табл. Заболеваемость на 1000 человек населения в Кемеровской области и России, человек

Tab. Morbidity per 1,000 people in Kemerovo Region vs. the Russian Federation, people

Год	Кузбасс	Россия
2004	745,8	743,6
2005	732,3	743,7
2006	827,5	760,9
2007	841,0	767,3
2008	806,5	767,7
2009	850,0	797,5
2010	796,4	780,0
2011	840,8	796,9
2012	818,5	793,9
2013	891,8	799,4
2014	865,4	787,1
2015	870,9	778,2
2016	863,8	785,3
2017	890,5	778,9
2018	861,3	782,1

В 2004 г. уровень заболеваемости в Кемеровской области был выше среднероссийских значений только по 6 классам заболеваний. Более благополучная ситуация сменилась на менее благополучную по таким направлениям, как Новообразования; Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающий иммунный механизм; Болезни нервной системы, болезни системы кровообращения; Болезни органов пищеварения; Болезни мочеполовой системы.

Уровень заболеваемости кузбассовцев по классам болезней за 15 лет изменился следующим образом. Особенно заметен прирост соответствующих показателей по Врожденным аномалиям, деформациям и хромосомным нарушениям (в 2,82 раза: 2 на 1000 человек в 2004 г. и 5 – в 2018 г.), Болезням системы кровообращения (в 2,66 раз: 17 и 46), Болезням нервной системы (в 2,25 раз: 12 и 27), Болезням органов пищеварения (в 2,06 раз: 20 и 41). Менее, чем в 2 раза, увеличилось число заболеваний классов Новообразования (в 1,8 раз: 5 и 9), Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (в 1,5 раз: 11 и 16), Болезни мочеполовой системы (в 1,4 раза: 42 и 57), Болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (в 1,4 раза: 38 и 53), Болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм (в 1,25 раз: 4 и 5), Болезни органов дыхания (в 1,2 раза: 268 и 324), Болезни глаза и его придаточного аппарата (в 1,14 раз: 36 и 41).

Некоторое снижение зафиксировано по четырем позициям: Некоторые инфекционные и паразитарные болезни (в 1,3 раза: 40 и 31), Болезни уха и сосцевидного отростка (в 1,08 раза: 28 и 26), Болезни кожи и подкожной клетчатки (в 1,4 раза: 49 и 35), Травмы, отравления и некоторые другие последствия внешних причин (в 1,04 раза: 124 и 119).

Здоровье зависит от многих факторов, среди которых немаловажное место занимает эффективность функционирования системы здравоохранения.

В 2004 г. в Кемеровской области насчитывалось 29,5 тыс. больничных коек (в РФ – 1,6 млн). К 2018 г. их количество сократилось до 24,4 тыс. (в РФ – до 1,17 млн), т. е. в 1,21 раза (в РФ в 1,36 раза). Однако относительный показатель (число больничных коек на 10 тыс. человек) является более адекватным для анализа ситуации. В Кузбассе в начале анализируемого периода данный показатель составлял 103,2 (в РФ – 112,5), в конце – 91,3 (в РФ – 79,9). Таким образом, оптимизация больничных коек в Кемеровской области прошла в более мягком варианте: если в 2004 г. регион по этому показателю занимал 72 место в России, то в 2015 г. – 21.

Еще более наглядным индикатором обеспеченности населения местами в медицинских стационарах является численность населения на одну больничную койку. В 2004 г. этот показатель в Кузбассе равнялся 96,2 и был больше, чем в среднем по РФ (89,1). В последующие годы нагрузка в стационарах росла в Кемеровской области и еще больше по России в целом, достигнув к 2018 г. 109,6 и 125,2 человек на койку соответственно. Более высокие темпы сокращения стационарных мест в больницах на федеральном уровне позволили Кузбассу к 2011 г. сравняться с РФ, а затем «обойти» ее по данному параметру, с каждым годом наращивая разрыв.

Работа учреждений поликлинического типа традиционно оценивается с помощью показателя Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений, посещений в смену на 10 тыс. населения. Сначала приведем абсолютные показатели. В 2004 г. в Кемеровской области приходилось 69,7 тыс. посещений в смену во всех поликлиниках и прочих подобных учреждениях, в 2018 г. – 77,9 тыс. (рост в 1,12 раза). Точно такая же динамика характерна для этого параметра и на российском уровне – с 3,5775 млн до 3,9978 млн посещений в смену. Относительный показатель мощности амбулаторно-поликлинических учреждений в Кузбассе за 15 лет вырос в 1,19 раза: с 245,9 в 2004 г. до 291,4 в 2018 г. (самым высоким он был в 2017 г. – 300,7). В России этот показатель тоже увеличился, но менее заметно (в 1,09 раза): с 250,8 в 2004 г. до 272,4 в 2018 г. В Кемеровской области до 2011 г. наблюдалось отставание по данному показателю от среднероссийских значений или равенство ему, а с 2012 г. Кузбасс стал несколько превышать федеральный уровень по числу посещений амбулаторий и поликлиник на 10 тыс. человек.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

Кадровое обеспечение системы здравоохранения Кузбасса в настоящее время испытывает серьезные проблемы. Как фиксирует статистика, в 2004 г. в медицинских организациях региона трудились 13,3 тыс. врачей всех специальностей (в РФ – 688,2 тыс.). В 2018 г. их число сократилось до 11,9 тыс. (в РФ составляло 703,7 тыс.) или в 1,12 раза (в РФ выросло в 1,02 раза). Относительный показатель обеспеченности врачами (численность врачей всех специальностей на 10 тыс. человек населения) также складывался не в пользу Кузбасса: в 2004 г. он составлял 47,0 (в РФ – 48,2), в 2018 г. – 44,5 (в РФ – 47,9). При этом отставание Кемеровской области от среднефедеральных показателей отмечалось на протяжении всего 15-летнего периода. В 2004 г. Кемеровская область занимала 43 место среди субъектов РФ по численности врачей на 10 тыс. человек населения, а к 2018 г. сместилась на 53 место.

Обратный показатель (численность населения на одного врача) аналогичным образом показывает более высокую и все возрастающую нагрузку на врачебный персонал в Кемеровской области: в 2004 г. на одного доктора в регионе приходилось 214,3 человека (в РФ – 206,8), в 2018 г. – 224,9 (в РФ – 208,6).

Численность среднего медицинского персонала в Кузбассе аналогичным образом снижалась: с 31 тыс. работников в 2004 г. до 28,2 тыс. в 2018 г. (в 1,1 раза). В общем по России снижение было не таким сильным: с 1,5455 млн до 1,4914 млн человек (в 1,04 раза). Но значения относительного показателя (численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. человек населения) на региональном и федеральном уровнях были очень близки. При этом кузбасские показатели всегда были чуть выше российских. Тем не менее нагрузка на средний медперсонал за 15 лет увеличилась (в 2004 г. на 10 тыс. кузбассовцев приходилось 109,5 работников среднего звена, а в 2018 г. – 105,5), хотя колебания в течение этого периода были разновекторными, и еще в 2017 г. соответствующий показатель составлял 113 человек. Следует отметить, что в начале анализируемого промежутка времени Кемеровская область была на 61 месте в России по данному показателю, а в конце – на 50. Показатель численности населения на одного работника среднего медицинского персонала) в 2004 г. составлял 92,3 человека (и в Кузбассе, и в РФ), а в 2018 г. – 94,8 в Кузбассе и 98,4 в России.

Завершим статистический анализ системы здравоохранения Кузбасса еще одним важным показателем – прерывание беременности (аборты). Он имеет два выражения: прерывание беременности на 1000 женщин 15–49 лет и прерывание беременности на 100 родов. В 2004 г. в Кемеровской области на 1000 женщин фертильного возраста приходился 51 аборт (в РФ – 45), а в 2018 г. – 28 (в РФ – 19), т. е. снижение составило 1,82 раза (в РФ – 2,37 раза). На 100 родов в 2004 г. в Кузбассе приходилось 135 прерываний беременности (в РФ – 122), а в 2018 г. – 67 (в РФ – 42), т. е. число абортов в пересчете на роды в Кузбассе сократилось вдвое, а в России – почти втрое.

Социологические оценки системы здравоохранения

Как уже отмечалось, важной составляющей комплексной характеристики состояния здравоохранения, как и любой другой отрасли социальной сферы, является социологическая оценка, поскольку для принятия адекватных управленческих решений требуется исчерпывающая информация об объекте воздействия, а «одним из самых значимых источников такой информации являются результаты социологических исследований, проводимых на принципах научности и объективности» [29, с. 42].

В Кемеровской области на протяжении многих лет ведутся периодические замеры общественного мнения относительно работы системы здравоохранения, а также оценки населением собственного здоровья. Оценки даются по пятибалльной шкале: 5 баллов – полностью удовлетворены, 4 – скорее удовлетворены, 3 – затруднились с ответом, 2 – скорее не удовлетворены, 1– совсем не удовлетворены. Далее выводится среднее значение. Отвечая на вопрос об удовлетворенности состоянием здоровья, в 2003 г. немногим более 40 % кузбассовцев дали положительные ответы, а 55 % – отрицательные (средняя оценка – 2,71 балла). В последующие годы наблюдался постепенный рост удовлетворенности здоровьем: в 2005 г. – 2,79 балла, в 2009 г. – 2,93, в 2013 г. – 3,01. В 2019 г. уже 55 % жителей региона были удовлетворены здоровьем, а 38 % – нет (средняя оценка – 3,13 балла).

Как показал областной опрос 2019 г., треть населения Кузбасса редко (не чаще одного раза в год) обращаются в медицинские учреждения по поводу своего здоровья или здоровья своих близких. Самый распространенный ответ на соответствующий вопрос свидетельствует о том, что жители обращаются в лечебные организации несколько раз в год. Частые посещения медицинских учреждений (от нескольких раз в месяц и чаще) характерны для 15 % кузбассовцев. А каждый двадцатый респондент заявил, что вообще обходится без медицинской помощи.

Общая оценка системы регионального здравоохранения является низкой. Так, в 2019 г. только 1 % кузбассовцев оценили ее как очень высокую и 15 % – как скорее высокую. Большинство же граждан дают либо скорее низкие (52 %), либо очень низкие (18 %) оценки при 14 % затруднившихся с ответами. Если перекодировать ответы респондентов по пятибалльной шкале и рассчитать среднее значение, то оно составит всего 2,29 балла. Однако более ранние социологические замеры выявляли еще более критические отзывы в адрес медицинского обслуживания: в 2009 г. – 2,23 балла, в 2005 г. – 2,13, в 2003 г. – 2,08.

Сравнивая уровень развития системы здравоохранения в Кузбассе со среднероссийским, 40 % жителей области посчитали его более низким и только 1 % – более высоким. Четверть кузбассовцев полагают, что региональная система здравоохранения соответствует общефедеральному уровню, треть не смогла дать конкретный ответ на поставленный вопрос. К сожалению, население

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

региона в своем большинстве не замечает позитивной динамики качества медицинского обслуживания. С соответствующим утверждением согласились лишь 13 % опрошенных. Обратной же точки зрения придерживаются почти 70 % граждан.

Более детальное оценивание качества медицинской помощи (по отдельным параметрам) обусловило более позитивные показатели. Наиболее высокие баллы получили территориальная доступность медицинских учреждений (3,46 балла), уровень квалификации младшего медперсонала (3,36), доброжелательность, внимательность медиков (3,29), работа страховых организаций (3,18) и уровень квалификации врачей (3,12). Более критичные отзывы поступили в адрес возможности получить высокотехнологическую медпомощь (2,6), возможности получить услуги узких специалистов (2,63), финансовой доступности медицинской помощи (2,76), обеспеченности медучреждений лекарствами и медикаментами (2,78), уровня материально-технического обеспечения лечебных учреждений (2,79). А один параметр (организация обслуживания в поликлиниках) практически совпал с теоретической и фактической средней, которая составила 3 балла.

Заключение

Современное управление социально-экономическими, политическими, культурными и прочими процессами будет эффективным только в том случае, если лица, принимающие решения, опираются на достоверную глубокую релевантную информацию и объективно оценивают современную ситуацию и динамику перемен. Эта норма в полной мере относится к социальной сфере и всем ее подотраслям, включая здравоохранение. Исследователи и управленцы должны четко понимать роль информационно-оценочной деятельности, а также систему понятий, которые ее сопровождают (информация, показатель, параметр, индикатор, критерий, оценка), их разновидности, формы, свойства, источники и методы получения, возможности применения в аналитической работе.

Как показали статистические данные 2018 г., уровень заболеваемости в Кузбассе выше общероссийского на 10 %. С 2004 г. он увеличился на 15 %. В регионе заболеваемость заметно выше по таким классам недугов, как врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения; болезни нервной системы; болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани, болезни системы кровообращения и др. Обеспеченность населения больничными койками в Кемеровской области выше среднероссийского уровня. В последние годы больше и мощность амбулаторно-поликлинических учреждений. Однако нагрузка на врачей в регионе немного выше, чем в стране, а на средний медицинский персонал, наоборот, ниже. К сожалению, доля прерванных беременностей в Кузбассе заметно больше, чем в среднем по РФ. Таким образом, инфраструктурные показатели здравоохранения Кузбасса в большинстве своем немного благоприятнее, чем в России в целом, во всяком случае, в последние годы, но показатели здоровья населения оставляют желать лучшего.

Социологические данные, с одной стороны, фиксируют рост самооценки здоровья жителями Кемеровской области (доля удовлетворенных здоровьем выросла с 41 % в 2003 г. до 55 % в 2019 г.), с другой стороны, рисуют весьма печальную картину: население, как правило, не довольно уровнем медицинского обслуживания, считает его ниже среднероссийского, не видит в данной отрасли перемен к лучшему. Правда, некоторые параметры качества медицинской помощи все-таки оцениваются выше среднего: территориальная доступность медицинских организаций, уровень квалификации младшего медицинского персонала, доброжелательность, внимательность медиков.

Таким образом, статистическая и социологическая информация с использованием различных параметров, индикаторов, показателей позволила получить достаточно наглядное описание ситуации в системе здравоохранения Кемеровской области. Учитывая ее, управленцы могут более взвешенно подходить к определению проблемных зон, недостатков, возможных путей их устранения, а также к выбору приоритетов, стратегических целей и тактических задач развития медицины в регионе. Аналогичный подход к информационно-оценочному сопровождению управленческих решений целесообразен во всех отраслях социальной сферы.

Литература

1. Шрамко О. Г. Оценка эффективности развития региональных социально-экономических систем // Экономический вестник университета. 2015. № 24-1. С. 104–109.
2. Батейкин Д. В. Оценка реализации социально-экономических программ в регионе // Экономика устойчивого развития. 2015. № 4. С. 14–19.
3. Шипоенко С. В. Методология анализа и оценка потенциала развития ресурсов социально-экономических подсистем региона // Перспективы науки. 2017. № 2. С. 19–22.
4. Большаков С. Н., Манаенкова Ю. Н., Большакова Ю. М. Оценка эффективности реализации программно-целевых методов решения социально-экономических задач на современном этапе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 4. С. 13–23. DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-4-13-23
5. Шабурова Д. П. Анализ и оценка социально-экономических процессов в регионах – основа механизма устойчивости развития (на примере Хабаровского края) // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2. С. 117–131. DOI: 10.22394/1818-4049-2019-87-2-117-131

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

6. Ушаков Е. А. Оценка факторов неравенства субъектов Российской Федерации по совокупности социально-экономических показателей // Успехи современного естествознания. 2020. № 1. С. 61–69. DOI: 10.17513/use.37322
7. Кислицына В. В., Чеглакова Л. С., Караулов В. М., Чикишева А. Н. Формирование комплексного подхода к оценке социально-экономического развития регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 2. С. 369–380. DOI: 10.17059/2017-2-4
8. Кирхмеер Л. В. Мониторинг эколого-социально-экономического развития добывающего региона // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1. С. 173–175. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0036
9. Матниязов Р. Р. Информационно-синергетическая оценка социально-экономического развития региона // Экономика и бизнес: теория и практика. 2018. № 3. С. 88–90.
10. Зуева И. А. О развитии методики анализа и оценки социально-экономического развития регионов // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2017. № 4. С. 27–36. DOI: 10.21777/2587-9472-2017-4-27-36
11. Ельмеев В. Я., Овсянников В. Г. Прикладная социология: очерки методологии. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 293 с.
12. Дорофеева И. В. Модель Шеннона-Уивера и ее значение для развития теории коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 5–6 апреля 2013 г.) Тверь, 2013. С. 49–53.
13. Грачев Г. В. Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита. М.: ПЕР СЭ, 2003. 303 с.
14. Осадчая Г. И. Социология социальной сферы. М.: Союз, 1999. 278 с.
15. Павленок П. Д. Введение в профессию «Социальная работа». М.: ИНФРА-М, 1998. 172 с.
16. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание соц. реальности. М.: Ин-т социологии; Добросвет, 2000. 595 с.
17. Семенов В. Ю. Проблемы управления качеством медицинской помощи // Здравоохранение. 2004. № 3. С. 20–26.
18. Ветров Г. Ю., Визгалов Д. В., Пинегина М. В., Шевырова Н. И. Оценка муниципальных программ. М.: Ин-т экономики города, 2003. 89 с.
19. Баран О. И., Григорьев Ю. А., Репин Е. Н. Экономическое развитие Кемеровской области и здоровье населения: противоречия нарастают // Вестник Кузбасского научного центра. 2009. № 9. С. 55–57.
20. Сергеев А. С., Цой В. К., Селедцова О. В., Царик Г. Н. Предварительные итоги масштабной модернизации кузбасского здравоохранения // Медицина в Кузбассе. 2011. Т. 10. № 4. С. 4–7.
21. Ивойлов В. М., Сергеев А. С., Царик Г. Н., Цой В. К. Перспективы развития регионального здравоохранения // Инновации в общественном здоровье и здравоохранении: экономика, менеджмент, право: мат-лы Междунар. форума (Новосибирск, 30 ноября – 1 декабря 2012 г.) Новосибирск, 2012. С. 162–166.
22. Царик Г. Н., Штернис Т. А., Богомолова Н. Д. Проблемы и перспективы оказания медицинской помощи работникам угледобывающих предприятий // Медицина в Кузбассе. 2013. Т. 12. № 3. С. 11–16.
23. Волокитина Е. В. Ценности здорового образа жизни и эффективное здравоохранение в Кемеровской области // Устойчивое развитие регионов: опыт, проблемы, перспективы: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 16–17 ноября 2017 г.) Казань, 2017. С. 410–413.
24. Царик Г. Н., Корбанова Т. Н., Абросова О. Е., Тен С. Б. Оценка доступности и качества медицинской реабилитации в Кемеровской области // Политравма. 2017. № 3. С. 55–63.
25. Кондрикова Н. В., Самородская И. В., Барбараш О. Л. Динамика показателей смертности от болезней системы кровообращения в Кемеровской области за период 2006–2014 гг. // Медицина в Кузбассе. 2017. Т. 16. № 1. С. 23–30.
26. Бабенко А. И., Дорофеев С. Б., Бабенко Е. А. Приоритеты мер по формированию здорового образа жизни населения по мнению руководителей здравоохранения (социологическая оценка) // Медицина в Кузбассе. 2019. Т. 18. № 1. С. 20–25.
27. Pastukhova E. Ya., Morozova E. A., Mukhacheva A. V., Egorova N. M. Pulbic health as the indicator of regional socioeconomic development // Advances in economics, business and management research: Proc. Volgograd State University Intern. Sci. Conf. (Волгоград, 5–17 мая 2019 г.) Atlantis Press, 2019. Вып. 83. С. 188–191. DOI: 10.2991/cssdre-19.2019.37
28. Пастухова Е. Я., Кияйкина Т. С. Общественное здоровье сибирских регионов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 3. С. 48–54. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-48-54
29. Сухачева А. В., Кочнева О. П., Латфулина А. Р. Социологическое сопровождение управленческих решений на региональном и муниципальном уровнях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 42–49. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-1-42-50

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

original article

Information and Assessment Support for the Management of Region's Social Sphere (Based on the Case of Public Healthcare in Kuzbass)*

Elena A. Morozova [a, @]; Elena Ya. Pastukhova [a]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] morea@inbox.ru

Received 09.11.2020. Accepted 27.11.2020.

Abstract: The importance of information and analytical activities in the management of the region's social sphere can hardly be overestimated since only those decisions will be efficient that rely on reliable and comprehensive data on the condition of the object of influence, trends in its development, possible directions for improvement, and feedback. A competent use of information in management requires that the methodological foundations of analytical and assessment processes be understood, in particular, the corresponding thesaurus. The study aims at systematizing the conceptual apparatus of the information and assessment support for the management of the region's social sphere and analyzing the condition and dynamics of healthcare as one of its key sectors. The paper focuses on the case of Kemerovo Region (Kuzbass). It interprets and systematizes such concepts as information, rate, parameter, indicator, criterion, and assessment. The empirical part of the study showed that the morbidity rate in Kuzbass has been above the nation level for the past 15 years and the data gap for this indicator is gradually increasing. This trend manifests itself against the background of higher values of infrastructure indicators and the load on nursing staff. True, the workload on medical doctors in the region is above the corresponding parameter at the national level. Sociological assessments show an increase in self-esteem of the population's health, but satisfaction with the health care system in the region has been, and remains, low. The data confirm the necessity and expediency of using statistical and sociological assessments in analyzing the current condition and, most importantly, identifying problems and ways to improve the sectors of the social sphere in the region.

Keywords: information, rate, parameter, indicator, criterion, assessment, statistics, sociological research

For citation: Morozova E. A., Pastukhova E. Ya. Information and Assessment Support for the Management of Region's Social Sphere (Based on the Case of Public Healthcare in Kuzbass). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 468–477. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

References

1. Shramko O. G. Evaluation of the effectiveness of the development of regional socio-economic systems. *Ekonomicheskii vestnik universiteta*, 2015, (24-1): 104–109. (In Russ.)
2. Bateykin D. V. Evaluation of the implementation of socio-economic programmes in the region. *Ekonomika ustoichivogo razvitiia*, 2015, (4): 14–19. (In Russ.)
3. Shipoenko S. V. Methodology for the analysis and assessment of the resource development in socio-economic regional subsystems. *Perspektivy nauki,* 2017, (2): 19–22. (In Russ.)
4. Bolshakov S. N., Manaenkova Yu. N., Bolshakova Yu. M. Evaluation of the effectiveness of the implementation of program-target methods for solving social and economic problems at the present stage. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski,* 2017, (4): 13–23. (In Russ.) DOI: 10.22394/2079-1690-2017-1-4-13-23
5. Shaburova D. P. Analysis and assessment of social and economic processes in the regions – the basis of the mechanism of sustainability of development (on the example of the Khabarovsk territory). *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*, 2019, (2): 117–131. (In Russ.) DOI: 10.22394/1818-4049-2019-87-2-117-131
6. Ushakov E. A. Assessment of inequality factors of subjects of the Russian Federation on totality of socio-economic indicators. Successes in modern science, 2020, (1): 61–69. (In Russ.) DOI: 10.17513/use.37322
7. Kislitsyna V. V., Cheglakova L. S., Karaulov V. M., Chikisheva A. N. Formation of the integrated approach to the assessment of the socio-economic development of regions. *Ekonomika regiona*, 2017, 13(2): 369–380. (In Russ.) DOI: 10.17059/2017-2-4
8. Kirchmeer L. V. Monitoring of ecological and socio-economic development of the extracting region. *Azimut nauchnykh issledovanii: ekonomika i upravlenie*, 2019, 8(1): 173–175. (In Russ.) DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0036

* The research was performed with financial support from the grant issued by Kemerovo State University: The system of indicators for assessing the socio-economic state of the region and the implementation of the strategy of its development: the case of the Kemerovo region".

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-468-477

9. Matniyazov R. R. Information-synergetic evaluation of socio-economic development of the region. *Ekonomika i biznes: teoriia i praktika*, 2018, (3): 88–90. (In Russ.)
10. Zueva I. A. On development of the methodology of analysis and assessment of socioeconomic development of regions. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S. Yu. Vitte*, 2017, (4): 27–36. (In Russ.) DOI: 10.21777/2587-9472-2017-4-27-36
11. Elmeev V. Ia., Ovsiannikov V. G. *Applied Sociology: methodology studies*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 1999, 293. (In Russ.)
12. Dorofeeva I. V. Shannon-Weaver model and its significance for the development of communication theory. *Language discourse in social practice*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Tver, April 5–6, 2013. Tver, 2013, 49–53. (In Russ.)
13. Grachev G. V. *Personality and society: information and psychological security and psychological protection*. Moscow: PER SE, 2003, 303. (In Russ.)
14. Osadchaia G. I. *Sociology of the social sphere*. Moscow: Soiuz, 1999, 278. (In Russ.)
15. Pavlenok P. D. *Introductory course on "Social Work"*. Moscow: INFRA-M, 1998, 172. (In Russ.)
16. Iadov V. A. *The strategy of sociological research. Description, explanation, and understanding of social reality*. Moscow: In-t sotsiologii; Dobrosvet, 2000, 595. (In Russ.)
17. Semenov V. Iu. Issues of medical care quality management. *Zdravookhranenie*, 2004, (3): 20–26. (In Russ.)
18. Vetrov G. Iu., Vizgalov D. V., Pinegina M. V., Shevyrova N. I. *Assessment of municipal programs*. Moscow: In-t ekonomiki goroda, 2003, 89. (In Russ.)
19. Baran O. I., Grigoryev Yu. A., Repin E. N. Economic development of Kemerovo region and the population's health: the contradictions are growing. *Vestnik Kuzbasskogo nauchnogo tsentra*, 2009, (9): 55–57. (In Russ.)
20. Sergeev A. S., Tsoy V. K., Seledtsova O. V., Tsarik G. N. The preliminary results of largedscale modernization of the healthcare system in Kuzbass. *Medicine in Kuzbass*, 2011, 10(4): 4–7. (In Russ.)
21. Ivoylov V. M., Sergeev A. S., Tsarik G. N., Tsoy V. K. Prospects for the development of regional healthcare. *Innovation in public health and healthcare: economics, management, and law*: Proc. Intern. Forum, Novosibirsk, November 30 – December 1, 2012. Novosibirsk, 2012, 162–166. (In Russ.)
22. Tsarik G. N., Shternis T. A., Bogomolova N. D. Problems and prospects of health care provision to coal mining companies workers. *Medicine in Kuzbass*, 2013, 12(3): 11–16. (In Russ.)
23. Volokitina E. V. The values of healthy lifestyle and effective healthcare in Kemerovo region. *Sustainable development of regions: experience, problems, and prospects:* Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kazan, November 16–17, 2017. Kazan, 2017, 410–413. (In Russ.)
24. Tsarik G. N., Korbanova T. N., Abrosova O. E., Ten S. B. Assessment of accessibility and quality of medical rehabilitation in the Kemerovo region. *Polytrauma*, 2017, (3): 55–63. (In Russ.)
25. Kondrikova N. V., Samorodskaya I. V., Barbarash O. L. Dynamics of mortality rate due to circulatory diseases in the Kemerovo region in the period 2006–2014. *Medicine in Kuzbass*, 2017, 16(1): 23–30. (In Russ.)
26. Babenko A. I., Dorofeev S. B., Babenko E. A. Priority measures on the formation of the healthy lifestyle of the population according to heads of healthcare (sociological assessment). *Medicine in Kuzbass*, 2019, 18(1): 20–25. (In Russ.)
27. Pastukhova E. Ya., Morozova E. A., Mukhacheva A. V., Egorova N. M. Pulbic health as the indicator of regional socioeconomic development. *Advances in economics, business and management research*: Proc. Volgograd State University Intern. Sci. Conf., Vladivostok, May 5–17, 2019. Atlantis Press, 2019, iss. 83, 188–191. DOI: 10.2991/cssdre-19.2019.37
28. Pastukhova E. Ya., Kiyaykina T. S. The public health of the Siberian regions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (3): 48–54. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2018-3-48-54
29. Sukhacheva A. V., Kochneva O. P., Latfulina A. R. Sociological support for management decisions at the regional and municipal levels. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2018, (1): 42–49. (In Russ.) DOI: 10.21603/2500-3372-2018-1-42-50

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

оригинальная статья
УДК 316.6(045)

Человеческий капитал как ресурс самосохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины

Александра В. Пилюшенко [a, @]
[a] Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова
[@] Che-pi@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.06.2020. Принята к печати 04.11.2020.

Аннотация: Статья посвящена проблеме продуктивного самосохранительного поведения в условиях трансформации основополагающих принципов системы здравоохранения, связанной с ее коммерциализацией. Цель – исследование человеческого капитала как ресурса самосохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины. Исследование проведено в рамках методологии философского анализа с использованием аксиологического подхода, позволившего рассмотреть этические аспекты коммерческой медицины, и структурного метода, с помощью которого человеческий капитал личности изучен с точки зрения структуры его компонентов. Автором обосновывается ведущая роль человеческого капитала при продуктивной реализации самосохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины. Проводится аксиологический анализ ценностно-смыслового контекста отношений врача и пациента, исследуется этико-аксиологический аспект феномена коммерческой медицины. Рассматривается ряд индикаторов человеческого капитала личности, обеспечивающих продуктивное самосохранительное поведение человека в условиях коммерциализации медицины. Исследование человеческого капитала как ресурса самосохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины определило его как важный ресурс сохранения здоровья человека, где наиболее важными его компонентами – индикаторами продуктивности в рамках здоровьесбережения выступают элементарная медицинская грамотность, эффективные познавательные навыки, позволяющие верно интерпретировать эмпирические данные, получаемые в процессе жизнедеятельности человека, корректное ценностное отношение к своему здоровью, выражающееся в заботе о нем, в том числе через ресурс количественно и качественно достаточных медицинских профилактических осмотров, а также достаточный уровень материального благосостояния. Низкий уровень личных знаний оставляет человеку меньше шансов на реализацию эффективного самосохранительного поведения, что приобретает все большее значение в современной системе здравоохранения с усиливающейся тенденцией в сторону ее коммерциализации.

Ключевые слова: медицинская активность, медицинская грамотность, медицинская культура, социальное здоровье, здравоохранение, здоровьесбережение

Для цитирования: Пилюшенко А. В. Человеческий капитал как ресурс самосохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 478–485. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

Введение

Коммерциализация медицины является одним из ключевых трансформационных процессов современной системы российского здравоохранения, который затрагивает фундаментальные принципы деятельности человека и общества в области охраны здоровья. Существенно возрастает значение личной ответственности человека за сохранение здоровья и реализацию эффективного самосохранительного поведения. Традиционные принципы советской системы здравоохранения – основного теоретического и практического конструкта российского здравоохранения – в современных условиях оказываются все менее эффективными. Интенсивное развитие сети коммерческих медицинских учреждений и высокий спрос на услуги таких организаций – весомый аргумент, утверждающий распространенность этого явления. В новых условиях роль медицинской культуры населения и личных навыков самосохранительного поведения чрезвычайно велика. Все это обуславливает необходимость исследования человеческого капитала личности как основного ресурса продуктивной деятельности, принципов и механизмов его формирования в современных социокультурных условиях.

При рассмотрении человеческого капитала как ресурса самосохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины с социально-философских позиций представляется целесообразным решить ряд исследовательских задач. Во-первых, постановка проблемы требует обоснования ведущей роли человеческого капитала при продуктивной реализации самосохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины. Во-вторых, коммерческая медицина меняет ценностно-смысловой контекст отношений врача и пациента, что определяет необходимость исследовать этико-аксиологический аспект феномена коммерческой медицины. В-третьих, рассмотрение человеческого капитала как ресурса здоровья предполагает выявление тех его компонентов, которые

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

могут являться индикаторами продуктивного или непродуктивного самосохранительного поведения человека в условиях коммерциализации медицины, а также исследование механизмов их формирования на внутриличностном уровне.

Методы и материалы

Проблема человеческого капитала как ресурса самосохранительного поведения в условиях коммерциализации медицины на сегодняшний день не имеет достаточной научной проработки. Наряду с этим большая группа научных работ посвящена изучению вопросов, близких по содержанию к поставленной исследовательской проблеме или затрагивающих ее отдельные аспекты.

Этические аспекты коммерциализации медицины затрагиваются рядом авторов в работах, посвященных биомедицинской этике и морально-нравственным основаниям деятельности врача [1–11]. Проблема трансформации российской системы здравоохранения и философское осмысление ее социальных последствий поднимается в работах М. Н. Гуренко-Вайцмана с соавторами [12], О. В. Гусевой [13], Н. А. Самарина [14], М. В. Еругиной с соавторами [15], Ж. В. Савельевой [16], М. В. Жуковой и др. [17]. Однако целый ряд вопросов по данной проблематике, несмотря на их значимость и актуальность, остается неразрешенным.

Представляется необходимым осуществить обращение к методологии аксиологического подхода в области изучения феномена коммерциализации медицины, его ценностно-смысловых оснований. Использование структурного метода связано с потребностью в анализе компонентов эффективного самосохранительного поведения: высокой медицинской активности, медицинской грамотности и культуры населения. При исследовании многомерных взаимоотношений человека и общества в условиях трансформации базовых материальных и духовных компонентов системы охраны здоровья населения представляется необходимым обращение к диалектическому методу, позволяющему рассмотреть взаимоотношения *человек – общество* как сложную динамичную систему, противоречивое единство ее составляющих. Рассмотрение социально-философского значения феномена человеческого капитала предполагает обращение к методологии системного подхода, благодаря которому формируется целостное представление о роли человеческого капитала при достижении личного и социального благополучия, его роли в аспекте продуктивной личной деятельности.

Ведущая роль человеческого капитала при продуктивной реализации самосохранительного поведения

Традиционный экономический подход к пониманию человеческого капитала личности как производительного фактора экономического развития предполагает включение в него здоровья в качестве компонента, позволяющего наиболее эффективно и в течение более продолжительного периода пользоваться интеллектуальным и профессиональным ресурсом человека. Под здоровьем в этом смысле понимают инструмент в деле достижения выгодного вложения и использования человеческого капитала личности в профессиональной среде.

Однако человекоразмерность целей и задач общественного развития выражает кризис экономикоцентризма, характерного для современного гуманитарного знания. В связи с этим социально-философский подход к пониманию человеческого капитала личности представляется более убедительным. Обращаясь к человеческому капиталу с позиций социально-философского осмысления, важно отметить, что «человеческий капитал в данном случае трактуется как некая совокупность знаний, умений, навыков, личностных качеств и черт характера, которые полезны человеку не столько в экономическом смысле, сколько в смысле достижения личного благополучия». При этом «экономическая составляющая данного понятия не исключается, а дополняется социокультурным и экзистенциальным компонентами, …в значительной степени меняются характер и содержание инвестиций в человеческий капитал» [18, с. 64].

Прежде всего, такая трактовка смещает фокус на субъективный уровень благополучия, получаемого посредством реализации накопленного человеческого капитала, что превращает эту категорию в более полноразмерную, в сравнении с объективно определяемым экономическим его значением. Более того, с точки зрения социально-философского подхода к определению человеческого капитала существенно расширяется круг «выгод», получаемых от его реализации: это и социально значимые выгоды, т. е. вклад человека в социальное благополучие, как материального, так и духовного содержания, и индивидуальные выгоды, выражающиеся в применении личных знаний и умений в сфере обыденно-практической деятельности и сфере межличностных отношений, оказывающих существенное влияние на субъективное качество жизни человека. Главным образом такой подход к пониманию человеческого капитала обращен к личному благополучию – искомой цели его накопления, которое не определяется лишь экономическими причинами, а имеет экзистенциальную природу.

Экзистенциональное значение человеческого капитала выражается главным образом в смещении фокуса с объективной стороны его реализации на субъективную, где основным мотивом деятельности и инвестиций в человеческий капитал является личное благополучие, основанное на индивидуальной интерпретации событий с точки зрения личных, иногда интуитивно усваиваемых и реализующихся, ценностей. Соответственно, активность по накоплению навыков, знаний, умений и личных компетенций формируется на основе таких субъективно определяемых критериев личного благополучия, вытекающих из субъективной рефлексии.

Обращаясь к философским идеям С. Кьеркегора, рассмотрим онтологическое значение субъективной рефлексии для более детального ее понимания: «Путь объективной

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

рефлексии превращает субъекта в нечто случайное и тем самым превращает экзистенцию в нечто безразличное, исчезающее. Путь к объективной истине уводит от субъекта, и по мере того, как субъект и субъективность становятся безразличными, истина тоже становится безразличной, и это как раз и называется ее объективной значимостью, ибо интерес, так же как решение, есть нечто субъективное. Путь объективной рефлексии ведет к абстрактному мышлению, к математике, к разного рода историческому знанию, он постоянно уводит от объекта, "быть" или "не быть" которого становятся бесконечно безразличными, и это объективно совершенно правильно, ибо "быть" или "не быть" имеют, как говорит Гамлет, "только субъективное значение"» [19, с. 352].

Наряду с этим здоровье как фундаментальная ценность гуманистического мировоззрения не может рассматриваться лишь как инструмент реализации человеком «производственных возможностей» и «рядовой» элемент в структуре человеческого капитала личности. Это самостоятельная ценность, обладающая смыслообразующей в жизни человека природой.

Современный мир глобален и предельно динамичен, он изобилует множеством социальных сценариев и обладает многообразным социальным ландшафтом. Это требует от человека небывалой ранее компетентности по широкому кругу самых разных вопросов: бытовых, социальных, гражданско-правовых, профессиональных. Никогда ранее он так интенсивно и полноразмерно не использовал свой интеллект. Никогда ранее социальные и природные обстоятельства не требовали от человека настолько интенсивного критического переосмысления исторически готовых решений.

Коммерциализация медицины – один из таких трансформационных социальных процессов современного мира, который требует пересмотра традиционных принципов охраны здоровья человека. Проблема коммерциализации медицины, внешне изменяющая лишь малый фрагмент в системе отношений *врач – пациент*, в действительности затрагивает глубинные и основополагающие принципы охраны здоровья человека. Одним из таких принципов является возрастающая роль личной ответственности за сохранение здоровья. Здесь ключевую роль играет медицинская культура населения и навыки самосохранительного поведения. Теперь здоровье человека в той или иной степени определяется уровнем усвоения им норм и правил самосохранительного поведения: частотой и тактикой профилактических осмотров, корректной оценкой целесообразности обращения за врачебной помощью, компетентностью в области доврачебной помощи и иными, связанными с личной медицинской грамотностью, факторами здоровья.

Иными словами, если государственная система здравоохранения предлагала (и отчасти продолжает предлагать) готовые сценарии медицинского патронажа населения, коммерческая медицина обращается к человеку, его инициативе и осмысленной деятельности, что предъявляет новые требования к нему как активному субъекту деятельности в области охраны здоровья. Повышается уровень личной ответственности, а вместе с ней – уровень требований к знаниям и навыкам человека.

В труде «Здоровое общество» Э. Фромм, касаясь вопроса эволюции человека, высказал идею о «роли матери», которую играла природа для человека на досознательных этапах его становления как *homo sapiens* [20, с. 46]. Появление сознания у человека сделало его свободным от сформированных природой готовых сценариев поведения, имеющих своей целью сохранение жизнеспособности особи и в краткосрочной (через механизмы, обеспечивающие реализацию физиологических потребностей), и в долгосрочной (посредством инструментов естественного отбора) перспективе. Именно в процессе развития сознания человек приобретает свободу деятельности, и происходит это потому, что он уже «знает сам», как ему необходимо действовать, опираясь на доводы разума, которые теперь вместо природы обеспечивают его выживание.

Проведя аналогию этой идеи Э. Фромма и перенеся это свойство на «вторую природу» (человеческое общество), мы наблюдаем схожие черты. Теперь не природа, а общество предоставляет человеку готовые решения сложных проблем, оттачивая те или иные механизмы выживания, защиты, благополучия жизни. Тем не менее в условиях интенсивной социальной динамики некоторые такие решения оказываются недостаточными или сомнительными: быстро изменяющиеся социальные обстоятельства требуют новых решений, а общество не всегда готово их своевременно предложить. Личные знания и навыки человека в данном случае выступают его главным оружием в поиске личного благополучия, а в контексте вопроса трансформации системы здравоохранения – здоровья.

Этико-аксиологический аспект феномена коммерческой медицины

Коммерциализация институтов социальной сферы всегда связана с фундаментальными изменениями в мышлении участников того или иного социального процесса, меняется качество коммуникации, что зачастую оказывает негативное влияние на результат. Например, коммерциализация системы образования трансформирует фундаментальные принципы учебного процесса. Незыблемость авторитета учителя, один из базовых принципов процесса обучения, оказывается уязвимой, когда коммуникация учителя и ученика носит название услуги. В конфликте оказываются этические принципы обучения и законы рыночной экономики, задачи которых целиком и полностью связаны с экономическими выгодами продавца и покупателя.

Коммерческая медицина, в которой необходимо сочетаются принципы медицинской этики и законы рыночной экономики, оказывается в сложном противоречии, которое не всегда решается в пользу первого. Субъекту рынка свойственна потребность в растущем спросе на услуги,

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

он не может существовать без инструментов маркетинга, цель которых – привлечь потребителя различными средствами. Он нацелен на получение прибыли – важного компонента конкурентоспособности. В то же время этика врача сложна по своему содержанию. Врачебная этика является отдельным объектом философского осмысления и затрагивает глубинные смыслы гуманистического мировоззрения. Ценность человеческой жизни и охрана здоровья, наивысшее уважение к требованиям гуманности и личности больного – вот главные принципы этического кодекса врача, регулирующие отношения с пациентом[1].

Затрагивая аксиологический контекст проблемы, справедливо отметить, что ценностно-смысловые основы деятельности врача выходят за рамки экономической плоскости. Охрана здоровья человека и спасение его жизни как фундаментальной общечеловеческой ценности – не измеримый в экономическом эквиваленте, а имеющий гуманитарное этическое содержание мотив. Профессия врача намного больше, чем просто профессия или тем более услуга требующая оплаты.

Согласно ФЗ «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», услуги – это «предпринимательская деятельность, направленная на удовлетворение потребностей других лиц, за исключением деятельности, осуществляемой на основе трудовых правоотношений[2] . Необходимо отметить, что в ряде медицинских услуг определение такой потребности уже связано с предварительным оказанием услуги, потому что сам субъект таких отношений не способен компетентно оценить свою потребность в них, и она выявляется вторым участником таких отношений – медицинской организацией, а именно конкретным врачом, непосредственно оказывающим медицинские услуги. Врачебная практика – поле продолжительных дискуссий, но даже при попытке пациента критически переоценить целесообразность врачебных назначений, рекомендаций и манипуляций, за которые он сам вносит оплату, врачебное решение, как правило, сохраняет статус определяющего.

В этом смысле сам мотив оказания услуги зачастую определяется коммерческой организацией, заинтересованной в получении выгоды. Контроль над целесообразностью врачебных действий и их профессиональной корректностью – дело пациента, а качество такого контроля связано с его человеческим капиталом – знанием основ гражданской медицинской грамотности и развитостью критического мышления. Как указывают Н. Н. Седова и Е. В. Приз, раскрывая проблемное поле медицинской этики: «Далеко не всегда можно дать однозначную оценку в проблемных ситуациях. В то же время административные и юридические санкции не ориентированы на профилактику конкретных "незаметных" правонарушений, а вот этические меры воздействия помогают их избежать» [21, с. 114].

Обращаясь к определению медицинской услуги, необходимо отметить вариативность толкования данного понятия в современной научной литературе. Зачастую происходит отождествление понятий *медицинская услуга* и *медицинская помощь,* что, на наш взгляд, не является корректным, прежде всего, с аксиологических позиций: ценностные основания помощи безвозмездны по своей сути, и если помощь имеет причину в виде материального вознаграждения, то она становится услугой.

Е. В. Полянская под медицинской услугой понимает «экономическую категорию, включающую в себя добросовестные действия медицинского персонала, направленные на сохранение и улучшение здоровья пациента, а также предоставление пациенту дополнительных сервисных услуг, направленных на улучшение качества обслуживания» [22, с. 246]. Р. З. Аширов и его соавторы указывают, что медицинская услуга представляет собой особый вид деятельности, направленный на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, имеющих самостоятельное законченное значение и определенную стоимость [23, с. 76]. Из приведенных определений очевидно, что медицинская услуга обладает рядом специфических черт по своему предмету и содержанию. Главным образом, необходимо подчеркнуть специфику самого предмета услуги (здоровья человека) как качественно и количественно неизмеримого феномена. Деятельность же врача по восстановлению или сохранению здоровья должна быть выражена в языке определенных манипуляций, имеющих законченное значение и стоимость. А это, в свою очередь, с особой остротой обозначает проблему конфликта врача и пациента в условиях коммерческой медицины, когда компетентность и целесообразность действий врача может оценивать лишь сам врач, а пациент оплачивает услугу, качество которой не способен оценить корректно, при том, что он рискует многим.

Противоречие между интересами субъекта рынка и строгой врачебной этикой разрешается принципом приоритетности врачебной этики над экономическими интересами коммерческой медицинской организации. Если организация придерживается такого подхода, указанное противоречие не будет носить явный характер. С одной стороны, российское общество, будучи носителем медицинской культуры и медицинских традиций, сформированных на базе бюджетной государственной системы здравоохранения, давно усвоило такой подход в качестве базового принципа, регулирующего взаимоотношения врача и пациента. Он усвоен исторически и мировоззренчески. С другой стороны, деятельность врача, преследующего исключительно коммерческие интересы и выполняющего свои должностные обязанности недобросовестно

[1] Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации // WEB-медицина. Режим доступа: http://webmed.irkutsk.ru/doc/order/kodeksetiki.pdf (дата обращения: 15.06.2020).

[2] О государственном регулировании внешнеторговой деятельности. ФЗ от 13.10.1995 № 157-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

(как минимум с этической точки зрения), не подвергается непосредственному контролю со стороны компетентного третьего лица, способного оценить целесообразность и корректность выбранной тактики лечения. Это вопрос совести врача и уровня медицинских знаний пациента, способного критически оценить врачебные действия. Это опять отправляет нас к вопросу о человеческом капитале как базовом ресурсе сохранения здоровья, а главным образом – его компонентам – индикаторам продуктивного самосохранительного поведения.

Вопросы об индикаторах продуктивного или непродуктивного самосохранительного поведения человека в условиях коммерциализации медицины предполагают обращение к медицинской активности, являющейся главным его инструментом. При этом сама медицинская активность как принцип в области охраны здоровья человека не свойственна российскому обществу, привыкшему к патронажу, осуществляемому государственными медицинскими организациями.

Тем не менее современный тип доминирующей патологии, связанный с образом жизни, заставляет человека пересмотреть концепцию самосохранительного поведения, эффективную в современной социально-природной среде, где особое место занимают превентивные, в том числе диагностические, меры. Если практически любой аспект самосохранительного поведения и здорового образа жизни человек может реализовать самостоятельно, то проблема эффективной и своевременной диагностики неразрывно связана с потребностью в качественных медицинских услугах, которые в достаточном количестве и качестве, прежде всего, предоставляются коммерческими учреждениями здравоохранения, в то время как государственные учреждения предоставляют ограниченный пакет услуг и не перекрывают потребность населения в своевременной диагностике.

Коммерческая медицина предоставляет возможность самостоятельно избирать тактику и периодичность профилактических медицинских мероприятий, что требует от человека особого уровня компетентности в элементарных вопросах здоровьесбережения и профилактики. Повышение степени ответственности человека за личное здоровье, возможность свободно реализовывать избранную поведенческую тактику профилактики неизбежно ставит вопрос о качестве личных навыков и знаний. «Мы можем столько, сколько мы знаем», – утверждал Ф. Бэкон, и совершенно очевидно, что для осуществления свободной деятельности нужно знать, как и для чего делать. Свобода порождает личную ответственность, которая неизбежно ставит вопрос о личном знании.

При условии достаточного в качественном смысле человеческого капитала коммерческая медицина представляет собой эффективный ресурс сохранения здоровья населения, а поскольку инициатива высокой медицинской активности личности здесь принадлежит человеку, личная концепция самосохранительного поведения может приобретать вид уникального «рецепта здоровья». Это видится наиболее эффективным путем сохранения здоровья в силу того, что человеку доступен важный информационный ресурс самосохранительного поведения – его жизненный путь, выражающийся, помимо прочего, в непрерывной эмпирической фиксации физического и душевного самочувствия личности, личного опыта оценки эффективности лечебных и превентивных мероприятий.

Иными словами, человек, обладающий достаточными знаниями в области элементарной медицинской грамотности, эффективными познавательными навыками, а также корректным ценностным отношением к своему здоровью (все перечисленные условия являются компонентами человеческого капитала), способен осуществлять продуктивную медицинскую активность, в информационном отношении основываясь на личном опыте самосохранительного поведения (тоже компонент человеческого капитала), который дает возможность самостоятельно избирать корректную тактику медицинских осмотров и медицинской профилактики заболеваний. Таким образом, первая группа индикаторов – компонентов человеческого капитала, позволяющая осуществлять эффективное самосохранительное поведение в условиях коммерциализации медицины, связана с реализацией адекватной медицинской активности. К ним относятся элементарная медицинская грамотность, эффективные познавательные навыки, позволяющие верно интерпретировать эмпирические данные, получаемые в процессе жизнедеятельности, корректное ценностное отношение к своему здоровью, выражающееся в заботе о нем, в том числе через ресурс количественно и качественно достаточных медицинских профилактических осмотров.

Элементарная медицинская грамотность формируется как часть обыденно-практического знания и является важным ресурсом сохранения жизни и здоровья человека. Она является многокомпонентным феноменом, включающим ряд навыков, знаний и умений, характеризующих корректное медицинское поведение человека. Одним из важных ее компонентов является медицинская грамотность неотложной помощи, которая может выступать ресурсом сохранения жизни в критических ситуациях. А. Курносова и И. Сиднев указывают: «Одной из ключевых проблем отечественного здравоохранения является высокая смертность. Причин ее достаточно много. В числе которых – малая образованность граждан в вопросах оказания первой медицинской помощи лицу, у которого возникло неотложное состояние, требующее от окружающих активных действий по оказанию экстренной и неотложной медицинской помощи» [24, с. 21]. Другим компонентом элементарной медицинской грамотности является культура использования лекарственных препаратов, включающая их оправданное и целесообразное использование. Это элементарные знания о доврачебном использовании лекарств, последствиях отказа от приема прописанных препаратов, последствиях использования лекарственных препаратов вне врачебных предписаний. Элементарная медицинская

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

грамотность включает в себя совокупность представлений о мерах профилактики и превентивном поведении, что является частью общей культуры человека и зачастую находится в прямой зависимости от качества накопленного человеческого капитала.

Вторая группа индикаторов раскрывает значение человеческого капитала личности как ресурса достаточного уровня материального благосостояния, что является необходимым условием получения качественной медицинской помощи в коммерческих учреждениях здравоохранения. Допуская отсутствие прямой зависимости между уровнем дохода и человеческим капиталом личности, стоит все же отметить, что непосредственно знания, умения и навыки человека являются главным инструментом его профессионального становления, существенным образом влияют на уровень дохода, и в этом смысле также выступают индикаторами доступности качественной и своевременной медицинской помощи.

Заключение

Роль человеческого капитала в сохранении здоровья населения в условиях коммерциализации медицины обусловлена следующими моментами:

- уровень образования населения напрямую связан с уровнем медицинской грамотности и информированности о формах продуктивного самосохранительного поведения;
- человеческий капитал определяет степень эффективности участия населения в экономическом производстве и, как правило, имеет тесную взаимосвязь с уровнем дохода населения – ресурсом высокой медицинской активности;
- социально-философское содержание человеческого капитала предполагает включение наряду с экономическим экзистенциального и социального компонентов, что обуславливает его высокую значимость в достижении личного и социального благополучия – важной предпосылки продуктивного самосохранительного поведения человека.

Исследование теоретических основ обозначенной проблематики – закономерная необходимость в условиях трансформации сферы здравоохранения, обусловленная потребностью выработки эффективных средств и механизмов сохранения здоровья населения. Человеческий капитал выступает важным ресурсом сохранения здоровья человека. Его низкий уровень оставляет человеку меньше шансов на реализацию эффективного самосохранительного поведения, что приобретает все большее значение в современной системе здравоохранения с усиливающейся тенденцией в сторону ее коммерциализации. Это естественный отбор, имеющий теперь уже социальную природу. Понимание человеческого капитала как эффективного ресурса здоровья человека обладает значимостью для современного социогуманитарного знания и определяет необходимость пересмотра принципов здоровьесбережения и трансформации комплекса мероприятий по сохранению здоровья населения и увеличения продолжительности жизни, в том числе с мировоззренческих позиций.

Литература

1. Изуткин Д. А. Этика взаимодействия врача и пациента в различных моделях их отношений // Медицинский альманах. 2012. № 5. С. 214–216.
2. Силуянова И. В. Цинизм и проблема нравственного состояния личности врача // Биоэтика. 2014. № 1. С. 20–22.
3. Силуянова И. В., Дворников А. С., Скрипкина П. А., Гайдина Т. А., Хейдар С. А. Опыт концептуализации морально-нравственных оснований заболеваний человека и их профилактики // Дерматология. Приложение к журналу Consilium Medicum. 2016. № 1. С. 55–57.
4. Чеботарева О. А., Бударин Г. Ю., Дронов С. В. Защита гражданских неимущественных прав – жизни и здоровья // Биоэтика. 2015. № 2. С. 32–36.
5. Халикова В. А. К вопросу о медицинской этике и отношениях «врач – пациент» // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 5. С. 201–202.
6. Лядова А. В., Лядова М. В. Этика и ее роль в системе врач – пациент на современном этапе развития // Миссия конфессий. 2016. № 12. С. 23–28.
7. Коваль Е. А., Сычев А. А., Жадунова Н. В. Биомедицинская этика в контексте ценностно-нормативных трансформаций современного общества // Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века: мат-лы 19-й Междунар. науч. конф. (Минск, 23–24 мая 2019 г.) Мн., 2019. С. 436–439.
8. Меттини Э. К вопросу об аксиологических аспектах медицины: попытка социологического очерка // Социология медицины. 2016. Т. 15. № 1. С. 11–13. DOI: 10.1016/1728-2810-2016-15-1-11-13
9. Жданов М. А. Любовь как важнейший элемент медицинской корпоративной культуры // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 46–50. DOI: 10.17223/15617793/395/7
10. Кафаров Т. Э., Рамазанов М. Р. Биоэтика как новое направление в морально-этическом дискурсе современного общества // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2015. № 1. С. 5–12.
11. Алиев Н. И. Биоэтика и тенденции развития современной медицины // Наука в современном обществе: закономерности и тенденции развития: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Оренбург, 10 ноября 2017 г.) Уфа, 2017. С. 99–102.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

12. Гуренко-Вайцман М. Н., Сугробова Ю. Ю., Юриста А. В. Проблематика конфликтов в социо-культурном пространстве современного отечественного здравоохранения // Таврический медико-биологический вестник. 2017. Т. 20 № 2-1. С. 202–207.
13. Гусева О. В. Проблемы трансформации инновационного бизнеса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2011. № 2. С. 11–14.
14. Самарин Н. А. Коммерциализация сферы здравоохранения // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 5. С. 13–17.
15. Еругина М. В., Кром И. Л., Шмеркевич А. Б., Дорогойкин Д. Л., Жужлова Н. Ю., Шигаев Н. Н., Бочкарева Г. Н. Доступность медицинской помощи как облигатный социальный предиктор здоровья населения в России // Саратовский научно-медицинский журнал. 2016. Т. 12. № 2. С. 101–105.
16. Савельева Ж. В. Потребление медицинских услуг или оказание медицинской помощи: конструирование образов платной и бесплатной медицины средствами массовой коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 347–355.
17. Жукова М. В., Орехов В. И., Орехова Т. Р. Современные проблемы менеджмента в здравоохранении // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». 2015. № 8. С. 55–58.
18. Пилюшенко А. В. К вопросу о социально-философском содержании человеческого капитала личности // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 64–67. DOI: 10.17223/15617793/430/9
19. Кьеркегор С. Или-Или. Фрагмент из жизни / пер. Н. Исаевой, С. Исаева. М.: Академический проспект, 2019. 775 с.
20. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе. М.: Транзиткнига; АСТ, 2005. 571 с.
21. Седова Н. Н., Приз Е. В. Этико-правовые методы контроля за качеством медицинских услуг // Философия социальных коммуникаций. 2011. № 3. С. 114–119.
22. Полянская Е. В. Понятие «медицинская услуга» и основные подходы к ее классификации // Молодой ученый. 2010. № 1-2-1. С. 244–247.
23. Аширов Р. З., Голубенко А. А., Козин Н. Д. Экономика и организация здравоохранения. 2-е изд., перераб и доп. Саранск: Б. и., 2004. 303 с.
24. Курносова А., Сиднев И. Проблемы медицинской грамотности населения при оказании первой медицинской помощи // Вести научных достижений. 2019. № 4. С. 21–25.

original article

Human Capital Assets as a Source of Self-Preservation Behavior in Commercial Healthcare

Alexandra V. Pilyushenko [a, @]
[a] Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Russia, Izhevsk
[@] Che-pi@yandex.ru

Received 08.06.2020. Accepted 04.11.2020.

Abstract: The research featured efficient self-preservation behavior in the context of healthcare commercialization, which affected the fundamental principles of medical service. The research objective was to study human capital assets as a resource of self-preservation behavior in the abovementioned conditions. The study involved a philosophical analysis based on the axiological approach, which made it possible to consider the ethical aspects of commercial medicine. The author also employed the structural method to study human capital as a complex structure. Human capital plays the leading role as it provides an effective implementation of self-preservation behavior in the context of healthcare commercialization. The research included an axiological analysis of the value-semantic context of the doctor-patient relationship and the ethical-axiological aspect of the phenomenon of commercial medicine. The author defines a number of indicators of human capital and defines productive self-preserving behavior in commercialized healthcare. Human capital assets turned out to be a valuable resource of self-preservation behavior in terms of health preservation. Its components could serve as performance indicators. They are basic medical literacy; effective cognitive skills in interpreting the empirical data obtained in life; adequate attitude to one's own health, e.g. regular check-ups, healthy lifestyle, etc., as well as a sufficient well-being. Good awareness leads to effective self-preservation behavior, which is especially important in commercial healthcare.

Keywords: medical activity, medical literacy, medical culture, social health, healthcare, health preservation

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

For citation: Pilyushenko A. V. Human Capital Assets as a Source of Self-Preservation Behavior in Commercial Healthcare. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 478–485. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-478-485

References

1. Izutkin D. A. The doctor-patient cooperation ethics in different models of their relations. *Medicinskii al'manah*, 2012, (5): 214–216. (In Russ.)
2. Siluyanova I. V. Cynicism and the problem of moral position of doctor's person. *Bioethics*, 2014, (1): 20–22. (In Russ.)
3. Siluyanova I. V., Dvornikov A. S., Skripkina P. A., Gaydina T. A., Kheydar S. A. The experience of conceptualizing moral bases of human diseases and their prevention. *Dermatologiia. Prilozhenie k zhurnalu Consilium Medicum*, 2016, (1): 55–57. (In Russ.)
4. Tchebotareva O. A., Budarin G. Yu., Dronov S. V. Protection of civil property rights-life and health. *Bioethics*, 2016, (2): 32– 36. (In Russ.)
5. Khalikova V. A. Issues of medical ethics and relationship between patient and physician. *Sovremennye nauchnye issledovaniia i razrabotki*, 2016, (5): 201–202. (In Russ.)
6. Lyadova A. V., Lyadova M. V. Ethics and its role in the doctor-patient system at the current stage of development. *Mission confessions*, 2016, (12): 23–28. (In Russ.)
7. Koval E. A., Sychev A. A., Zhadunova N. V. Biomedical ethics in the context of value and normative transformations of modern society. *Sakharov readings 2019: environmental problems of the XXI century*: Proc. 19 Intern. Sci. Conf., Minsk, May 23–24, 2019. Minsk, 2019, 436–439. (In Russ.)
8. Mettini E. On the issue of axiological aspects of medicine: attempt of sociological essay. *Sociology of Medicine*, 2016, 15(1): 11–13. (In Russ.) DOI: 10.1016/1728-2810-2016-15-1-11-13
9. Zhdanov M. A. Love as the most essential element of medical corporate culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (395): 46–50. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/395/7
10. Kafarov T. E., Ramazanov M. R. Bioethics as new scientific worldview paradigm: factors of formation and development (philosophical and methodological aspect). *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*, 2015, (1): 5–12. (In Russ.)
11. Aliyev N. I. Bioethics and development trends of modern medicine. *Science in modern society: patterns and development trends*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Orenburg, November 10, 2017. Ufa, 2017, 99–102. (In Russ.)
12. Gurenko-Vaitsman M. N., Sugrobova Yu. Yu., Yurista A. V. The problematics of conflicts in socio-cultural expanse of modern national health care. *Tavricheskiy mediko-biologicheskiy vestnik*, 2017, 20(2-1): 202–207. (In Russ.)
13. Guseva O. V. Problems of innovative business transformation. *Sovremennaia nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriia "Ekonomika i pravo"*, 2011, (2): 11–14. (In Russ.)
14. Samarin N. A. Commercialization of the healthcare sector. *Nauka i obrazovanie: khoziaistvo i ekonomika; predprinimatelstvo; pravo i upravlenie*, 2012, (5): 13–17. (In Russ.)
15. Yerugina M. V., Krom I. L., Shmerkevich A. B., Dorogoykin D. L., Zhuzhlova N. Yu., Shigaev N. N., Bochkareva G. N. The availability of medical care as an obligatory social health predictor of the population in Russia. *Saratov Journal of Medical Scientific Research*, 2016, 12(2): 101–105. (In Russ.)
16. Savelyeva Zh. V. Consumption of medical services or medical care: constructing images of paid and free medicine in the media. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2011, 14(5): 347–355. (In Russ.)
17. Zhukova M. V., Orekhov V. I., Orekhova T. R. Modern problems of management in health care. *Vestnik Rossijskogo novogo universiteta. Seriya "Chelovek i obshchestvo"*, 2015, (8): 55–58. (In Russ.)
18. Pilyushenko A. V. On the sociophilosophical concept of an individual's human capital. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2018, (430): 64–67. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/430/9
19. Kierkegaard S. *Either – or. A life fragment,* trs. Isaeva N., Isaev S. Moscow: Akademicheskii prospekt, 2019, 775. (In Russ.)
20. Fromm E. *The sane society. The dogma of Christ and other essays on religion, psychology and culture*. Moscow: Tranzitkniga; AST, 2005, 571. (In Russ.)
21. Sedova N. N., Priz E. V. Ethical and legal methods of control over the quality of medical services. *Filosofiia sotsialnykh kommunikatsii*, 2011, (3): 114–119. (In Russ.)
22. Polyanskaya E. V. The concept of "medical service" and basic approaches to its classification. *Molodoi uchenyi*, 2010, (1-2-1): 244–247. (In Russ.)
23. Ashirov R. Z., Golubenko A. A., Kozin N. D. *Economics and organization of healthcare*, 2nd ed. Saransk: B. i., 2004, 303. (In Russ.)
24. Kurnosova A., Sidnev I. Problems of medical literacy of the population when rendering first medical care. *Vesti nauchnykh dostizhenii*, 2019, (4): 21–25. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

оригинальная статья
УДК 316.75

Использование биографического метода в социально-политических исследованиях

Владислав А. Рычков [a, @, ID]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] 89045745215@ya.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-5771-2995

Поступила в редакцию 07.08.2020. Принята в печать 20.10.2020.

Аннотация: Показан пример применения биографического метода в изучении политики памяти. Эмпирической базой послужили архивные источники, личные документы и опубликованные семейные воспоминания иностранных граждан, репрессированных в 1930-е годы. Показаны преимущества использования метода в гибридном методологическом комплексе в комбинациях с методиками в формате междисциплинарного подхода. Описаны техники процедуры гибридизации в составлении методологического исследовательского комплекса для изучения эмпирического материала. Гибридная методологическая позиция позволила реконструировать жизненный путь человека на фоне исторической ситуации в стране, понять контекст его жизни, смыслы и цели в конкретных исторических условиях. Результатом исследования биографий репрессированных иностранцев стало обоснование типичной биографической ситуации, которая воплотилась в абрис типичной судьбы этих людей. На фоне типичной судьбы иностранцев, подвергнутых репрессиям в России, единичные биографии выглядят выпукло, подчеркивая и массовость практически одинаковой событийности, и личный опыт людей, переживших ситуацию репрессий. Автором обосновано применение биографического метода при изучении проблем формирования политики памяти, воплощенной в разных сценариях. Сделан вывод о необходимости формирования в России политики памяти, согласующей разнородные по смыслам нарративы социальных групп с целью укрепления гражданской солидарности.

Ключевые слова: социальная память, политика памяти, социокультурный подход, качественная исследовательская парадигма, гибридный методологический комплекс

Для цитирования: Рычков В. А. Использование биографического метода в социально-политических исследованиях // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 486–495. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

Введение

Социальные исследования политики памяти носят междисциплинарный характер. Это находит отражение в методологии социально-политических исследований, касающихся ментальных характеристик социальных групп, общностей. Социальная память дифференцирована. Разнородность пластов и смыслов памяти невозможно измерять одномерными количественными методами, данный объект исследования вообще сложно подвергнуть измерительным процедурам. Но для определения сбалансированных стратегий политики памяти актуальным становится выявление содержания памяти социальных групп, смыслов, в которых люди видят и понимают события истории России.

Ведущими в исследовании социальной памяти считаются социокультурный и историко-сравнительный подходы в комбинаторике со специальными методами, предполагающими опору на междисциплинарные методики социологической и исторической наук. Соединение подходов и соответствующих им методов является одним из приемов работы с гибридными исследовательскими комплексами. Политика памяти опирается на образные представления, содержащиеся в нарративах. Она стремится подменить собой историческую память, внедряя противоречивые конструкты, вызывающие конфликты. Использование биографического метода в социально-политических исследованиях позволяет рассмотреть проблемы государства в фокусе личностного понимания событий прошлого, вплетает семейные истории свидетелей и очевидцев событий в историю государства.

Методы и материалы

Стратегии гибридизации, с одной стороны, сохраняют традиционные принципы количественных концепций, с другой стороны, позволяют использовать методы разных гуманитарных дисциплин. В исследовании процессов формирования политики памяти мы соединили методы социокультурного подхода (П. А. Сорокин, А. С. Ахиезер) с техниками историко-сравнительного и феноменологического подходов. При использовании социокультурного подхода акцент делается на интеграции социального и культурного в структурах бытия человека, на ценностной основе понимания социокультурного процесса. Мы использовали биографический метод, контент- и дискурс-анализ, которые

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

оформились в гибридный исследовательский комплекс на основе междисциплинарного подхода.

В поле зрения исследователя попадают разные сферы жизни, сочетающие макро- и микроуровни отношений человека и структур общества, особенности функционирования социальности в пространстве культуры [1, с. 9]. Сравнительный анализ понимания исторических событий разными социальными группами проводится с учетом окружающего их исторического контекста. Он предполагает методическую вариативность, являясь одним из методов компаративного подхода. В рамках феноменологического подхода внутренний мир индивида рассматривается как социологически значимое явление: он утверждает значимость субъективных оценок и переживаний для анализа социальной реальности. «Концептуальная основа междисциплинарных исследований… может формироваться в виде гибридного методологического комплекса, объединяющего методы исторических наук, потенциал социокультурного, генетического, феноменологического подходов в комбинации с методами социальной генеалогии и качественного анализа» [2, с. 135].

Ученые рассматривают противоречие исследовательских парадигм «с позиции комбинирования методов, способных компенсировать слабые стороны и усиливать методические возможности концепций» [3, с. 45]. Гибридные стратегии решают методологическую проблему баланса объективности / субъективности, позволяя проследить, как судьбы людей складываются в типы жизненных стратегий на фоне социально-исторического контекста. Исследования в русле гибридизации методов качественно-количественной парадигмы с использованием методик междисциплинарного подхода опираются на интерпретативный характер анализа, работу со смыслами социального дискурса, формирующегося вокруг исторического события. Смысл масштабных исторических событий можно понять через «подробное изучение чрезвычайно мелких явлений» [4, с. 27]. Социокультурный и сравнительный исторический анализ помогают осмыслить макропроцессы социальной памяти, включая в свою структуру техники количественного анализа (анализ документов, вторичный анализ). Микроуровень мнемических процессов изучается методами качественной парадигмы (биографический метод, контент-анализ).

По мысли Е. Ю. Рождественской и В. В. Семеновой, «когда исследователь работает с биографическими данными, есть возможность определить отдельные социальные позиции респондента как "точки", которые он занимает в определенном пространстве / времени… путем соединения этих точек в некую кривую… можно их представить уже как… кривые жизненного пути, которые обладают специфической конфигурацией…» [5, с. 5]. Л. Ю. Логунова акцентирует внимание на правилах работы с нарративами: «все интерпретации корректны, ибо дифференцированы по социальной принадлежности, степени вовлеченности в события» [6, с. 230].

Социальная память в ее дифференциации, воплощенной в нарративах свидетелей исторического прошлого стала центром нашей научной рефлексии. Предмет исследования – политика памяти, которая сегодня становится проблемой общественного сознания нации. Внедряясь в него, она манипулирует образами социальной памяти, подменяет собой историческую память, вбрасывая идеологемы, как правило, не способствуя согласию и солидарности дифференцированных памятью о прошлом социальных групп. Работа с нарративами с помощью биографического метода приближает исследователя к адекватному понимаю социально-исторической ситуации. Биографический метод помогает понять нарративы – цельные сюжетно-смысловые повествования, выражающие идентичность социальных групп. Это синтетический метод, родившийся на стыке разных наук. От исторической науки биографический метод заимствовал принцип изучения микроисторий жизни, конкретизированных переживаниями их героев, от искусствознания – синтез объяснения и понимания, основных этапов жизненного пути индивида.

Психоанализ и персонализм повлияли на логическую структуру биографического метода: анализ жизни идет в соответствии с жизненными циклами в синтезе биологического, исторического, социокультурного. Биографический метод помогает «связать процессы личности с процессами жизни культуры, историю общества с историей человека, его пониманием обстоятельств жизни, включенных в глобальные социокультурные и исторические процессы» [1, с. 152].

Социологические достоинства метода заложены в идее «биографической ситуации» [7–9]. Жизненные факты индивидов в рамках биографической ситуации воплощаются в нарративные повествования, достойные научного анализа. Ретроспективность, реконструкция и опора на источники в работах, базирующихся на биографическом методе, сближают их со сравнительно-историческими исследованиями и «биографической историей» школы Анналов (Л. Февр и М. Блок [10, с. 17]). Исследование нарративов и их взаимодействия на поле памяти, формирования различных политик памяти на их основе помогает понять, какую роль играют воспоминания социальных групп в процессе осмысления социумом собственной истории.

П. Бурдье полагает, что социальная реальность является «представлением или продуктом представления во всех смыслах этого термина» [11, с. 48]. Она пронизана образами, которые отбираются группами для выражения собственной идентичности. Агенты групп используют эмоционально окрашенные образы прошлого для создания нарратива – повествования о значимых исторических событиях с точки зрения группы. Нарратив не просто описывает факты. Он конституирует осмысленную и целостную последовательность событий из жизни человека, представляя действия людей в качестве объективных связей и отношений: «События фиксируются…

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

благодаря нарративным усилиям самих респондентов, когда каждое событие описывается респондентом как связанное с другими и обусловливает их» [12, с. 155]. Е. Ю. Рожественская отмечает, что «нарративы… подлежат прагматическим и синтаксическим правилам, ситуативно и темпорально определенны… контекстуальны, т. е. для эффективной коммуникации необходим общий фонд означенного опыта, солидаризирующий группу / поколение / классы / нацию, селективно отобранных знаний и верований и т. д., в противном случае производство и понимание дискурса будет затруднено или невозможно» [13, с. 54].

Ведущую роль в формировании нарратива играет память как «временная составляющая идентичности, наряду с оценкой настоящего и планированием будущего» [14, с. 29]. В нарративах запечатлены судьбы людей, перипетии истории социальных групп в качестве логически изложенного повествования: «нарративы передают динамику травматичного опыта от латентных форм переживания, фигур умолчания к частичному их проговариванию и далее – к дискурсивной детализации пережитого» [15, с. 380]. В поддерживаемых властью нарративах представлены смыслы интерпретации национальной истории. В этих разнообразных повествованиях нет (и не может быть) смыслового единства. Каждый субъект будет отстаивать свое право на нарратив, защищая свой смысл. В этом особенное свойство социальной реальности: она бесконечно объективна во всех субъективных представлениях о ней. Между собой нарративы могут находиться в отношениях комплиментарности, агонизма, антагонизма или индифферентности в зависимости от статуса социальных групп и их взаимоотношений в публичном пространстве. Нарратив поддерживает идентичность группы и отвечает на актуальные вопросы современности. При помощи нарратива группы «обретают голос» в социально-политических дискуссиях, утверждая свою уникальность и право на память в публичном пространстве. Когда репрезентация нарратива социальной группы затруднена, формируются «ментальные неврозы», травмы памяти. На микроуровне нарративы связаны с жизненными траекториями индивидов, на макроуровне – используются властью для формирования политики памяти, которая определяет смыслы понимания прошлого, связывает образы прошлого с потребностями современности.

Идеальный сценарий такой политики – создание дискуссионной площадки для диалога исторических нарративов. Но реальная социально-политическая ситуация представляет собой тлеющий конфликт между смыслами исторических нарративов, что проявляется в реализуемых неоднозначных или противоречивых политических решениях в сфере исторической памяти. Эти ментальные сражения происходят на поле памяти – «пространстве, в котором находятся агенты и институты, производящие, воспроизводящие и распространяющие искусство, литературу или науку» [16, с. 51]. Память – «микрокосм, наделенный своими собственными законами» [16, с. 51]. Но всегда есть опасность, что на полях социальных взаимодействий, которые есть суть социальной реальности, «результаты рационально осмысленных действий нередко оборачиваются прямо противоположными последствиями» [17, с. 19].

Поле памяти – это наша исследовательская площадка, которая представлена в качестве арены отношений диалога или конкурентной борьбы между политическими акторами и агентами социальных групп. Специфической ставкой в победе в ментальном мнемическом сражении является монополия на использование образов прошлого, с целью легитимации (или делегитимации) правил политической игры.

В России социальные группы, пострадавшие от репрессий, длительное время не имели возможности публично заявить о своем праве на память, репрезентовать в политическом пространстве свой легитимный нарратив. История советских репрессий вызывает сочувствие у граждан, но не имеет легитимности, достаточной для общенационального признания трагедии. Травматический опыт национальной истории используется агентами власти и акторами социальных групп с целью наращивания собственного символического капитала в этом мнемическом конфликте смыслов и исторических нарративов.

Мы изучаем процессы формирования политики памяти в двух проекциях: макро- и микросоциальной плоскости. Макросоциологический подход анализирует динамику изменений больших социальных систем, помогает увидеть, как меняется институциональный фон обыденной жизни в истории. В микросоциологическом подходе социальная реальность рассматривается как результат действий индивидов, зависимый от их внутреннего мира. Интерпретация фактов покоится на методологической позиции качественной социологии: факты социальной жизни являются «"чьими-то" – в сфере жизненного опыта каких-либо индивидов или коллективов, которые с этими фактами сталкиваются, наблюдают, познают их, переживают, интерпретируют, оценивают» [18, с. 19]. Между двумя уровнями реальности тесная взаимосвязь: макрообщественные изменения «непосредственно влияют на функционирование групп в микромасштабе, на повседневную жизнь отдельных людей… история переосмысливается в биографиях людей» [18, с. 478]. Биография становится точкой пересечения макро- и микроанализа.

Биографический метод состоит из совокупности методик качественного анализа – сбора информации из писем, интервью, дневников, протоколов наблюдений и методов ее интерпретации. По мнению Л. Ю. Логуновой, с его помощью можно восстанавливать биографии людей, семей, социальных групп, общностей, используя уникальные возможности смысловой интерпретации событий респондентами [1, с. 154]. Н. К. Дензин рассматривает биографический метод как исследование

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

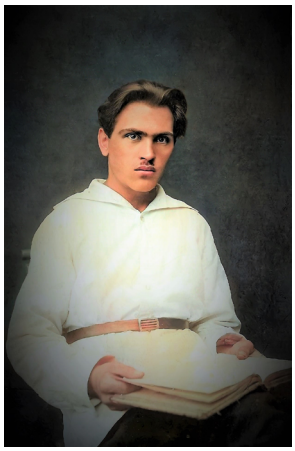
переживаний человека или группы на основе анализа широкого круга эмпирических источников: от писем до автобиографий, от газетных сообщений до протоколов судебных заседаний [19, с. 183]. Ф. В. Знанецкий считал, что «результаты применения биографического метода есть характеристика переживаний, ощущений или деятельности, мыслительных или практических действий членов… социальных групп» [20, с. 106]. Биографический метод рассматривает жизнь человека в связи с конкретной социальной и культурной ситуацией, ибо «только по отношению к последней описываемая жизнь приобретает значение истории, особой смысло-временной целостности, к которой применимы понятия уникальности, событийности, развития, самоосуществления» [21, с. 138].

Биографический метод упрекают в субъективности оценок. Но этот упрек касается именно достоинства метода. Среди множества усредненных оценок, которые принято считать объективными, данные, полученные биографическим методом, сохраняют уникальность и типичность смыслов и суждений респондентов. Сочетание с количественными методами, процедуры триангуляции, гибридизация исследовательского комплекса позволяют получить действительно объективную картину представлений о социальной реальности при сохранении субъективных мнений о ней. «Исторические ситуации и их социальные характеристики выстраиваются на основе сравнительного анализа неофициальных и официальных нарративов… Конечный результат применения метода заключается не в оценке жизни конкретного человека, а в осмыслении социокультурных характеристик исторической ситуации, которая повлияла на эту жизнь» [1, с. 160].

Мы комбинировали интерпретацию данных биографических интервью с данными контент-анализа массива материалов, посвященных теме репрессий советского периода истории России. Такими источниками стали:

- архивные исторические документы (материалы коллективного архивного уголовного дела (АУД) № П-1644 архива УФСБ по Ульяновской области и материалы АУД № 275 архива УФСБ по Пензенской области[1]. документы 1920–1990-х гг., связанные с жизнью Ф. Томэчка, полученные из Российского архива социально-политической истории (13 документов);
- воспоминания о Ф. Томэчка, опубликованные его потомками (3 личных документа).

Интерпретация собранного эмпирического материала оформилась в процедурах плотного описания и типизации жизненных стратегий репрессированных иностранцев.



Франтишек Томэчка (1906–1938)
František Tomečka (1906–1938)

Результаты

Плотное описание нарративов используется для определения «важных личностных смыслов, восприятия образа жизни определенной общностью» [22, с. 186]. Исследователь изучает биографию человека с целью обнаружения социальных оснований и символических структур ситуации. Это помогает понять, как «работает значение (смысл) в общественной жизни» [23, с. 1], увидеть событие изнутри, глазами очевидцев. Описание становится насыщенным, анализируются ситуации, объясняющие эпизоды биографии, интерпретируются значения культурных феноменов [24].

В плотном описании анализируется текст в целом (нарративное повествование) либо отдельный отрывок, эпизод, секвенция (жизненные эпизоды, следующие в определенном порядке друг за другом). Текст нарратива структурируется по законам логики. Исследователь с помощью метода понимания погружается в смыслы жизненной ситуации человека с целью «вписать» историю его жизни в контекст исторической ситуации. Повествование переводится в анализируемые единицы (секвенции), структурированные по темам (табл.). Анализ нарратива состоит из перечисления характеристик жизни человека или группы, фиксации самого события, отношения к нему, культурного и исторического контекстов, понимания субъективной значимости этого события для участников ситуации. С помощью метода плотного описания нами была проанализирована биография Ф. Томэчка, чтобы показать, как в судьбе одного человека преломились события мировой и национальной истории и как они отразились в политике памяти Чехии и России[2] [28].

Судьба Ф. Томэчка имеет сходство с биографией К. Штайнера – югославского коммуниста, эмигрировавшего в советскую Россию в 1932 г. ради построения коммунизма и получившего срок в ГУЛАГе: «родился 15 января 1902 года в Вене. …вступил в Союз

[1] Архив УФСБ по Ульяновской области. АУД № П-1644. 1932. Т. 1; Архив УФСБ по Пензенской области. АУД № 275. 1937.

[2] Ryčkov V. A. Čech vězněný v Gulagu // Kudlanka. 20.08.2018. Режим доступа: https://www.kudlanka.cz/index.php?option=com_content&task=view&id=9337&Itemid=40&limit=1&limitstart=2 (дата обращения: 10.11.2019).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

коммунистической молодежи в 1919 году. ...перед угрозой прихода к власти Гитлера, в 1932 году ... приехал в Советский Союз для работы в Балканской секции Коминтерна. <...> Арестован 4 ноября 1936 года как немецкий шпион и приговорен к 8 годам тюремного заключения. ...22 октября 1939 года... дополнительно осужден на 10 лет» [25, с. 7].

Табл. 1. Пример плотного описания
Tab. 1. Example of dense description

Протокол допроса Ф. Томэчка[3]	Плотное описание
Родился в семье рабочего, г. Граница, Чехословакия. Окончил гимназию в 1922 году, ...работал учеником сапожником до 1925 года... до 1929 года работал на фабрике рабочим с перерывом 11/2 лет, в армии... В 1926 году... вступил в члены Чешской компартии..., в 1929 г. в связи с репрессиями со стороны Правительства к КПЧ по предложению парторганизации вместе с... Рипар Антонином... были вынуждены выехать в СССР... При переходе границы Польша – СССР мы были арестованы... в Каменец-Подольском... Из Каменец-Подольского нас... отправили в г. Пензу, а оттуда в Керенск. ...в январе 1931 г. 19 числа мы были... приняты в ВКП(б)... В феврале месяце 1931 г. Рипар... был послан на Урал, рабочий поселок Губаху Кизеловского района инструктором физкультуры, где он работал 3-4 месяца и пригласил меня к себе... Я в это время работал в Керенском детдоме воспитателем-инструктором по сапожному делу, получив отпуск, выехал к нему, пробыл там 3 недели... мы поехали вместе, он в Сызрань, а я в Керенск... в октябре 1931 г. мне писала его жена из Сызрани, что он уехал неизвестно куда и не знаю ли я его адреса	1. Дата и место рождения: 1906 год, Границе-на-Мораве, Чехия. 2. Культурный контекст: национальность – чех, выросший в Моравии (Чехия), где пересекались различные культуры, нации и религии. Ф. Томэчка эмигрировал из Чехии в СССР. 4. Социальное происхождение: из семьи рабочего. 5. Субъективное значение: вера в коммунизм, открытость к людям, дружелюбие. 6. Факт эмиграции имел значение для последующей жизни, определил его судьбу

При сравнении биографий Ф. Томэчка и К. Штайнера появляется исследовательский концепт – тип судьбы *репрессированные по политическим мотивам эмигранты в СССР*. Дополнением к судьбам основных героев служат упоминания о похожих ситуациях, в которые попали другие иностранцы. Материалы уголовного дела расширили этот тип судьбы людей, репрессированных по политическим мотивам: в коллективном уголовном деле № П-1644 упоминаются А. Рипар и Д. Шагаров, эмигрировавшие в СССР и репрессированные в 1932 г. в рамках «польской операции» НКВД. Мы изучили судьбы эмигрантов из Чехословакии в СССР по источникам, опубликованным на российских сайтах, в количестве 895 биографий[4]. Этих людей объединяет единый тип судьбы.

Ф. В. Знанецкий вводит понятие *определение ситуации*, которое формируется из объяснений участвующих в ней субъектов и скрупулезного анализа их биографии как метода понимания их характеров в социальном действии [20]. Субъекты привносят в каждую социальную ситуацию свои мотивы и модели поведения, обоснованно предполагая, что такой способ действий одобряется другими. Основной опыт людей может быть представлен как типизированное знание. Социолог анализирует не индивидуальные или уникальные качества предметов или людей, а их типические черты. Типизация обозначает процесс, посредством которого люди типизируют окружающий их мир. А. Шюц источником типизации полагает структуры жизненного мира индивидов: «Опуская письмо в почтовый ящик, я ожидаю, что неизвестный мне человек, называемый почтовым служащим, будет действовать типичным, хотя и не вполне понятным мне образом, в результате чего мое письмо достигнет адресата за разумное время» [26, с. 20].

В смысловом контексте А. Шюц определяет типизацию как форму абстракции, которая приводит к «концептуализации обыденного мышления... потому, что наш опыт... с самого начала организуется как подведение под определенные типы» [26, с. 493]. Процесс типизации состоит «в приравнивании черт, релевантных... цели, ради которой данный тип был создан, и в игнорировании тех индивидуальных различий..., которые этой цели

[3] Архив УФСБ по Ульяновской области. АУД № П-1644. 1932. Т. 1. С. 132; Файл: 132. Протокол допроса Ф. Томэчка // Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Файл:132._Протокол_допроса_Ф._Томэчка.jpeg (дата обращения: 03.08.2020).

[4] См..: Gulag. Online. Режим доступа: http://www.gulag.online/ (дата обращения: 03.08.2020); Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/ (дата обращения: 03.08.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

нерелевантны». При этом, процедуры типизации должны соответствовать четырем постулатам – релевантности, адекватности, логической согласованности и совместимости. Смысл ее заключается в «соотнесении типа с проблемой, для решения которой он был создан» [26, с. 625].

С помощью типизации эклектические материалы личного характера («документы жизни»), документы архивов организуются в единую смысловую канву, помогающую анализировать исторические события [26]. Мы использовали метод типизации для осмысления схожих биографических ситуаций, выбранных по критерию иностранного происхождения героя. В метод типизации вплетаются техники сравнительного анализа. Сравнительный анализ аналогичных случаев позволил классифицировать стратегии жизни индивидов в похожих обстоятельствах.

Для советских граждан было опасным знать иностранные языки, иметь точку зрения, отличную от партийной линии, критиковать существующие порядки и сравнивать их с условиями жизни в зарубежных странах. Иностранное подданство или опыт жизни за границей делали человека преступником в глазах власти. Как и Ф. Томэчка, К. Штайнер устроился на работу, женился на русской девушке, был обвинен в шпионской деятельности. Основанием для ареста и уголовного преследования послужили его гражданство и знание иностранных языков. Как и у Ф. Томэчка, жена К. Штайнера была русской, и на момент ареста мужей обе ждали детей. Ф. Томэчка, арестованный 27 октября 1937 г. Керенским НКВД, сказал своей жене на прощание: «*Натка, жди меня. Я обязательно вернусь. Ведь я ни в чем не виноват…* »[5]. К. Штайнер тоже считал свой арест ошибкой: «*Жена заплакала, я пытался ее успокоить.*

– Что ты возьмешь с собой? – спросила она.

– Ничего. Зачем мне брать что-либо? Это явное недоразумение, я скоро вернусь домой… » [25, с. 10].

После осуждения мужа С. Штайнер, как и жена Ф. Томэчка, была объявлена женой врага народа и прошла через обструкцию со стороны власти: лишение работы и жилья, стигматизация, материальные лишения и моральные страдания из-за невозможности повлиять на судьбу мужа законными средствами.

А. Шюц подчеркивает, что при типизации необходимо принимать в учет некоторые обязательные основания: а) мир, принимаемый как данность; б) биографически детерминируемая ситуация. Исходя из этих параметров, можно предположить, что для всех изучаемых нами эмигрантов мир воспринимался (до применения к ним репрессий) как относительно безопасный, стабильный и предсказуемый. Это ясно по факту их эмиграции в СССР, которая не воспринималась ими в качестве опасного и сомнительного предприятия. Опыт проживания за границей сформировал доверительное отношение к органам власти и дознания, что видно из протоколов допроса Ф. Томэчка[6] (табл. 2) и К. Штайнера: оба прямо и откровенно отвечают на вопросы следователя, будучи уверенными в собственной правоте и невиновности.

Табл. 2. Материалы протокола допроса Ф. Томэчка

Tab. 2. F. Tomečka's interrogation file

Вопрос	Ответ
Как понимать Вашу фразу в письме жене из Губахи (с. Урала) от 7 июля 1931 г., т. е., в то время, когда Вы договаривались бежать в ЧСР, следующего содержания: «Я думаю, что ты мне поверишь, что мне не было большой охоты сюда на этот Урал ехать, но скажу тебе пока, что это была моя обязанность»	Это надо понимать так, что мне надо было договориться с Рипар или о побеге в ЧСР, или же оставаться здесь в СССР, одно из двух: оставаться здесь или выехать обратно…
В письме от 20 июня из Губахи: «Скажи, кто здесь в СССР живет счастливо и спокойно? Я думаю, что никто. Каждому чего-нибудь хочется, и здесь ничего нет. Думаю, как и что будет в дальнейшем, и ничего хорошего не вижу»	Сам не знаю, как это я выразился…
«В Губахе на левом берегу р. Усолье находиться вроде Соловков, тоже находиться 2000 лишенцев под надзором и работают все в горе, добывают уголь как принудильщики…, там находятся и хорошие люди… есть белогвардейцы, попы… Ходить туда не разрешается, но я там все же уже два раза был, но по разрешению, очень хотелось узнать их обстановку, их права, обязанности, так я это все узнал… »	Тот сотрудник ГПУ, который был в кружке физкультуры у Рипара, дал нам возможность вместе с ним осмотреть лагерь, были там, на площадке, где устраивали танцы, один из заключенных – белогвардеец-руководитель танцев подсел к нам с Рипаром и вели разговор о жизни в лагере…

[5] Ryčkov V. A. Čech vězněný v Gulagu…

[6] Архив УФСБ по Ульяновской области. АУД № П-1644. 1932. Т. 1. С. 171–172; Файл: 171. Протокол допроса – 28 июня 1932 года // Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Файл:171._Протокол_допроса_-_28_июня_1932_года.jpeg#file (дата обращения: 03.08.2020); Файл: 172. Протокол допроса – 28 июня 1932 года // Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Файл:172._Протокол_допроса_-_28_июня_1932_года.jpeg (дата обращения: 03.08.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

Из воспоминаний К. Штайнера: «*"1. Карл Штайнер обвиняется в том, что он является членом контрреволюционной организации, убившей Секретаря Центрального Комитета ВКП(б) и Секретаря Ленинградского обкома партии С. М. Кирова; 2. Он обвиняется в том, что является агентом гестапо".*

Дочитав до конца, я рассмеялся.

– Не смейтесь! Это серьезное обвинение, – сказал Ревзин.

Я чувствовал себя хорошо, настроение поднялось.

– Дело абсолютно ясное – речь идет об ошибке. К этому я не имею никакого отношения, – я говорил спокойно и уверенно» [25, с. 14].

Биографически детерминируемая ситуация всех эмигрантов заключена в факте их эмиграции. Это событие послужило основой для изменений их судеб: женитьба на русских женщинах, арест как лиц, прибывших из капиталистических стран с целью шпионажа. Биографии А. Рипара и Д. Шагарова аналогичны судьбе Ф. Томэчка: эмиграция в СССР, трудоустройство, заключение брака, обвинение в шпионаже и заключение в концлагере по сфабрикованным обвинениям. Фабула обвинения всех фигурантов АУД № П-1644 основана на ст. 58 УК РСФСР: рабочих обвиняли в терроризме, покушении на основы государства, срыве сельскохозяйственных работ и шпионаже на иностранную разведку. Факт эмиграции помешал им легально покинуть СССР для того, чтобы избежать репрессий. Судьба Ф. Томэчка – пример того, как биография индивида меняется под действием политики, идеологии, партийных взаимодействий и индивидуального выбора страны проживания.

Репрессированные иностранцы составили группу с похожими судьбами. Следствие по их делам и судебные процессы были идентичны. Для вынесения приговора не требовалось никаких доказательств и состязательного судебного процесса. Родственники репрессированных подвергались моральной и юридической дискриминации только за факт родственных связей с репрессированным: «*Сестра моей бабушки Людвига… родилась после смерти своего отца, 26 июня 1938 года. После ареста Франтишека его беременную жену и ребенка выселили из дома, где они постоянно жили. Они стали жить на квартире у родственников, в коридоре… Наталья как жена "врага народа" была уволена. Она пошла на работу в детский дом, где она, по крайней мере, приносила остатки еды своим дочерям. До 1953 года никто не сообщал Наталье о судьбе ее мужа. Только после смерти Сталина ей сказали, что он умер от рака печени, что не было правдой…*» (из семейной истории Ф. Томэчка [28, с. 55]).

Ф. Томэчка был реабилитирован посмертно решением Военного Трибунала Приволжского военного округа 24 ноября 1956 г. «за отсутствием состава преступления»[7]. К. Штайнер реабилитирован 23 марта 1956 г. Верховным Судом РСФСР.

За рубежом тема тоталитаризма представлена как национальная трагедия. Здесь идет осмысление национальной истории, изучаются судьбы репрессированных. Мемориализация памяти репрессированных воспринимается чешским обществом спокойно и доброжелательно. В России история репрессий практически не включена в государственную политику памяти: доступ к архивам репрессий затруднен, точное количество репрессированных до сих пор официально не названо, организаторам репрессий устанавливают памятники и популяризируют их как мудрых государственных деятелей.

Практически никакого мнемического дискурса о «жертвах идей интернационала» в нашей стране не существует. Попытки общественных организаций и инициативные исследования историков артикулировать память о репрессиях наталкиваются на сопротивление со стороны агентов власти. Идеологи пытаются разыгрывать карту победы и «торжества справедливости». Но принуждение к «исторической правде» одной на всех травмирует общество и искажает пространство социальной памяти. Формируются ложные (стыдливые или героические) представления о реальности, имеющие с реальностью опосредованную связь [27]. Голоса тех, кого ранее было принято не замечать в официальной политике памяти, начинают звучать все убедительнее. Возможность «рассказать» свою версию национальной истории и указать свое место в ней группы репрессированных крестьян, потомков аристократии, представителей интеллигенции, священников получили совсем недавно. Эти люди – свидетели эпохи террора. За них сегодня говорят документы – бесстрастные адвокаты, защищающие право на память репрессированных соотечественников и иностранных граждан.

Заключение

Использование биографического метода в социально-политических исследованиях позволяет соединить исторические и социологические подходы к изучению повседневного мира людей. Биографический метод помогает увидеть личное в водовороте исторических событий. Результаты исследований социальной памяти с помощью биографического метода преодолевают разрыв между макро- и микроуровнем восприятия людьми общего прошлого.

Это метод, дополняющий анализ исторических документов. Исторические даты и факты обогащаются глубинной смысловой эмпирикой, показывающей разные пласты переживаний людьми событий прошлого. Он показывает индивидуальные судьбы, встроенные в историю страны. Использование биографического метода дает представление о разнообразии жизненных траекторий. С помощью техник типизации и плотного описания можно понять, как преломляются в биографиях людей государственные

[7] Томэчка Франц Адольфович (1906) // Открытый список. Режим доступа: https://ru.openlist.wiki/Томэчка_Франц_Адольфович_(1906)#/media/File:24.11.1956_-_Мышаков.JPG (дата обращения: 02.08.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

решения, как находят свое отражение разнообразные социокультурные связи, взаимоотношения и конфликты. С помощью биографического метода оказывается возможным воссоздать не субъективные смыслы свидетелей истории XX в.

Биографии репрессированных иностранцев (Ф. Томэчка, А. Рипара, Д. Шагарова) проиллюстрировали эпоху Большого террора, дополняя сухие строки государственных документов эмоциями и переживаниями, а также личными оценками судьбоносных исторических фактов очевидцами.

Литература

1. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ / отв. ред. Л. Л. Шпак. 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2015. 368 с.
2. Логунова Л. Ю. Стратегии и техники гибридных исследовательских комплексов // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VII Междунар. науч.-практ. конф. (Белово, 28–29 марта 2014 г.) Белово-Велико Тырново, 2014. Ч. 4. С. 133–137.
3. Logunova L. Yu., Mazhenina E. A., Nyatina N. V. Methods of collecting and analyzing of civil initiatives to improve the life-support system // Advances in social science, education and humanities research: Proc. Intern. Conf. Communicative Strategies of Information Society (Санкт-Петербург, 26–27 октября 2018 г.) Atlantis Press, 2019. T. 289. C. 45–49. DOI: 10.2991/csis-18.2019.9
4. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 557 с.
5. Рождественская Е. Ю., Семенова В. В. Качественная методология как ресурс социального прогнозирования: возможности и ограничения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 1–11. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.01
6. Логунова Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1-2. С. 227–253. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253
7. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменолог. социологии / пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М.: Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 334 с.
8. Бергер П. Л., Бергер Б. Социология: биографический подход // Личностно-ориентированная социология / пер. В. Ф. Анурина. М.: Академический проект, 2004. С. 25–398.
9. Бергер П. Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социол. знания. М.: Моск. филос. фонд и др., 1995. 322 с.
10. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. Е. М. Лысенко. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1986. 254 с.
11. Бурдье П. Оппозиция современной социологии // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 36–50.
12. Семенова В. В., Полухина Е. В., Рождественская Е. Ю., Стрельникова А. В. Социобиографический подход к изучению социальной мобильности: научный замысел и его реализация // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 143–164. DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4590
13. Рождественская Е. Ю. Вопрос об истинности нарратива контрпродуктивен // Историческая экспертиза. 2018. № 2. С. 53–56.
14. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманит. лит., 2004. 725 с.
15. Рождественская Е. Ю. Женская память о войне: биографические траектории остарбайтерок // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: мат-лы XII Междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Калининград, 10–13 октября 2019 г.) Калининград, 2019. С. 377–381.
16. Бурдье П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдье / отв. ред. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2001. С. 49–95.
17. Оберемко О. А., Ядов В. А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. А. Ядова. М.: Флинта; Московский психолого-социальный институт, 2005. С. 10–44.
18. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.
19. Denzin N. K. The research act: a theoretical introduction to sociological methods. 3rd ed. Englewood Cliff: Prentice Hall, 1989. 306 p.
20. Знанецкий Ф. В. Мемуары как объект исследования // Социологические исследования. 1989. № 1. С. 106–109.
21. Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования. Статья вторая // Вопросы философии. 1981. № 9. С. 132–145.
22. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 289 с.
23. Interpreting Clifford Geertz: cultural investigation in the social sciences / eds. J. C. Alexander, P. Smith, M. Norton. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 216 p.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

24. Ponterotto J. G.. Brief note on the origins, evolution, and meaning of the qualitative research concept thick description // The Qualitative Report. 2006. Vol. 11. № 3. P. 538–549.
25. Štajner K. 7000 dana u Sibiru. Zagreb: Globus, 1973. 474 s.
26. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / сост. и общ. ред. Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
27. Логунова Л. Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 126–136.
28. Dvořák J., Formánek J., Hradilek A. V Rusku je všechno naopak // Čechoslováci v Gulagu III. Praha: Česká televize, USTR, 2019. S. 46–57.

original article

Biographic Method in Social Policy Assessment

Vladislav A. Rychkov [a, @, ID]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] 89045745215@ya.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-5771-2995

Received 07.08.2020. Accepted 20.10.2020.

Abstract: The article describes a case of applying biographical method to the study of the memory policy. The research featured archival sources, personal documents, and published family memoirs of foreign citizens repressed in the 1930s. The paper demonstrates advantages of using the method as part of interdisciplinary approach in a hybrid methodological complex and describes various techniques of the hybridization procedure. The hybrid methodological approach made it possible to reconstruct a person's life path against the background of the historical situation in the country, to understand the context of their lives, their meanings and goals in specific historical conditions. The comparative analysis of the biographies resulted in a typical biographical situation and a typical life path of a repressed foreigner in Russia. Against the background of the typical fate of repressed foreigners, each individual biography emphasizes both the striking similarity of the scenarios and the unique experience. The biographical method proved efficient in studying the memory policy, embodied in different scenarios. The author believes that Russia needs to develop a policy of memory as it could bring to harmony various narratives and meanings, thus strengthening the civil solidarity.

Keywords: social memory, memory policy, sociocultural approach, qualitative research paradigm, hybrid methodological complex

For citation: Rychkov V. A. Biographic Method in Social Policy Assessment. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 486–495. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

References

1. *Social and political mobilization: a microsociological analysis*, ed. Shpak L. L., 2nd ed. Kemerovo: KemGU, 2015, 368. (In Russ.)
2. Logunova L. Yu. Hybrid research complex strategies and techniques. *Innovations in technology and education*: Proc. VII Internation. Sci.-Prac. Conf., Belovo, March 28–29, 2014. Belovo-Veliko Tarnovo, 2014, pt. 4, 133–137. (In Russ.)
3. Logunova L. Yu., Mazhenina E. A., Nyatina N. V. Methods of collecting and analyzing of civil initiatives to improve the life-support system. *Advances in social science, education and humanities research*: Proc. Intern. Conf. Communicative Strategies of Information Society, St. Petersburg, October 26–27, 2018. Atlantis Press, 2019, vol. 289, 45–49. DOI: 10.2991/csis-18.2019.9
4. Geertz K. *The interpretation of cultures*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 557. (In Russ.)
5. Rozhdestvenskaya E. Y., Semenova V. V. Qualitative methodology as a tool for social forecasting: opportunities and limitations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, (3): 1–11. (In Russ.) DOI: 10.14515monitoring.2017.3.01
6. Logunova L. Yu. Historical and social memory: paradoxes and implications. *Idei i idealy*, 2019, 11(1-2): 227–253. (In Russ.) DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-486-495

7. Schütz A. *The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology*, trs. Alkhasov A. Ia., Mazlumianova N. Ia. Moscow: In-t Fonda "Obshchestv. mnenie", 2003, 334. (In Russ.)
8. Berger P. L., Berger B. Sociology: biographical approach. *Personality-oriented sociology*, tr. Anurina V. F. Moscow: Akademicheskii proekt, 2004, 25–398. (In Russ.)
9. Berger P. L., Luckmann T. The social construction of reality. *A treatise on sociology of knowledge*. Moscow: Mosk. filos. fond i dr., 1995, 322. (In Russ.)
10. Bloch M. *Apologie pour l'histoire ou métier d'historien*, tr. Lysenko E. M., 2nd ed. Moscow: Nauka, 1986, 254. (In Russ.)
11. Bourdieu P. Opposition to modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1996, (5): 36–50. (In Russ.)
12. Semenova V. V., Polukhina E. V., Rozhdestvenskaya E. Yu., Strelnikova A. V. Socio-biographical approach to social mobility: concept and it's realization. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2016, 22(3): 143–164. (In Russ.) DOI: 10.19181/socjour.2016.22.3.4590
13. Rozhdestvenskaya E. Yu. The question of the truth of a narrative is counterproductive. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2018, (2): 53–56. (In Russ.)
14. Ricoeur P. *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Moscow: Izd-vo gumanit. lit., 2004, 725. (In Russ.)
15. Rozhdestvenskaya E. Yu. Women's memory of war: biographical trajectories of women-Ostarbeiters. *Women and men in migration processes of the past and present*: Proc. XII Intern. Sci. Conf. of the Russian Association of Researchers of Women's History and N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Kaliningrad, October 10–13, 2019. Kaliningrad, 2019, 377–381. (In Russ.)
16. Bourdieu P. Clinical sociology of the field of science. *Socio-analysis of Pierre Bourdieu*, ed. Shmatko N. A. Moscow: In-t eksperim. sotsiologii; St. Petersbug: Aleteiia, 2001, 49–95. (In Russ.)
17. Oberemko O. A., Yadov V. A. General theoretical approaches to the analysis of social development and social change. *Social transformations in Russia: theory, practice, comparative analysis*, ed. Yadov V. A. Moscow: Flinta; Moskovskii psikhologo-sotsialnyi institut, 2005, 10–44. (In Russ.)
18. Sztompka P. *Socjologia. Analiza społeczeństwa*, tr. Chervonnaia S. M. Moscow: Logos, 2005, 664. (In Russ.)
19. Denzin N. K. T*he research act: a theoretical introduction to sociological methods*, 3rd ed. Englewood Cliff: Prentice Hall, 1989, 306.
20. Znanetskii F. V. Memoirs as an object of research. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1989, (1): 106–109. (In Russ.)
21. Soloviev E. Yu. Biographical analysis as a type of historical and philosophical research. Article two. *Voprosy filosofii*, 1981, (9): 132–145. (In Russ.)
22. Semenova V. V. *Qualitative methods: an introduction to humanistic sociology.* Moscow: Dobrosvet, 1998, 289. (In Russ.)
23. *Interpreting Clifford Geertz: cultural investigation in the social sciences*, eds. Alexander J. C., Smith P., Norton M. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011, 216.
24. Ponterotto J. G. Brief note on the origins, evolution, and meaning of the qualitative research concept thick description. *The Qualitative Report*, 2006, 11(3): 538–549.
25. Štajner K. *7000 dana u Sibiru*. Zagreb: Globus, 1973, 474. (In Croat.)
26. Schütz A. *Selected: A world glowing with meaning*, comp. and ed. Smirnova N. M. Moscow: ROSSPEN, 2004, 1054. (In Russ.)
27. Logunova L. Yu. The impact of historical trauma on the family and ancestral memory of Siberians. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, (9): 126–136. (In Russ.)
28. Dvořák J., Formánek J., Hradilek A. *Čechoslováci v Gulagu III*. Praha: Česká televize, USTR, 2019, 46–57.

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

оригинальная статья
УДК 316.3/4

Факторы влияния на рациональность управленческих решений в предпринимательской деятельности

Евгений М. Шумкин
[a] Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, г. Новосибирск
[@] 9100020@bk.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-3575-6161

Поступила в редакцию 08.07.2020. Принята к печати 04.09.2020.

Аннотация: Проводится теоретический анализ ключевых факторов, влияющих на процесс принятия управленческих решений в предпринимательской деятельности. Цель – раскрытие паллиативного смысла воздействия отдельных внешних условий на предпринимательство. Модель общественных отношений хозяйствующих субъектов в исследуемой сфере обусловлена стремлением к тому, что удовлетворяет их потребности. Нормативность этих отношений определена внешним по отношению к ним регулятором, презюмирующим их рациональность и добросовестность. Представленные государством правила игры предусматривают равновесные социальные и юридические возможности для субъектов предпринимательской деятельности на входе в рынок. Управленческая деятельность как базовая составляющая предпринимательства подвержена влиянию коллаборации множества внешних и внутренних факторов. Под их воздействием абстрактная модель предпринимательской деятельности сталкивается с условиями, определяющими эволюционный путь развития коммерческой организации. Учет перманентно проявляющихся факторов формирует «узор» управленческих решений, обеспечивающих рост компании и прибыль либо убытки и финансово-юридическую несостоятельность. Качество управленческих решений детерминировано управлением рисками, ресурсами и состоянием неопределенности. Рассуждения о рациональности принятия управленческих решений приводят к выводу о взаимосвязи целей коммерческой организации с условиями определенности и неопределенности, социальной полезности и общего экономического блага. При таких обстоятельствах идеальный конкурирующий рынок (эффективность по Парето) представляется маловероятным из-за того, что внешние и внутренние факторы воздействия на сферу предпринимательства меняют общественные отношения, формирующие их, возрастают экономические, социальные и правовые риски, что не приводит к росту благосостояния общества, а отдельные хозяйствующие субъекты несут финансовые и имиджевые потери.

Ключевые слова: государство, правовая культура, асимметричность информации, правовая культура, баланс интересов

Для цитирования: Шумкин Е. М. Факторы влияния на рациональность управленческих решений в предпринимательской деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С.496–504. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

Введение

Целью работы является раскрытие проблемного содержания некоторых внешних факторов, воздействующих на предпринимательство, вкупе с имманентными факторами. Качество управленческих решений является важнейшей детерминантой, обусловливающей успешность предпринимательской деятельности. Именно управленческие решения отражают философию компании, т. е. умение ставить вопрос об общественной значимости бизнеса, отвечая на него экономическими результатами, и репутационный портрет на социальном фоне. Поиск наилучшего варианта (оптимально-рационального, удовлетворительного, по Г. Саймону) управленческого решения сопряжен со сложностью учета всех трансформаций, происходящих во внутренней или внешней среде предпринимательства, экспоненциальным возрастанием риска и оценкой прогнозов развития экономики, носящих, безусловно, вероятностный характер. В связи с этим процесс принятия решений требует оптимизации всего хода разработки и последующей их реализации с помощью гибкого метода к установке своих бизнес-целей, их верификации позитивному праву, релевантной оценки эффективности экономики компании по отношению к рыночной экономике государства.

Методы и материалы. Исследование факторов влияния на рациональность управленческих решений проводилось на основе формализации и классификации теоретических данных исследований российских и зарубежных авторов в области социологии, экономики и права. Метод исследования является комплексно-исследовательским, основанным на теории и её качественном анализе.

Теоретические основы

Система научного знания о факторах влияния на предпринимательство (рассматриваемого синонимично предпринимательской деятельности) включает в себя совокупность различных подходов к их определению.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

Системный подход. По определению И. А. Колесниковой, приматом экономического развития является предпринимательство в силу своей адаптивности к постоянно меняющимся состояниям рынка (в самом широком содержательном значении). В основе позиции автора лежат критерии экстенсивности и интенсивности, где в первом случае рост рыночной экономики происходит за счет привлечения необходимых ресурсов извне, а во втором – за счет снижения материальных и трансакционных издержек, т. е. собственных нематериальных ресурсов [1].

Через призму общественных отношений с другими субъектами предпринимательской деятельности на основе общих социальных и легитимных правил поведения в системе экономики рассматривал предпринимательство И. С. Гапархоев [2]. И. В. Игнатова косвенно разделяет точку зрения И. А. Колесниковой и И. С. Гапархоева, выделяя поддержку экономики государства путем уплаты налогов в различные бюджеты превалирующей целью предпринимательства [3]. Об институционализации предпринимательства, оказывающего влияние на изменение конструкции общественных отношений, писали М. Блауг [4], А. Маршалл [5] и другие авторы.

Таким образом, системный подход дает возможность познать экономическую действительность в дуальном отражении социальной и юридической реальности, показывающей предпринимательскую деятельность как номинальную единицу рыночной экономики со своими свойствами и особенностями.

Структурно-функциональный подход. Принимая взгляды А. Маршалла, Дж. Б. Кларк видел в предпринимательской деятельности довлеющий фактор развития инновационного и конкурентного производства, неотделимого от рыночной экономики и претендующего на часть ее прибыли [6; 7].

Стоит выделить точки зрения М. Вебера и В. Зомбарта, тождественно подчеркивающих особый религиозный дух предпринимательства. М. Вебер считал протестантизм основой предпринимательского духа (буквально кельвинизм), а В. Зомбарт видел в этой роли католичество. Духовные скрепы, по мнению авторов, определяют рациональный результат организованного и свободного труда, путем объединения единомышленников на основе нравственных и личностных ценностей [8]. Имплицитно изучали предпринимательство с позиции структурно-функционального подхода Г. Шмоллер, Г. Мангольдт, В. Е. Савченко и др. [9–11].

Предпринимательство, являясь одной из сфер жизнедеятельности человека, представляет собой социальную величину, связывающую всевозможные виды экономической и познавательной деятельности, предопределяя устойчивость всей системы и делающей ее эффективной.

Деятельностный подход. Д. К. Гэлбрэйт выразил активную суть предпринимательской деятельности, рассуждая о ней как о явлении, подверженном постоянной трансформации (либо полному прекращению). Автор указывал на упрочнение рыночных позиций благодаря направленному действию предпринимательства, где ключевым моментом является управленческая деятельность. Являясь свободной экономической деятельностью, предпринимательство обеспечивает прирост общественного богатства путем новаторского и инновационного рискового саморегулирования деятельности человека [12–14].

Деятельностный подход презюмирует реальный способ выражения активной деятельности субъекта предпринимательской деятельности в объективной реальности. Современная действительность, обусловленная глобальными изменениями геополитических и геоэкономических процессов, опосредованных несостоятельностью отдельных транснациональных сделок (ОПЕК+), общей эпидемиологической обстановкой (COVID-19), явившихся дополнительными внешними факторами, воздействующими на сферу предпринимательства, которая оказалась в условиях необходимости принятия управленческих решений в условиях неопределенности (Э. Дюркгейм, Л. фон Мизес) [4].

Отдельные подходы раскрывают тонкие нюансы предпринимательской деятельности, не затрагивающие всю сферу общественных отношений в сфере, где процесс принятия управленческих решений является ключевым элементом легального развития предпринимательской деятельности. Важна оценка роли государства как внешнего регулятора правоотношений в этой области, задающего нормативные правила поведения в ней для нивелирования правоотношений ответственности с государством, а также деструктивная оценка общества, имеющего «ментальный блок» неприятия предпринимателей. Так, П. Г. Щедровицкий считал, что перед лицом государства предпринимательство лишено заслуженной ценности, т. к. в обществе преобладает общее негативное восприятие такого вида деятельности, в силу чего не признал его двигателем экономики[1], хотя еще П. Бурдье рассматривал предпринимательство как систему устойчивых социальных практик, направленную на автономное развитие по собственным правилам и регулируемую властью государства через социально-правовые нормы [15].

Поиск и соблюдение баланса интересов[2] общества, государства и предпринимательской среды возможно в условиях адекватной социально-экономической политики и невозможно в условиях асимметрии информации в социальном,

[1] П. Г. Щедровицкий. Не проектируйте будущее за других // Гуманитарный портал. 17.08.2006. Режим доступа: https://gtmarket.ru/library/articles/5770 (дата обращения: 02.05.2020).

[2] Баланс интересов представляет собой способность к внутреннему саморегулированию и подразумевает свободную экономическую деятельность. По Аристотелю, это «наилучший государственный строй».

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

экономическом и правовом аспектах, где «некомпетентный законодатель постоянно увеличивает человеческие страдания, пытаясь их уменьшить» [16; 17, с. 131].

Результаты

В данной области научного знания представлено достаточное количество исследований, посвященных процессу принятия управленческих решений как явлению и как инструменту управленческой деятельности. Выделим отдельные ключевые положения, отражающие последовательность и важность данного процесса.

1. *Стратегия*. Рассматривая предпринимательскую деятельность как безусловную компоненту развития финансово-хозяйственной деятельности государства, стоит обратить внимание на процесс принятия управленческих решений в сфере предпринимательства как на экономически обоснованный план общего развития коммерческих организаций [18]. Общность такого плана подразумевает его детализацию на различных этапах, постепенное исполнение которых приводит к его реализации. Целеполагание стратегии призвано обеспечить эффективность материальной стороны и учет множества факторов, влияющих на нее при одновременном снижении трансакционных издержек [19].

Сам процесс принятия управленческих решений обусловлен объективными внешними факторами, такими как изменчивость социально-экономических и политических условий, поведение рынка в прогнозируемом (на время действия плана) будущем в зависимости от особенностей вида той или иной предпринимательской деятельности (например, мораторий на возбуждение дела о банкротстве юридических лиц со стороны кредиторов распространяется только на установленный законодателем перечень, необходимый в первую очередь для корректировки экономического плана, связанного с исполнением обязательств на рынке даже при наличии императивных признаков банкротства[3]). Внутренние факторы могут быть самостоятельными довлеющими детерминантами процесса принятия управленческих решений, а могут оказаться под приматом воздействия внешних факторов [20; 21]. К таковым можно отнести личностные характеристики лица, входящего в структуру органов управления (П. Г. Щедровицкий называет их профессиональными компетенциями[4]), его стиль управления, уровень правовой культуры, степень восприятия внешних факторов, оценку ценности предлагаемой для анализа информации.

2. ***Качество управленческих решений.*** Адекватность исполнения этапов в рамках экономически обоснованного плана, *timeline* (временная линия, финансово и юридически дисциплинирующая юридическое лицо и лиц, его контролирующих в отношении объективных (договорных) обязательств), их релевантность намеченным целям и нормативным правилам поведения, предусмотренным законодателем, определяют качество управленческих решений [22].

Основной компонентой, определяющей надлежащее качество управленческих решений в крупных коммерческих организациях, является *compliance*, на практике рассматриваемая как служба, задачей которой является анализ принимаемых управленческих решений на основе имеющейся информации в организации (внутренний аудит) – завершающий этап процесса их принятия. Анализ проводится на предмет соответствия императивным правилам поведения (нормам права, носящим объективный характер), правоприменительной практике (во избежание конфликта норм права, лежащих в основе принятого решения и практике их применения), социальным нормам (устойчивым социальным практикам в регионе присутствия компании для нивелирования возможных деструктивных социальных волнений в организации (например, массового увольнения) и за ее пределами[5]).

Такой подход к генеральному анализу информации, необходимой для принятия наиболее рационального решения, продиктован необходимостью соблюдения баланса интересов предпринимателя, общества и государства во избежание негативных последствий в виде делинквентности. Он получил широкое распространение в западных странах в 2000-х гг., путем предоставления малому бизнесу общей и единой информационной точки для доступа к национальным и международным законам. Преследуемая цель – максимизация социальной ответственности бизнеса[6]. Российский законодатель на текущий момент оставил без внимания вопросы социальной ответственности бизнеса, и compliance-служба является самостоятельной привилегией, как правило, кредитных организаций (Промсвязьбанк).

3. ***Рациональность***. Момент принятия управленческого решения как временная точка отсчета является началом наступления последствий: желаемых и предсказуемых или нежелаемых и имеющих вероятностный характер. Предполагается, что этому моменту уже предшествовал процесс анализа всей имеющейся информации, где ей была дана соответствующая оценка, исходя

[3] О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 428 // СПС КонсультантПлюс; О несостоятельности (банкротстве). ФЗ от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

[4] П. Г. Щедровицкий. Не проектируйте будущее за других…

[5] Нагаев К. Путин поручил учесть мнение населения при строительстве свалки в Шиесе // РБК. 23.07.2019. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/23/07/2019/5d36cee59a7947f6cac8272a (дата обращения: 02.06.2020).

[6] Compliance: guidelines for compliant corporate behavior // IONOS. 19.07.2019. Режим доступа: https://www.ionos.com/startupguide/grow-your-business/compliance/ (дата обращения: 02.05.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

из воздействия внутренних и внешних факторов. Решение принимается тождественно сделанному оптимальному выбору. Существуют позиции, отражающие оптимальность решения как наилучший его вариант (А. Б. Петровский), дуальное отражение директивности (А. Н. Асаул), естественный результат анализа информации (Л. И. Лукичева). Чаще всего ее определяют как экономически обоснованную альтернативу из множества вариантов (Р. А. Фатхутдинов, Ю. Н. Лапыгин, В. Н. Лазарев), реже – как естественный результат исполнения служебных обязанностей (Н. В. Злобина).

Этимология слова *optimus* (наилучший) в контексте принятия управленческих решений в сфере предпринимательства семантически эволюционировала в термин *рациональность*.

Правовая система России предусматривает идеальную модель поведения в качестве разрешенного способа извлечения дохода для предпринимательской деятельности за счет принятия правил поведения (императивных и диспозитивных). Императивный подход предусматривает основные правила игры, которые предприниматель как адресат менять не может и предполагает рациональность как наивысшую степень социальной, финансовой и юридической ответственности, которая наступит в случае нарушения субъектом предпринимательской деятельности правил поведения. Диспозитивный подход предполагает возможность отклонения от правил, если такое отклонение остается в общих рамках императивности. Идея второго подхода основывается на возможности формирования периферийных общественных (дозволительных) отношений в сфере предпринимательства, прямо не предусмотренных законодателем для ее развития и устойчивости.

Преимущества обоих подходов заключаются в предустановленных вариантах рациональности, провоцирующих субъектов управления принимать качественные управленческие решения, основанные на объективности правовых норм и добросовестности предпринимателей[7]. Порочность подходов обусловлена субъективным восприятием правовых норм и множеством вариантов их дискреционного исполнения (из-за низкого уровня правовой культуры, асимметричности информации, правового и социального нигилизма и т. д.) [22]. Весьма точно выразился по этому поводу М. Вебер, определяя порядок управления как соотношение действий юридического лица с ограничениями, регулируемыми государством, и называя все остальные социальные действия, основанные на потенциале собственных возможностей юридического лица, процессом управления [23].

Таким образом, рациональность процесса принятия управленческих решений заключается в наличии объективного и высокого стандарта принятия решения, основанного на позитивном праве, его соответствии социальным нормам (публично – правовым интересам) и соотносится с результатами управленческой и предпринимательской деятельности.

4. *Рискогенность*. Принцип вероятности наступления нежелательных последствий в ходе реализации предпринимательской деятельности, т. е. риск [13], заложен в России нормативно («осуществляемая на свой риск деятельность»[8]). Фактор риска рассматривается непреложной детерминантой предпринимательства как с доктринальной позиции [24], так и с практической точки зрения [25; 26]. В качестве собирательного определения риска в рамках данной работы примем его как возможность управления вероятностью наступления негативных последствий. Из определений фактора риска в предпринимательстве следует выделить несколько направлений.

4а. *Диверсификация риска*. В общем смысле диверсификация (лат. *diversus* – разный, *facere* – делать) призвана обеспечить такое распределение собственных или привлеченных ресурсов, которое простимулирует эффективность предпринимательской деятельности коммерческой организации и приведет к минимизации возможности наступления негативного последствия в виде неполучения ожидаемого дохода в будущем на основе принятых управленческих решений. Такие решения строятся на анализе рынка присутствия, своего места на этом рынке, информации о текущих и прогнозируемых финансовых показателях своей компании и т. д. В таком случае прибыль планируется за счет понижения собственных экономических и юридических рисков [27–30].

Особенно следует выделить позицию И. Г. Тюнена, полагающего, что у субъекта предпринимательской деятельности наличествуют обоснованные претензии на непредсказуемый доход в силу своего умения принимать рискованные решения [13]. Антиподом данной позиции является мнение А. И. Агеева, считающего рисковые и управленческие компоненты предпринимательства несущественными [24]. Диверсификация риска в предпринимательской деятельности обеспечивается равным и свободным доступом к информационному рынку, что коррелирует с принципами социальной справедливости и рациональности принимаемых решений и отвечает интересам институционального регулирования.

4б. *Ресурсность*. В основу любой предпринимательской деятельности положен принцип эксплуатации капитала: материального (Ф. Уокер, А. Смит), эмоционального (К. Веспер), личностного (П. Друкер, А. Маршалл) и т. д. [5; 33–35]. Вовлеченные в операционную деятельность коммерческой организации ресурсы становятся факторами, определяющими ее управленческие решения. Специфику современной модели предпринимательской

[7] ГК РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. 1. Ст. 10 // СПС КонсультантПлюс.

[8] ГК РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ч. 1. Ст. 2 // СПС КонсультантПлюс.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

деятельности обусловливают не только производственные, коммуникационные, социальные технологии, но и управленческие – с помощью объединения имеющихся ресурсов и задания нужного ей вектора развития.

Эффективным итогом такого развития является прибыль как фактор успешности, распределяемый во времени и отражающий монетизацию эксплуатацию ресурсов (в первую очередь управленческих способностей предпринимателя). Й. Шумпетер прямо увязывал хозяйственную деятельность как модель предпринимательства с личностными особенностями предпринимателя: мотивацией, интеллектом и др. [35]. Близка позиция Л. фон Мизеса, не сопоставляющего успех предпринимательской деятельности только с материальным капиталом [36], и И. Кирцнера, нивелирующего ценность каких-либо ресурсов вовсе, кроме способности видеть возможность прибыли [37]. Отдельно следует выделить информационный ресурс, рациональная оценка (анализ) которого с управленческих позиций позволяет обеспечить ожидаемый уровень прибыли для субъекта предпринимательской деятельности, а также снизить риск и неопределенность [38].

4в. *Неопределенность*. Состояние неопределенности как прочный термин используется в научном обороте последние 50 лет и в целом ассоциируется как факультативный фактор риска. Собирательное толкование понятия – «некие внутренние и внешние факторы, анализ которых невозможен» имеет свои отличительные особенности и является, бесспорно, диспутивным. На прямую связь с риском указывал И. Г. Тюнен, полагающий, что риск в условиях определенности является управляемым (прогнозируемым), а в условиях неопределенности – нет [13]. Ф. Найт связывал прибыль предпринимателя с уменьшением влияния на него состояния неопределенности, т. е. прогнозируемый доход, по его мнению, тождественен состоянию определенности, а желаемая прибыль – неопределенности.

Таким образом, если трансакционные издержки, обусловленные состоянием определенности в управленческой деятельности, достаточно легко гасятся SWOT-анализом, стратегически выявляющим все легальные внутренние и внешние факторы воздействия на бизнес, то трансакционные издержки, детерминированные неопределенностью, могут оказаться чрезвычайно высокими и не «уместиться» в SWOT в силу дефицита или противоречивости (непроверяемости) информации.

Природа управленческих решений напрямую связана с асимметричностью (нарушением баланса) информации, и ее недостаточность в предпринимательстве является нормой. Л. фон Мизес полагал, что предпринимательство реализуется только в условиях неопределенности, при этом презюмируя доскональное и превентивное исследование рынка субъектом предпринимательской деятельности [36]. Важно выделить позицию Ф. Хайека, видевшего в состоянии неопределенности уравновешивающий внешний фактор рынка [39].

Само состояние неопределенности чревато для субъекта предпринимательской деятельности, в чью компетенцию входит принятие управленческих решений, и зависит от личностных особенностей (некомпетентность, готовность к изменениям, психологический барьер риска и т. д.), особенностей вида предпринимательской деятельности (например, наиболее пострадавших от пандемии 2019–2020 гг.). Национальная правовая система России заложила в законодательную (ст. 401 ГК РФ) и судебную практику возможность воздействия такого фактора, как неопределенность, под видом форс-мажорного обстоятельства[9]. Такая юридическая имплементация дает предпринимателю возможность объективно принять факт достаточности необходимой информации и стимулирует тех, кто намерен действовать, принимая управленческие решения в новом для себя состоянии. Состояние неопределенности отвечает критерию управляемости риском, а не его избегания [39] и может должным образом субъективно оцениваться (Ф. Найт) в ходе принятия управленческих решений [40].

Объективная действительность, рассматривающая информацию в качестве ресурса в сфере предпринимательства такова, что ее эксплуатация является опорно-конкурентным преимуществом коммерческой организации в силу доступности для одних и негативной экстерналии для других, по причине ограниченности доступа к ней (Ф. Хайек).

Принятие управленческих решений, таким образом, представляет собой перманентный процесс узнавания информации, лежащей в основе всего хода управленческой деятельности, кодирующей всю предпринимательскую (финансово-хозяйственную) деятельность коммерческой организации. Высокое качество принимаемых решений (актуальность и своевременность информации, ее достаточность и проверяемость, когнитивная способность субъекта к анализу на предмет непротиворечивости и т. д.) обеспечивает девальвирование внешних и внутренних факторов влияния на предпринимателя до такой степени, что дает возможность получать ожидаемый доход при минимальных материальных и трансакционных издержках.

Заключение

При соответствии описанной нами модели так может выглядеть идеалистично-рациональный процесс принятия управленческих решений. На практике есть место неудовлетворенным фрустрационным (взаимным) ожиданиям, выраженным в несовпадении идеально-

[9] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1. Утв. Президиумом ВС РФ 21.04.2020 // СПС КонсультантПлюс.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

го желания субъектов предпринимательской деятельности достичь желаемого материального благополучия с желаниями потребителей, рынка, общества и государства. Последнее, будучи внешним регулятором общественных отношений, нормирует объективные и достаточные правила поведения, призванные мотивировать предпринимателей принимать рациональные управленческие решения [41]. Где рациональность означает такое следование этим правилам, что приводит не только к материальным, но и социальным дивидендам [42].

Предполагается, что чем выше риск, тем иррациональнее выглядит управленческое решение и тем меньше выгод получают общество и государство, как, безусловно, рациональные участники общественных отношений в сфере предпринимательства. С одной стороны, повышая уровень правовой культуры через стимулирование предпринимателей придерживаться формальных правил игры на рынке, указанные социальные институты стремятся к понижению влияния внешних и внутренних факторов, тем самым выравнивания баланс преследуемых всеми интересов. С другой стороны, законодатель не поощряет управленческие просчеты коммерческих организаций (в отличие от физических лиц), находя иррациональный подход к сбору и анализу информации неубедительным при нарушении взятых на себя обязательств и привлекая их к ответственности – механизму «коррективной, восстановительной справедливости» [19, с. 22].

Особенностью предпринимательской деятельности является собственный и перманентный аудит (В. С. Автономов) внутренних (собственное ресурсное состояние, поиск и удержание баланса спроса и предложения) и внешних (валютная волатильность, расходные обязательства государства в связи с COVID-19, ставшего «черным лебедем» для предпринимательства) факторов, необходимый для рационального процесса принятия управленческих решений. Роль данных факторов факультативно проявляется в различных аспектах: организационном, технологическом, информационном, интерриорном, правовом – без учета которых рациональное действие субъектов предпринимательской деятельности представляется маловероятным [43]. Таким образом, скептицизм автора направлен на выражение идеи развития «незарегулированных» отношений в сфере экономики и предпринимательства, основанной на уменьшении факторов влияния, которые мешают субъектам предпринимательской деятельности эффективно реализовывать свой потенциал.

Литература

1. Колесникова И. А. Влияние фактора предпринимательства на экономический рост в рамках региональной экономики // Успехи современного естествознания. 2004. № 3. С. 113–114.
2. Гапархоев И. С. Феномен предпринимательства в экономической литературе // Дискуссия. 2012. № 1. С. 66–69.
3. Игнатова И. В. Предпринимательство и бизнес: терминологическая дифференциация // Интернет-журнал Науковедение. 2014. № 6. DOI: 10.15862/63EVN614
4. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Акад. нар. хоз-ва; Дело, 1994. 687 с.
5. Маршалл А. Принципы политической экономии. М.: Директ-Медиа, 2012. 2127 с.
6. Пономарев О. Б., Светуньков С. Г. К вопросу о базовых дефинициях теории предпринимательства // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 1. С. 33–42.
7. Кларк Дж. Б. Распределение богатства / пер. Д. Страшунского, А. Бесчинского. М.-Л.: Соцэкгиз. Ленингр. отд-ние, 1934. 298 с.
8. Бараненко С. П., Дудин М. Н., Лясников Н. В. Основы предпринимательства. М.: Центрполиграф, 2010. 190 с.
9. Савченко В. Е. Феномен предпринимательства (экспериментальный спецкурс) // Российский экономический журнал. 1995. № 9-10. С. 45–50.
10. Шишин С. В. Предпринимательство в условиях глобализации: основные черты и противоречия. М.: Экономика, 2010. 322 с.
11. Blaug M. Great economists since Keynes: an introduction to the lives and works of one hundred modern economists. Cheltenham: Edward Elgar, 1998. 312 p.
12. Гэлбрейт Д. К. Экономические теории и цели общества / под общ. ред. Н. Н. Иноземцева, А. Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1979. 406 с.
13. Тюнен И. Г. Изолированное государство / пер. Е. А. Торнеуса; под ред. А. А. Рыбникова. М.: Экон. жизнь, 1926. 326 с.
14. Тюрго А.-Р.-Ж. Размышления о создании и распределении богатств: Ценности и деньги / пер. А. Н. Миклашевского. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1905. 80 с.
15. Бурдье П. Практический смысл / отв. ред. и пер. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии, 2001. 562 с.
16. Спенсер Г. Личность и государство / пер. М. Н. Тимофеевой; под ред. В. В. Битнера. СПб.: Вестн. знания, 1908. 84 с.
17. Спенсер Г. Грехи законодателей // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 126–136.
18. Надежин Н. Н. Концептуальные подходы к пониманию предпринимательства и предпринимательской деятельности // Общество и право. 2008. № 1. С. 80–86.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

19. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. 527 с.
20. Пантелеев В. И., Поддубных Л. Ф. Многоцелевая оптимизация и автоматизированное проектирование управления качеством электроснабжения в электроэнергетических системах. М.: ИНФРА-М; Красноярск: СФУ, 2018. 192 с.
21. Московцев В. В., Московцева Л. В., Гаврилюк С. И. Основы исследования управления организации / под общ. ред. В. В. Московцева. Липецк: ЛЭГИ, 2004. 146 с.
22. Квагинидзе В. С., Мансуров А. А., Черкасов А. В. Факторы и принципы, определяющие качество управленческих решений на предприятии // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2011. № S3. С. 109–112.
23. Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1: Социология / под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 444 с.
24. Агеев А. И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. М.: Наука, 1991. 112 с.
25. Гуриев С. М., Качинс Э. К., Ослунд А. Россия после кризиса / пер. О. Литвинова, М. Оверченко; под ред. С. Г. Петрова. М.: Юнайтед Пресс, 2011. 394 с.
26. Талеб Н. Н. Одураченные случайностью: о скрытой роли шанса в бизнесе и в жизни / пер. с англ. С. Филина. 4-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 309 с.
27. Хоскинг А. Курс предпринимательства / под общ. ред. В. Рыбалкина. М.: Междунар. отношения, 1993. 349 с.
28. Nair A., Trendowski J., Judge W. The theory of the growth of the firm, by edith T. Penrose. Oxford: Blackwell, 1959 // Academy of Management Review. 2008. Vol. 33. No. 4. P. 1026–1028. DOI: 10.5465/amr.2008.34425026
29. Колодняя Г. В. Сладкий бизнес. В чем состоит феномен российского предпринимательства? // Российское предпринимательство. 2008. № 4-2. С. 142–145.
30. Панарин А. С. Парадоксы предпринимательства, парадоксы истории // Вопросы экономики. 1995. № 7. С. 62–73.
31. Уокер Ф. Предпринимательство как форма бизнеса. М.: Русское дело, 1916.
32. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. В. С. Афанасьева. М.: Эксмо, 2009. 956 с.
33. Vesper K. H. Entrepreneurial academics – how can we tell when the field is getting somewhere? // Journal of Business Venturing. 1998. Vol. 3. Iss. 1. P. 1–10.
34. Друкер П. Ф. Менеджмент. Вызовы XXI века / пер. с англ. Н. Макаровой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 235 с.
35. Шумпетер Й. Теория экономического развития / под общ. ред. А. Г. Милейковского. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
36. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность. Трактат по экон. теории. М.: Экономика, 2000. 875 с.
37. Никитина К. К. Асимметрия информации на инвестиционном рынке: содержание и формы проявления // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 1. С. 61–65.
38. Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5. С. 98–107.
39. Жуков В. А. Особенности принятия управленческих решений компаниями в условиях риска // Вестник университета. 2016. № 12. С. 177–181.
40. Коротких С. Н. Онтология и стратегия образования: к вопросу о базовых ценностях // Вестник НовГУ. 2015. № 1. С. 161–165.
41. Зборовский Г. Е. Институционализация отечественной социологии и ее роль в становлении гражданского общества в России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 113–119.
42. Мирошниченко М. А., Бондаренко А. А., Волобуев Б. И. Организационные и социально-психологические аспекты разработки управленческих решений // Вестник Академии знаний. 2019. № 3. С. 174–180.
43. Бялт В. С., Демидов А. В. Правовая культура общества: теоретико-правовая характеристика // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 1. С. 19–25.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

original article

Impact Factors Affecting the Rationality of Managerial Decisions in Business

Evgeny M. Shumkin
[a] Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk
[@] 9100020@bk.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-3575-6161

Received 08.07.2020. Accepted 04.09.2020.

Abstract: This paper provides a theoretical analysis of the key factors that affect the process of making managerial decisions in business. The research objective was to reveal the palliative meaning of the impact of certain external conditions on entrepreneurship. The model of social relations of business entities is determined by their desire to meet their needs. The normativity of these relations depends on an external regulator that presumes their rationality and integrity. The state dictates "the rules of the game" and guarantees balanced social and legal opportunities for business entities. As a basic component of entrepreneurship, managerial activity depends on the collaboration of many external and internal factors. Under their impact, the abstract model of business activity faces conditions that determine the evolutionary path of a commercial organization. Permanently manifested factors form a "pattern" of managerial decisions that ensure either growth and profit or losses and financial and legal insolvency for the company. The quality of management decisions depends on how well the enterprise manages risks, resources, and uncertainty. The goal of a commercial organization is connected with the conditions of certainty and uncertainty, social utility and the overall economic good. Under such circumstances, an ideal competing market (Pareto efficiency) seems unlikely due to the fact that external and internal factors affecting the business sphere change the social relations that form them. As a result, economic, social, and legal risks increase, but the welfare of society does not, and individual economic entities bear financial and image losses.

Keywords: the state, legal culture, information asymmetry, legal culture, balance of interests

For citation: Shumkin E. M. Impact Factors Affecting the Rationality of Managerial Decisions in Business. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 496–504. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

References

1. Kolesnikova I. A. Impact of the business factor on economic growth in the regional economy. *Successes in modern science*, 2004, (3): 113–114. (In Russ.)
2. Gaparhoev I. S. The phenomenon of entrepreneurship in the economic literature. *Diskussiya*, 2012, (1): 66–69. (In Russ.)
3. Ignatova I. V. Entrepreneurship and business: a terminological differentiation. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2014, (6). (In Russ.) DOI: 10.15862/63EVN614
4. Blaug M. *Economic theory in retrospect*. Moscow: Akad. nar. khoz-va; Delo, 1994, 687. (In Russ.)
5. Marshall A. *Principles of economics.* Moscow: Direkt-Media, 2012, 2127. (In Russ.)
6. Ponomarev O. B., Svetunkov S. G. On the question of the basic definitions of the theory of entrepreneurship. *Sovremennaia konkurentsiia*, 2016, 10(1): 33–42. (In Russ.)
7. Clark J. B. *The distribution of wealth*, tr. Strashunskii D., Beschinskii A. Moscow-Leningrad: Sotsekgiz. Leningr. otd-nie, 1934, 298. (In Russ.)
8. Baranenko S. P., Dudin M. N., Liasnikov N. V. *Fundamentals of entrepreneurship.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2010, 190. (In Russ.)
9. Savchenko V. E. The phenomenon of entrepreneurship (experimental special course). *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal,* 1995, (9-10): 45–50. (In Russ.)
10. Shishin S. V. *Entrepreneurship in the context of globalization: main features and contradictions*. Moscow: Ekonomika, 2010, 322. (In Russ.)
11. Blaug M. *Great economists since Keynes: an introduction to the lives and works of one hundred modern economists.* Cheltenham: Edward Elgar, 1998, 312.
12. Galbraith J. K. *Economics and the public purpose*, eds. Inozemtsev N. N., Mileikovskii A. G. Moscow: Progress, 1979, 406. (In Russ.)
13. Thünen J. H. *Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*, tr. Torneus E. A., ed. Rybnikov A. A. Moscow: Ekon. zhizn, 1926, 326. (In Russ.)
14. Turgot A.-R.-J. *Réflexions sur la formation et la distribution des richesses,* tr. Miklashevskii A. N. Yuriev: tip. K. Mattisena, 1905, 80. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-496-504

15. Bourdieu P. *Le Sens pratique*, ed. and tr. Shmatko N. A. St. Petersburg: Aleteiia; Moscow: In-t eksperim. Sotsiologii, 2001, 562. (In Russ.)
16. Spencer H. *The man versus the state*, tr. Timofeeva M. N., ed. Bitner V. V. St. Petersburg: Vestn. znaniia, 1908, 84. (In Russ.)
17. Spenser G. The sins of the legislators. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1992, (2): 129–136. (In Russ.)
18. Nadezhin N. N. Conceptual approaches to understanding entrepreneurship and entrepreneurial activity. *Society and law*, 2008, (1): 80–86. (In Russ.)
19. Karapetov A. G. *Economic analysis of law*. Moscow: Statut, 2016, 527. (In Russ.)
20. Panteleev V. I., Poddubnykh L. F. *Multi-purpose optimization and computer-aided design of power supply quality management in electric power systems*. Moscow: INFRA-M; Krasnoyarsk: SFU, 2018, 192. (In Russ.)
21. Moskovtsev V. V., Moskovtseva L. V., Gavrilyuk S. I. *Fundamentals of organization management research*, ed. Moskovtsev V. V. Lipetsk: LEGI, 2004, 146. (In Russ.)
22. Kvaginidze V. S., Mansurov A. A., Cherkasov A. V. Factors and principles that determine the quality of management decisions at the enterprise. *Gornyi informatsionno-analiticheskii biulleten (nauchno-tekhnicheskii zhurnal)*, 2011, (S3): 109–112. (In Russ.)
23. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie. Bd. 1: Soziologie*, ed. Ionin L. G. Moscow: NIU VShE, 2016, 444. (In Russ.)
24. Ageev A. I. *Entrepreneurship: problems of property and culture.* Moscow: Nauka, 1991, 112. (In Russ.)
25. Guriev S. M., Kuchins A. C., Aslund A. *Russia after the global economic crisis*, trs. Litvinova O., Overchenko M., ed. Petrov S. G. Moscow: Iunaited Press, 2011, 394. (In Russ.)
26. Taleb N. N. *Fooled by randomness*, tr. Filin S., 4th ed. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2017, 309. (In Russ.)
27. Hosking A. *Business studies*, ed. Rybalkin V. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1993, 349. (In Russ.)
28. Nair A., Trendowski J., Judge W. The theory of the growth of the firm, by edith T. Penrose. Oxford: Blackwell, 1959. *Academy of Management Review*, 2008, 33(4): 1026–1028. DOI: 10.5465/amr.2008.34425026
29. Kolodnyaya G. V. What is the phenomenon of Russian entrepreneurship. *Rossiiskoe predprinimatelstvo*, 2008, (4-2): 142–145. (In Russ.)
30. Panarin A. S. The paradoxes of entrepreneurship, the paradoxes of history. *Voprosy ekonomiki*, 1995, (7): 62–73. (In Russ.)
31. Walker F. *Entrepreneurship as a form of business.* Moscow: Russkoe delo, 1916. (In Russ.)
32. Smith A. *Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*, tr. Afanasev V. S. Moscow: Eksmo, 2009, 956. (In Russ.)
33. Vesper K. H. Entrepreneurial academics – how can we tell when the field is getting somewhere? *Journal of Business Venturing*, 1998, 3(1): 1–10.
34. Drucker P. *Management challenges for the 21st century*, tr. Makarova N. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2012, 235. (In Russ.)
35. Schumpeter J. *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*, ed. Mileikovskii A. G. Moscow: Progress, 1982, 455. (In Russ.)
36. Mises L. von. *Human action: a treatise of economics*. Moscow: Ekonomika, 2000, 875. (In Russ.)
37. Nikitina K. K. Asymmetry of information in the investment market: essence and forms of manifestation. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii,* 2011, (1): 61–65. (In Russ.)
38. Errou K. Information and economic behavior. *Voprosy ekonomiki*, 1995, (5): 98–107. (In Russ.)
39. Zhukov V. A. Features making management decisions of the company under risk. *Vestnik Universiteta*, 2016, (12): 177–181. (In Russ.)
40. Korotkikh S. N. Ontology and strategy of education: to the issue of basic values. *Vestnik NovSU*, 2015, (1): 161–165. (In Russ.)
41. Zborovskiy G. E. Institutionalization of Russian sociology and its role in formation of civil society. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (1): 113–119. (In Russ.)
42. Miroshnichenko M. A., Bondarenko A. A., Volobuev B. I. Organizational and socio-psychological aspects of management development making. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2019, (3): 174–180. (In Russ.)
43. Byalt V. S., Demidov A. V. Legal culture of society: theoretical and legal characteristics. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal,* 2018, (1): 19–25. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

оригинальная статья

УДК 692.433

Устойчивое развитие как концепция повышения качества городской среды моногородов*

Ирина С. Антонова [a, @]; Тимур А. Белалов [a]; Анна Б. Жданова [a]

[a] Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, г. Томск

[@] antonova_is@mail.ru

Поступила в редакцию 25.06.2020. Принята к печати 23.11.2020.

Аннотация: Концепция устойчивого развития стала неотъемлемой частью городской и региональной политики во многих городах и странах мира и является актуальной для повышения качества городской среды в моногородах. Цель статьи – выявление статистических различий в разрезе моногородов и прочих населенных пунктов по составляющим и итоговому значению индекса качества городской среды и предложение стратегий для развития городской среды моногородов на основе концепции устойчивого развития. Анализируются данные индекса качества городской среды в разрезе моногородов и прочих населенных пунктов за 2018 и 2019 годы. На основе дисперсионного анализа составляющих индекса качества городской среды с применением параметрических и непараметрических критериев, встроенных в программный продукт *Statistica 10*, выявлены статистически значимые различия по типам городского пространства Озеленение, Общественно-деловая инфраструктура за 2018 и за 2019 годы, а также по совокупному значению индекса за 2019 год. Для повышения качества городской среды и развития территории в целом, предлагается использовать концепцию устойчивого развития, реализация которой может быть осуществлена на основе предложенных авторами стратегий. Это позволит преодолеть имеющиеся проблемы моногородов и избежать ошибок, допущенных при реализации предыдущих приоритетных программ развития. Результаты исследования могут быть полезны специалистам исполнительных органов государственной власти, органам местного самоуправления и рядовым жителям города.

Ключевые слова: устойчивое развитие моногородов, индекс качества городской среды, общественно-деловая инфраструктура, предприятия-флагманы, муниципальное развитие, городское пространство

Для цитирования: Антонова И. С., Белалов Т. А., Жданова А. Б. Устойчивое развитие как концепция повышения качества городской среды моногородов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 505–515. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

Введение

В наследство от плановой экономики Россия получила большое количество моногородов, которых сейчас насчитывается 321[1]. Законодательством, начиная с 2014 г., определены четкие критерии отнесения населенного пункта к категории моногородов. Основной критерий – наличие одной либо группы связанных организаций, осуществляющих деятельность по добыче, производству и обработке полезных ископаемых (кроме нефти и газа), среднесписочная численность занятых на которых за последние 5 лет составляет не менее 20 % жителей населенного пункта с численностью населения свыше 3 тыс. человек.

Однако это порождает сильную зависимость между финансовым положением градообразующего предприятия и развитием всех сфер жизнедеятельности моногорода. На данный момент многие моногорода находятся в сложном социально-экономическом положении или являются городами с рисками ухудшения социально-экономического положения. Такие города составляют около 70 % от общего числа моногородов[2], что также сказывается и на качестве развития городской среды. Для преодоления данной ситуации необходимо сделать развитие города устойчивым на основе баланса между социальным, экономическим и экологическим развитием, в том числе за счет диверсификации экономики, привлечения молодых специалистов, для которых важным фактором выбора города является качество городской среды – места отдыха, общественные пространства и т. д.

Предлагается проанализировать данные индекса качества городской среды, впервые опубликованные в ноябре 2019 г., что позволит выявить закономерности формирования городской среды на значительной выборке населенных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Роль флагманских предприятий в экономическом развитии регионов: Экономико-математический анализ панельных данных на примере России и США», проект № 18-010-01123 а.

[1] В перечень моногородов добавлены 7 новых территорий // Фонд развития моногородов. 19.08.2019. Режим доступа: http://моногорода.рф/news/v_perechen_monogorodov_dobavleny_7_novykh_territoriy/ (дата обращения: 10.05.2020).

[2] О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р // Гарант. Режим доступа: http://base.garant.ru/70707138/ (дата обращения: 09.05.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

пунктов России. На основе предварительного анализа данных индекса качества городской среды в программе *Microsoft Excel* была выдвинута гипотеза, что существуют статистические различия между значениями индекса качества городской среды между моногородами и прочими населенными пунктами по критериям Озеленение, Общественно-деловая инфраструктура и Сумма. Цель – выявление статистических различий в разрезе моногородов и прочих населенных пунктов по составляющим и итоговому значению индекса качества городской среды и предложение стратегий для развития городской среды моногородов на основе концепции устойчивого развития.

Устойчивое развитие

Истоки концепции устойчивого развития о непотребительском отношении к окружающей среде зародились еще в XIX в., когда популярное в то время течение романтизма широко распространило культ природы, противопоставлявшийся саже и смогу индустриального города. В первой половине XX в. появились первые организации, целью которых было сохранение окружающей среды и защита ее от разрушения. В 1935 г. появилось Общество защиты дикой природы (*The Wilderness Society*), а в 1948 г. – Международный союз охраны природы (*International Union for Conservation of Nature*).

В 1961 г. был основан Всемирный фонд дикой природы (*World Wildlife Fund*), с его помощью год спустя состоялась публикация книги Р. Карсон [1], которая обратила внимание широкой общественности на пагубное воздействие пестицидов на певчих птиц и природу в целом. Данный факт вызвал серьезное беспокойство мирового сообщества, т. к. экологический аспект имеет серьезное влияние на жизнь и деятельность человека. Это подкреплялось данными о сильном росте отходов, в том числе токсичных, увеличении средней температуры поверхности планеты, сокращении невозобновляемых источников энергии[3], что привело к формированию активной экологической повестки.

В 1972 г. Организация Объединенных наций (ООН) организовала Всемирную конференцию по проблемам окружающей среды в Стокгольме и создала специальную программу ООН по защите окружающей среды[4]. Это не осталось незамеченным и привлекло к экологической проблеме внимание исследователей, которые начали изучать связь между состоянием окружающей среды и экономическим развитием. На основе этих исследований родилась первая концепция устойчивого развития, суть которой заключалась в поиске баланса между развитием экономических и экологических систем.

В 1983 г. ООН была создана независимая Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию, которую неофициально называют комиссией Брундтланд (*Brundtland Commission*), по имени ее председателя. Результатом работы комиссии стал доклад «Наше общее будущее»[5], опубликованный в 1987 г. В нем впервые вводилось определение понятия *устойчивое развитие* – это такое развитие, которое отвечает потребностям нынешнего поколения, не лишая будущие поколения возможности удовлетворить свои потребности. В нем подчеркивается, что окружающая среда и развитие – это две неразделимые сущности, которые могут и должны быть рассмотрены в комплексе. Для этого предлагалось рассматривать окружающую среду не только как набор физических природных параметров, но и включить в нее социальные и экономические факторы, сохраняя принцип равенства поколений.

В 1990-е гг. многие страны и города приняли концепции перехода к устойчивому развитию, в 1996 г. это сделала и Россия[6]. Параллельно появились международные стандарты, связанные с устойчивым развитием, например, международный стандарт экологического менеджмента ISO 14001:2004[7].

В это время за рубежом, преимущественно в США, устойчивое развитие постепенно становилось одним из основных концептов в планировании городов. Устойчивое развитие в данном случае было основано на четырех основных характеристиках: репродуктивность (способность системы воспроизводить свои ресурсы в течение длительного времени); баланс между экономическим, экологическим и социальным развитием (принцип 3E: *Environmental, Economy, Equity*); общность интересов на локальном и глобальном уровне (будущие планы развития локальных сообществ и городов должны учитывать не только их собственные интересы, но и региональные, а также интересы глобальной системы); динамичность (соответствие программ устойчивого развития технологическому прогрессу, изменениям в экономике и т. д.).

Эти характеристики основываются на шести основных принципах устойчивого развития:

1) гармония с природой (сохранение экосистем, биоразнообразия, борьба с загрязнением водных ресурсов);

[3] GISS Surface Temperature Analysis (v4) // NASA Goddard Institute for Space Studies. Режим доступа: https://data.giss.nasa.gov/gistemp/graphs_v4/ (дата обращения: 13.06.2020).

[4] Программа ООН по окружающей среде // ООН. Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/unep/ (дата обращения: 13.06.2020).

[5] Report of the world commission on environment and development: our common future // UN Documents. Режим доступа: http://www.un-documents.net/wced-ocf.htm (дата обращения: 15.06.2020).

[6] О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040449 (дата обращения: 15.06.2020).

[7] Международный стандарт ISO 14001 // Живое партнерство. Режим доступа: http://partnership.by/wp-content/uploads/2016/05/ISO_14001.pdf (дата обращения: 15.06.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

2) пригодные для жизни условия жилья (повышение качества жилья, развитие чувства принадлежности к месту, формирование сообществ и т. д.);

3) локальность экономики (существование городов в соответствии с ресурсами экосистемы, которые не должны истощаться);

4) равенство, инклюзивность (обеспечение равных возможностей для всех слоев населения, включая самых бедных);

5) плата за загрязнение (компании, который наносят вред окружающей среде должны платить за загрязнение);

6) региональная ответственность (города и регионы не должны действовать только в своих интересах или перекладывать часть экологических издержек на другие регионы) [2, с. 22–23].

К настоящему моменту концепция устойчивого развития стала неотъемлемой частью региональной политики по развитию территорий и принята в качестве одной из основных концепций во многих городах и странах мира, что говорит о ее актуальности и практической применимости.

Методы исследования

До недавнего времени очень сложно было найти данные по оценке качества городской среды городов России, где оценивались бы практически все города. Благодаря созданию индекса качества городской среды такая возможность появилась. Индекс качества городской среды – это оценка города в баллах, которая складывается из анализа разных типов городских пространств, таких как жилье и прилегающие пространства, улично-дорожная сеть, озелененные пространства, общественно-деловая и социально-досуговая инфраструктура и общегородское пространство[8]. Каждый тип оценивается по шести критериям (безопасность, комфорт, экологичность, идентичность и разнообразие, современность среды, эффективность управления) по 10-бальной шкале. Всего получается 36 индикаторов, которые в сумме позволяют оценить качество городской среды и условия ее формирования.

Первым этапом исследования стало формирование базы данных значений индекса качества городской среды для городов за 2018 г. и 2019 г. в программе *Microsoft Excel.* В базу вошли 1112 городов в 2018 г. и 1113 – в 2019 г. из 1117 официально зарегистрированных. Базы данных для каждого года были разделены на две части по признаку принадлежности города к моногородам. Количество моногородов в данной выборке составляет 227 из 321 (70,7 % от общего числа моногородов). Это связано с тем, что многие моногорода имеют статус не города, а, например, поселка городского типа. Последние не были учтены при определении индекса качества городской среды. Анализ производился по шести типам городского пространства на основе методологии индекса качества городской среды, а также по итоговой сумме показателей, на основе которой определялось – является городская среда благоприятной (181–360 баллов) или неблагоприятной (0–180 баллов).

Для изучения базы данных по шести типам городского пространства и сумме для каждой из четырех получившихся выборок были рассчитаны показатели описательной статистики. Особый интерес составили данные по типам пространства Озеленение, Общественно-деловая инфраструктура и Сумма, т. к. различия в данных группах между моногородами и прочими населенными пунктами были наибольшими. Для анализа выборок была использована программа *Statistica 10.* Полученные результаты представлены в табл. 1 и 2.

Вторым этапом исследования стала проверка распределений на нормальность с использованием критериев Колмогорова-Смирнова, Лиллиефорса и Шапиро-Уилка на уровне $p \leq 0{,}05$, показателей описательной статистики *Microsoft Excel* (среднее значение, медиана, мода, дисперсия, стандартное отклонение, асимметрия) и построения диаграммы «ящик с усами». Результаты полученных значений *p* и соответствия проверки на нормальность представлены в табл. 3.

Табл. 1. Показатели описательной статистики по критерию Сумма
Tab. 1. Descriptive statistics for "combined value"

Показатель	Города		Моногорода	
	2018	2019	2018	2019
Среднее	163,990	170,237	161,119	166,291
Стандартная ошибка	0,888	0,817	1,409	1,301
Медиана	163	170	162	167
Мода	179	180	173	174
Стандартное отклонение	26,428	24,315	21,231	19,605
Дисперсия выборки	698,465	591,218	450,751	384,340
Эксцесс	0,171	0,867	–0,672	–0,003
Асимметричность	0,040	0,107	0,019	–0,103
Размах вариации	189	203	97	118
Минимум	77	80	113	105
Максимум	266	283	210	223
Сумма	145131	150830	36574	37748
Количество городов	885	886	227	227
Уровень надежности (95,0 %)	1,744	1,603	2,777	2,564

В ходе эмпирического исследования были построены диаграммы размаха по критерию Сумма за 2018 г. (рис. 1) и 2019 г. (рис. 2). Слева находятся данные по городам, справа – по моногородам.

[8] Индекс качества городской среды. Режим доступа: https://индекс-городов.рф/#/ (дата обращения: 10.05.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

Табл. 2. Показатели описательной статистики по типам городского пространства Озеленение и Общественно-деловая инфраструктура

Tab. 2. Descriptive statistics for "green areas" and "public and business infrastructure"

Показатель	Озеленение				Общественно-деловая инфраструктура			
	Города		Моногорода		Города		Моногорода	
	2018	2019	2018	2019	2018	2019	2018	2019
Среднее	24,405	24,061	22,837	22,907	24,451	24,700	22,392	22,300
Стандартная ошибка	0,304	0,267	0,529	0,455	0,270	0,263	0,429	0,399
Медиана	23	23	21	22	24	24	22	22
Мода	21	21	20	20	23	25	23	22
Стандартное отклонение	9,055	7,936	7,966	6,861	8,021	7,830	6,468	6,010
Дисперсия выборки	81,992	62,973	63,464	47,067	64,338	61,311	41,832	36,122
Эксцесс	0,034	–0,147	1,407	1,345	–0,233	–0,104	–0,112	0,393
Асимметричность	0,630	0,422	1,176	0,968	0,259	0,321	0,440	0,543
Интервал	53	47	42	40	46	47	33	34
Минимум	2	3	9	8	5	5	8	7
Максимум	55	50	51	48	51	52	41	41
Сумма	21598	21318	5184	5200	21639	21884	5083	5062
Счет	885	886	227	227	885	886	227	227
Уровень надежности (95,0 %)	0,597	0,523	1,042	0,897	0,529	0,516	0,846	0,786

Табл. 3. Результаты проверки на нормальность данных за 2018 г. и 2019 г.

Tab. 3. Normality data check results for 2018 and 2019

Критерий	Озеленение				Общественно-деловая инфраструктура				Сумма			
	Города		Моногорода		Города		Моногорода		Города		Моногорода	
	2018	2019	2018	2019	2018	2019	2018	2019	2018	2019	2018	2019
Колмогорова-Смирнова	<0,01	<0,01	<0,01	<0,01	<0,05	<0,05	<0,20	<0,10	>0,20	<0,01	>0,20	>0,20
Лиллиефорса	<0,01	<0,01	<0,01	<0,01	<0,01	<0,01	<0,01	<0,01	<0,20	<0,01	<0,20	<0,20
Шапиро-Уилка	0,00	0,00	0,00	0,00	0,0007	0,0002	0,004	0,008	0,46	0,0004	0,07	0,97
Ящик с усами	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+
Microsoft Excel	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+

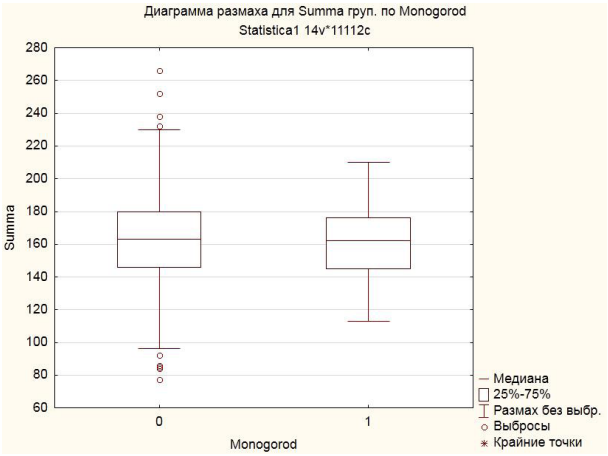


Рис. 1. Диаграмма размаха по критерию Сумма за 2018 г.

Fig. 1. Box-and-whisker plot for "combined value", 2018

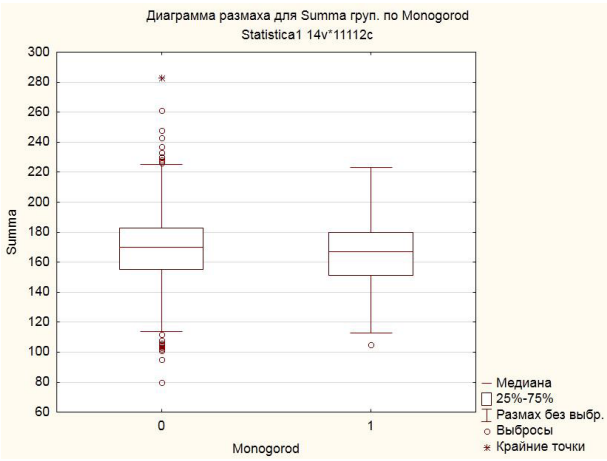


Рис. 2. Диаграмма размаха по критерию Сумма за 2019 г.

Fig. 2. Box-and-whisker plot for "combined value", 2019

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

Третий этап – анализ выборок в программе *Statistica 10* для выявления существенных статистических различий на основе расчета параметрических и непараметрических критериев. Анализ проводился по значениям индекса по сумме, а также по шести типам городского пространства за 2018–2019 гг. Параметрические критерии используются для выборок, которые являются нормально распределенными, непараметрические – позволяют исследовать данные без каких-либо допущений о характере распределения переменных, т. к. в непараметрических критериях обрабатываются не значения переменных, а их ранги или частоты [3, с. 7].

Для проверки на наличие статистических различий по критерию Сумма за 2018 г. был использован t-критерий Стьюдента, предназначенный для нормального распределения. Т-критерий Стьюдента для независимых выборок применяется для сравнения средних значений двух независимых между собой выборок. Одним из главных достоинств критерия является широта его применения. Он рассчитывается по формуле:

$$t = \frac{|M_1 - M_2|}{\sqrt{\frac{\sigma_1^2}{N_1} - \frac{\sigma_2^2}{N_2}}},$$

где M_1 – среднее арифметическое первой выборки; M_2 – среднее арифметическое второй выборки; σ_1 – стандартное отклонение первой выборки; σ_2 – стандартное отклонение второй выборки; N_1 – объем первой выборки; N_2 – объем второй выборки.

Для анализа данных по типам общественного пространства Озеленение и Общественно-деловая инфраструктура, а также по критерию Сумма были использованы непараметрические критерии. В программе Statistica 10 есть три критерия для сравнения двух независимых выборок: U-критерий Манна-Уитни, критерий серий Вальда-Вольфовица и критерий Колмогорова-Смирнова. Однако критерий серий Вальда-Вольфовица предназначен для небольших выборок, число наблюдений в которых исчисляется десятками и число совпадений значений в которых невелико, поэтому анализ проводился с использованием двух оставшихся критериев [4, с. 224].

U-критерий Манна-Уитни представляет непараметрическую альтернативу t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Его сущность заключается в том, что в ранжированном ряду, составленном из двух сравниваемых выборок на основе сравнения данных N_1 и N_2 между собой, подсчитывается сумма рангов для каждой выборки. Далее критерий рассчитывается по формуле:

$$U = (N_1 \cdot N_2) + \frac{N_x(N_x+1)}{2} - T_x,$$

где N_1 и N_2 – число наблюдений в выборке; N_x – число наблюдений в выборке с большей суммой ранга; T_x – большая из двух ранговых сумм [5, с. 61].

Критерий Колмогорова-Смирнова позволяет выяснить различия в характере распределения больших выборок, где число значений в выборках больше 50. Как и серийный критерий Вальда-Вольфовица, он применим к случайным выборкам с непрерывными значениями изучаемого признака, однако имеет менее строгие требования к отсутствию повторяемости вариант в сравниваемых выборках. Алгоритм проверки двух независимых выборок по критерию Колмогорова-Смирнова:

1) найти функцию распределения путем расчета накопленных частот для обеих выборок, разделенных на общее число наблюдений;
2) найти абсолютную разность между функциями распределения двух выборок с целью нахождения максимальной разности;
3) найти величину λ^2 по формуле:

$$\lambda^2 = D^2 \frac{n_1 n_2}{n_1 + n_2},$$

где D – максимальная разность функций распределения; n_1 и n_2 – число наблюдений в выборках [6, с. 198].

Результаты проведенных расчетов (при $p \leq 0{,}05$) приведены в табл. 4.

На четвертом этапе была выдвинута гипотеза о взаимосвязи между значением индекса качества городской среды и количеством предприятий-флагманов на территории Томской, Новосибирской и Кемеровской областей. Для данного исследования определим предприятие-флагман как лидирующее предприятие в пределах муниципального образования с наибольшими объемами

Табл. 4. Выявление статистических различий между моногородами и немоногородами за 2018–2019 гг.
Tab. 4. Statistical differences between single-industry towns and non-single-industry towns for 2018–2019

Критерий		Озеленение		Общественно-деловая инфраструктура		Сумма	
		2018	2019	2018	2019	2018	2019
p	Стьюдента	–	–	–	–	0,130	0,024
	Манна-Уитни	0,012	0,032	0,00030	0,00001	–	0,027
	Колмогорова-Смирнова	<0,005	<0,025	<0,001	<0,001	–	<0,05
Z	Манна-Уитни	–2,497	–2,147	–3,634	–4,363	–	–2,214

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

годовой выручки [7, с. 9]. В выборку вошли 39 муниципальных образований. Источниками данных для анализа являются статистические сборники Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, а также данные финансовой отчетности предприятий, полученной из системы СПАРК за 2018 г.[9]

Отбор предприятий-флагманов осуществлялся в соответствии с методикой, представленной в зарубежных публикациях С. Анохина с соавторами, для обеспечения сопоставимости результатов с зарубежным опытом в процессе реализации проекта [8, с. 108–109]. Суть методики заключается в том, что выручка предприятий указанных регионов в разрезе муниципальных образований ранжируется, отбираются 200 крупнейших предприятий, которые и принимаются за флагманы. Далее проводится подсчет числа таких предприятий по муниципальным образованиям. Лидерами по числу предприятий-флагманов являются городской округ и г. Томск (29), Кемеровский городской округ (27) и Новосибирский городской округ (46). Предприятия-флагманы выявлены в г. Северск и г. Стрежевой, Анжеро-Судженском, Беловском, Березовском, Калтанском, Киселевском, Ленинск-Кузнецком, Междуреченском, Мысковском, Осинниковском, Прокопьевском городских округах, а также в Томском, Искитимском, Коченевском, Новосибирском, Кемеровском, Новокузнецком, Прокопьевском, Таштагольском, Топкинском, Яшкинском муниципальных районах. Число предприятий-флагманов здесь варьируется от 1 до 6. С учетом полученной выборки становится возможным проверить гипотезу влияния предприятий-флагманов на качество городской среды. Число предприятий-флагманов является уникальной для российской науки переменной, позволяющей в дальнейшем выйти на сопоставимость с результатами зарубежных исследований, поэтому данная переменная тестируется отдельно и включается в общую логику публикации.

Анализ производился с помощью корреляционного и регрессионного анализа. Распределение выборки по количеству предприятий-флагманов является ненормальным по критериям Колмогорова-Смирнова, Лиллиефорса, Шапиро-Уилка. Кроме этого число предприятий-флагманов выступает рангом, упорядочивающим муниципальные образования по их числу, поэтому корреляционный анализ проводился с помощью коэффициента корреляции Спирмена:

$$p = 1 - 6\frac{\sum d^2}{N(N^2-1)},$$

где d^2 – квадратов разностей между рангами; N – количество признаков, участвовавших в ранжировании [9, с. 26].

Корреляционный анализ по критерию Флагманы проводился с шестью типами городского пространства согласно индексу качества городской среды и по сумме. В результате были получены следующие коэффициенты корреляции: для типа Жилье и прилегающие пространства – 0,260980, Улично-дорожная сеть – 0,372709, Озеленение – 0,050622, Общественно-деловая инфраструктура – 0,651623, Социально-досуговая инфраструктура –0,333861, Общегородское пространство – 0,360409 и Сумма по значению индекса городской среды – 0,579489.

По значению коэффициента корреляции Спирмена были выделены два показателя оценки городского пространства, для которых коэффициент корреляции был больше 0,5 – это Общественно-деловая инфраструктура и Сумма. Для них были рассчитаны показатели регрессии, главным из которых является коэффициент детерминации (R^2). Он показывает, какую долю общей изменчивости зависимой переменной объясняет модель. Для Общественно-деловой инфраструктуры R=0,434, а R^2=0,188; критерий Сумма имеет R=0,422 и R^2=0,178.

Результаты исследования

На первом этапе была сформулирована гипотеза о существовании статистических различий в значениях индекса качества городской среды между моногородами и немоногородами по некоторым типам пространства (Озелененные пространства, Общественно-деловая инфраструктура), а также по критерию Сумма. Для подтверждения или опровержения гипотезы на втором и третьем этапах были проведены проверки на нормальность и наличие статистических различий между указанными группами данных.

Проверка выборок по моногородам и немоногородам индекса качества городской среды на нормальность, проведенная на втором этапе исследования, показала, что из трех исследуемых критериев только данные по критерию Сумма за 2018 г. для двух выборок являются нормально распределенными по всем критериям на уровне $p \leq 0{,}05$, что позволяет нам использовать для этих выборок параметрические методы исследования. Для выборок по Сумме за 2019 г. данные по выборке по моногородам – нормальные, в отличие от данных по немоногородам, поэтому на втором этапе для них могут быть использованы параметрические и непараметрические методы для более точного анализа.

Для наглядности при проверке на нормальность были построены гистограммы. На рис. 3 и 4 представлены примеры нормального и ненормального распределения по данным выборок по Сумме за 2019 г.

Остальные исследуемые выборки не прошли проверку на нормальность ни по одному из критериев, кроме выборок по Общественно-деловой инфраструктуре моногородов, которые являются нормальными по критерию Колмогорова-Смирнова ($p<0{,}20$ в 2018 г., $p<0{,}10$ в 2019 г.). Однако по другим четырем критериям они являются ненормальными, поэтому для типов городского пространства Озеленение и Общественно-деловая

[9] СПАРК. Режим доступа: http://www.spark-interfax.ru/ (дата обращения: 10.05.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

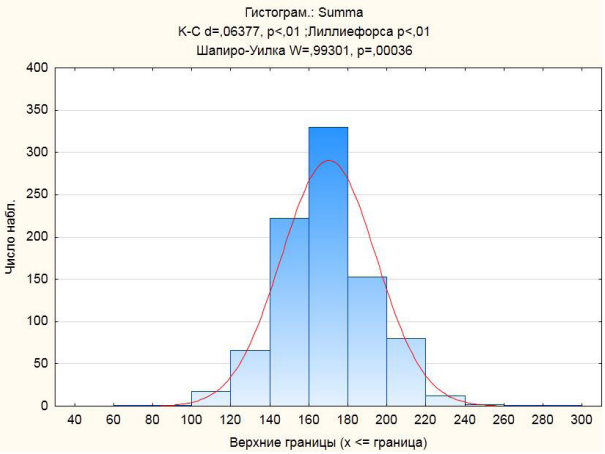


Рис. 3. Пример ненормального распределения
Fig. 3. Example of abnormal distribution

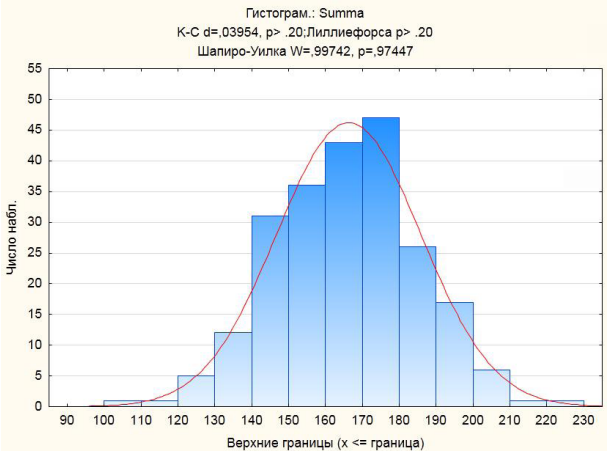


Рис. 4. Пример нормального распределения
Fig. 4. Example of normal distribution

инфраструктура впоследствии должны быть использованы непараметрические методы анализа, направленные на выявление статистических различий.

Результаты исследования по t-критерию Стьюдента на третьем этапе исследования на уровне $p \leq 0{,}05$ по критерию Сумма за 2018 г. показали, что статистические различия отсутствуют ($p=0{,}130$), однако между данными по сумме за 2019 г. есть статистические различия ($p=0{,}024$). Анализ выборок при помощи непараметрических критериев Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова подтвердил результаты по t-критерию Стьюдента по сумме за 2019 г. ($p=0{,}027$, $p<0{,}05$ соответственно). Была подтверждена гипотеза о наличии статистических различий по типам городского пространства Озеленение и Общественно-деловая инфраструктура за оба года (наибольшее значение $p=0{,}032$ было получено для данных по озеленению за 2019 г., что все равно меньше 95-процентного доверительного интервала).

На четвертом этапе опровергнута гипотеза о взаимосвязи между значениями индекса качества городской среды и количеством предприятий-флагманов на территории Томской, Новосибирской и Кемеровской областей. В результате корреляционного анализа были отобраны два критерия с наибольшим значением коэффициента корреляции Спирмена – Общественно-деловая инфраструктура и Сумма. Для них были посчитаны значения множественного коэффициента корреляции (R) и коэффициента детерминации ($R^2=0{,}188$ и $R^2=0{,}178$ соответственно). Это значит, что количество предприятий-флагманов в муниципальных образованиях практически не влияет на значения критериев и сумму индекса качества городской среды, т. к. значение коэффициента детерминации меньше, чем 0,3.

Таким образом, существуют статистические различия по некоторым типам городского пространства между значениями индекса качества городской среды между моногородами и прочими населенными пунктами (немоногородами).

Обсуждение результатов

В последнее время многие исследователи отмечают, что одним из основных факторов при выборе города для проживания, наряду с благоприятными социально-экономическими, экологическими, эстетическими и другими факторами, является качество городской среды, например качество мест рекреации, общественные пространства, транспортная инфраструктура и т. д. [10, с. 278; 11, с. 15].

В ходе проведенного исследования было выявлено, что в моногородах качество городской среды, т. е. уровень развития различных городских пространств, значительно уступает немоногородам по некоторым типам, что говорит о более низком качестве городской среды в моногородах. Показатели индекса качества городской среды также отражают более глубинные процессы, происходящие в монопрофильных городах (риск закрытия градообразующих предприятий, высокий уровень безработицы, постоянный миграционный отток), что ведет к непривлекательности моногородов для высококвалифицированных специалистов, размещения филиалов крупных сетей, которые благодаря процессам глобализации (повышение пространственной мобильности и развитие информационно-коммуникационных технологий) имеют широкий выбор среди городов для работы и жизни [12, с. 13; 13, с. 218].

При этом важно понимать, что развитие городской среды является неотделимым от развития территории в целом, потому что, развивая определенные пространства, например общественно-деловую инфраструктуру, мы развиваем город, и наоборот. В связи с этим одни и те же стратегии и подходы могут быть применены и для повышения качества городской среды, и для развития территории.

Одним из таких подходов, способствующих комплексному развитию города, является концепция устойчивого развития. На протяжении тридцати лет она успешно используется в городах и странах с различным социально-экономическим и политическим положением. Она позволяет объединить в себе экономические, социальные

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

и экологические аспекты, которые часто являются проблемными для моногородов, что подтвердило проведенное исследование, и за счет этого достигнуть долгосрочных эффектов развития для города [14, с. 50].

Федеральные власти уделяют большое внимание проблемам моногородов и улучшению качества городской среды и уже пытались внедрить элементы концепции устойчивого развития для решения имеющихся проблем. В конце 2016 г. был утвержден паспорт приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов», которая должна была сделать моногорода менее зависимыми от градообразующих предприятий и более привлекательными для жизни. Параллельно с этим действует множество федеральных программ для поддержки моногородов в области жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства, здравоохранения, развития малого и среднего предпринимательства; учрежден «Фонд развития моногородов».

Данные программы действуют уже не первый год, но далеко не все они работают эффективно. Проверка реализации программы «Комплексное развитие моногородов», проведенная в 2018 г. Счетной палатой РФ, показала, что средства, выделенные на развитие моногородов, используются неэффективно и направлены, скорее, на выполнение ключевых показателей, а не на развитие в долгосрочной перспективе. При этом другие важные показатели демонстрируют спад. Например, предпринимательская активность за два года реализации программы снизилась на 22,7 %, а количество трудоспособного населения сократилось на 350 тыс. человек[10]. Важным упущением программы стал ее запуск без учета стратегических национальных приоритетов по созданию высокопроизводительных рабочих мест и стимулированию роста производительности труда[11]. Комплексное развитие, заявленное в названии приоритетной программы, не отражало сути понятия, что привело к неудовлетворительным результатам.

Альтернативным подходом, который объединял бы различные сферы человеческой жизни и способствовал комплексному развитию моногородов, может стать концепция устойчивого развития. Реализация данной концепции невозможна без определенных стратегий, на которые моногорода могли бы опираться. На основе опыта отечественных и зарубежных городов, находящихся в схожих условиях, можно предложить ряд стратегий, которые могут быть применены российскими моногородами [15, с. 61–73; 16, с. 6–7]. В основном они направлены не на экстенсивное развитие, т. е. рост за счет увеличения территории, что не очень уместно для значительной доли убывающих моногородов, а на интенсивное развитие – интенсификацию взаимодействий на уже существующих территориях. Это реализуется через:

- стратегии управляемого сжатия – уплотнение жилого фонда, снос старых ветхих, заброшенных зданий для снижения нагрузки на муниципальный бюджет и формирование устойчивого городского центра (г. Детройт, США; г. Воркута, Россия);
- диверсификацию экономики и развитие «зеленой инфраструктуры» – развитие сектора услуг, привлечение компаний, работающих в высокотехнологичных отраслях, применение инновационных методов озеленения, например озеленение кровель (г. Теннант Крик, г. Вудкаттерс, Австралия; г. Линц, Австрия);
- внедрение технологий «умного города», в том числе вовлечение граждан в решение вопросов городского развития (г. Сатка, Россия);
- ревитализацию индустриальных объектов и создание творческих кластеров (г. Лодзь, Польша; г. Набережные Челны, Россия);
- поиск и развитие локальной идентичности (фестиваль городского искусства «Арт-Овраг» – г. Выкса, Россия; пастила из яблок и тематические музеи – г. Коломна, Россия).

Несколько стратегий могут использоваться городскими властями одновременно, однако при выборе и реализации нужно учитывать социально-экономические условия, географические особенности и использовать имеющиеся у того или иного моногорода преимущества.

Частой проблемой моногородов являются ограниченные возможности бюджета для реализации крупных проектов. Эти средства можно получить из федерального бюджета, однако часто это тормозит и затрудняет процесс. Альтернативным методом получения средств является привлечение к реализации проектов градообразующих предприятий. Они заинтересованы в развитии территории города и привлечении молодых образованных специалистов. Примером взаимодействия городских властей и градообразующих предприятий является г. Выкса в Нижегородской области, где благодаря Выксунскому металлургическому заводу был организован фестиваль городской культуры «Арт-Овраг», который сделал город одной из столиц современного искусства в России[12].

Другой интересный пример – лесопромышленная компания *Segezha Group*. В моногородах, где расположены ее предприятия, компания вкладывается в развитие объектов социальной и спортивной инфраструктуры, организует программы переподготовки кадров вместо сокращения персонала, подготовки новых специалистов

[10] Гайва Е. Не так считали // Российская газета. 30.07.2019. № 165. Режим доступа: https://rg.ru/2019/07/30/v-schetnoj-palate-ocenili-effektivnost-podderzhki-monogorodov.html (дата обращения: 25.06.2020).

[11] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СПС КонсультантПлюс.

[12] Пастухова Е. Мария Гунько: «Из маленьких городов жители уезжают в 90 % случаев» // Новый компаньон. Режим доступа: https://www.newsko.ru/articles/nk-5492468.html (дата обращения: 25.06.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

в рамках договоров о сотрудничестве с различными вузами и оказывает поддержку малому и среднему бизнесу[13].

Заключение

Моногорода составляют значительную часть всех городов России, в них живут миллионы людей, поэтому их развитие является важной составляющей общего развития страны. Одновременно с этим во многих моногородах происходят неблагоприятные экономические, демографические и социальные процессы. Это отражается и на индексе качества городской среды, что было подтверждено в результате исследования на основе расчета параметрических и непараметрических критериев, коэффициентов корреляции и регрессии. Так было выявлено наличие статистических различий между показателями типов городского пространства индекса качества городской среды между городами и немоногородами. В 2018 г. и 2019 г. по типам городского пространства Озеленение и Общественно-деловая инфраструктура, а также по критерию Сумма за 2019 г. моногорода значительно уступали немоногородам.

Для повышения качества городской среды и преодоления имеющихся проблем предлагается использовать концепцию устойчивого развития, которая будет способствовать комплексному развитию территории города. Ее реализация должна быть основана не только на достижении ключевых показателей и координации работы существующих федеральных программ, но и применении определенных стратегий, которые успешно применялись другими монопрофильными городами по всему миру, а также согласовываться со стратегическими национальными приоритетами РФ.

Это является важным в связи с принятием в августе 2019 г. новой государственной программы «Развитие моногородов», в которой, как и в программе «Комплексное развитие моногородов», стратегии по ее реализации отсутствуют, что может привести к совершению тех же ошибок. Применение концепции устойчивого развития, возможно, не позволит решить все проблемы моногородов, но может поспособствовать преодолению самых насущных. Причем положительного эффекта от внедрения данной концепции можно достичь достаточно быстро, однако нужно понимать, что для окончательного перелома негативных тенденций многим моногородам может потребоваться несколько десятилетий.

Литература

1. Carson R. Silent spring. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2002. 368 p.
2. Berke P. R., Conroy M. M. Are we planning for sustainable development? // Journal of the American Planning Association. 2000. Vol. 66. Iss. 1. P. 21–33. DOI: 10.1080/01944360008976081
3. Гржибовский А. М., Иванов С. В., Горбатова М. А. Сравнение количественных данных двух независимых выборок с использованием программного обеспечения Statistica и SPSS: параметрические и непараметрические критерии // Наука и здравоохранение. 2016. № 2. С. 5–28.
4. Андреева В. А., Будлянская А. В., Елфимова М. О., Кошевой О. С. Общая характеристика непараметрических методов оценки статистической связи // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2013. № 3. С. 221–226.
5. Харькова О. А., Гржибовский А. М. Сравнение двух несвязанных выборок с использованием пакета статистических программ Stata: непараметрические критерии // Экология человека. 2014. № 4. С. 60–64.
6. Борисова Е. В. Прикладные статистические модели и методы в социологии. Ногинск: Аналитика РОДИС, 2016. 253 с.
7. Антонова И. С., Малеева Е. А. Предприятия-флагманы в моногородах // Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине: сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. (Томск, 17–21 декабря 2018 г.) Томск, 2018. Ч. 2. С. 9–12.
8. Anokhin S., Wincent J., Parida V., Chistyakova N., Oghazi P. Industrial clusters, flagship enterprises and regional innovation // Entrepreneurship & Regional Development. 2019. Vol. 31. Iss. 1-2. P. 104–118. DOI: 10.1080/08985626.2018.1537150
9. Кошелева Н. Н. Корреляционный анализ и его применение для подсчета ранговой корреляции Спирмена // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 5. С. 23–26.
10. Высоковский А. А. Александр Высоковский. Т. 2: Practice / сост. И. Абанкина. М.: Grey Matter, 2015. 397 с.
11. Антонова Н. Л. Образ будущего: привлекательность города в оценках молодежи // Теория и практика общественного развития. 2019. № 11. С. 13–16. DOI: 10.24158/tipor.2019.11.1
12. Голивцова Н. Н. Анализ населенных пунктов монопрофильного типа СЗФО РФ // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 2. С. 10–16.
13. Исенгалиева М. Е. Факторы, влияющие на миграцию трудовых ресурсов в Республике Казахстан // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 217–220.

[13] Годовой отчет 2018. Segezha Group, 2018. 133 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

14. Нестеров А. Н. Устойчивое развитие как приоритет городской социально-экономической политики // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2009. № 2. С. 48–55.
15. Лободанова Д. Л. Стратегии развития старопромышленных городов // Вопросы экономики. 2014. № 4. С. 56–76. DOI: 10.32609/0042-8736-2014-4-56-76
16. Макиева И. В., Кривогов И. В. Модернизация экономики моногородов // Вестник Финансового университета. 2011. № 5. С. 5–14.

original article

Sustainable Development as a Concept to Improve the Quality of the Urban Environment of Single-Industry Towns*

Irina S. Antonova [a, @]; Timur A. Belalov [a]; Anna B. Zhdanova [a]
[a] National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk
[@] antonova_is@mail.ru

Received 25.06.2020. Accepted 23.11.2020.

Abstract: The research featured the urban environment quality index for single-industry towns and non-single-industry towns in 2018–2019. The research objective was to identify statistical differences between single-industry towns and other urban settlements in terms of the components and combined value of the urban environment quality index. The paper introduces several strategies for the development of the urban environment of single-industry towns based on the concept of sustainable development. The study employed statistical methods and Statistica 10 program. Based on parametric and nonparametric criteria, the author revealed statistical differences for such aspects as "green areas" and "public and business infrastructure" for 2018 and 2019, as well as calculated the combined value for 2019. The strategies described in the present paper can help to overcome the existing problems of single-industry towns and avoid repeating the mistakes made by government when implementing similar federal programs in the past. The study may be of interest for executive authorities, municipal authorities, and residents of single-industry urban settlements.

Keywords: sustainable development of single-industry towns, urban environment quality index, public-business infrastructure, flagship enterprises, municipal development, urban space

For citation: Antonova I. S., Belalov T. A., Zhdanova A. B. Sustainable Development as a Concept to Improve the Quality of the Urban Environment of Single-Industry Towns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki,* 2020, 5(4): 505–515. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

References

1. Carson R. *Silent spring*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2002, 368.
2. Berke P. R., Conroy M. M. Are we planning for sustainable development? *Journal of the American Planning Association,* 2000, 66(1): 21–33. DOI: 10.1080/01944360008976081
3. Grjibovski A. M., Ivanov S. V., Gorbatova M. A. Analysis of quantitative data in two independent samples using Statistica and SPSS software: parametric and non-parametric tests. *Nauka i Zdravookhranenie*, 2016, (2): 5–28. (In Russ.)
4. Andreeva V. A., Budlyanskaya A. V., Elfimova M. O., Koshevoy O. S. Application of nonparametric tests in practice of sociological research. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*, 2013, (3): 221–226. (In Russ.)
5. Kharkova O. A., Grjibovski A. M. Analysis of two independent samples using stata software: non-parametric criteria. *Ekologiya cheloveka*, 2014, (4): 60–64. (In Russ.)
6. Borisova E. V. *Applied statistical models and methods in sociology.* Noginsk: Analitika RODIS, 2016, 253. (In Russ.)
7. Antonova I. S., Maleeva E. A. Flagship enterprises in monotowns. *Information technologies in science, management, social sphere, and medicine*: Proc. V Intern. Sci. Conf., Tomsk, December 17–21, 2018. Tomsk, 2018, pt. 2, 9–12 (In Russ.)
8. Anokhin S., Wincent J., Parida V., Chistyakova N., Oghazi P. Industrial clusters, flagship enterprises and regional innovation. *Entrepreneurship & Regional Development*, 2019, 31(1-2): 104–118. DOI: 10.1080/08985626.2018.1537150
9. Kosheleva N. N. Correlation analysis and its application for counting Spearman's rank correlation. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2012, (5): 23–26. (In Russ.)
10. Vysokovsky A. A. *Alexander Vysokovsky. Vol. 2: Practice*, comp. Abankina I. Moscow: Grey Matter, 2015, 397. (In Russ.)

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-505-515

11. Antonova N. L. The image of the future: attractiveness of the city as assessed by youth. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2019, (11): 13–16. (In Russ.) DOI: 10.24158/tipor.2019.11.1
12. Golivtsova N. N. Analysis of settlements mongofiles type of the Northwestern Federal District of the Russian Federation. *Innovatsionnaia ekonomika: perspektivy razvitiia i sovershenstvovaniia,* 2018, (2): 10–16. (In Russ.)
13. Isengalieva M. E. Factors influencing the migration of labour force in the Republic of Kazakhstan. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia,* 2014, (4): 217–220. (In Russ.)
14. Nesterov A. N. Sustainable development as a priority of the urban social and economic policies. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny v regione: fakty, tendentsii, prognoz*, 2009, (2): 48–55. (In Russ.)
15. Lobodanova D. L. Development strategies of old industrial cities. *Voprosy ekonomiki,* 2014, (4): 56–76. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2014-4-56-76
16. Makieva I. V., Krivogov I. V. Modernization of the economy of one-company towns. *Vestnik Finansovogo universiteta*, 2011, (5): 5–14. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

оригинальная статья
УДК 331.1

Управление проектом внедрения бережливого производства на промышленном предприятии

Татьяна А. Бельчик [a, @, ID]; Илья И. Ежов [a]
[a] Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово
[@] t.a.belchik@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-5729-8475

Поступила в редакцию 13.08.2020. Принята к печати 30.09.2020.

Аннотация: Предметом исследования является внедрение бережливого производства с использованием технологии проектного управления. Цель – обоснование возможности использования инструментов и методов бережливого производства на промышленных предприятиях. Использованы общенаучные методы исследования: внешнее и включенное наблюдение, статистические методы, анкетный опрос, элементы моделирования процессов. Результаты показали, что распространение методов бережливого производства на промышленных предприятиях необходимо осуществлять как проектную деятельность, инициируя и реализуя проекты бережливого производства в разных структурных подразделениях, на процессах разного уровня. Для этого требуется обучение основам проектного управления менеджеров и обучение основам бережливого производства всех работников с целью добиться всеобщей включенности. Показано, что даже единичные проекты бережливого производства приносят предприятию повышение эффективности и рост производительности труда. Использование тех или иных инструментов становится самоцелью, а не способом решения выявленных проблем. Участие людей в реализации проектов бережливого производства не всегда осознанно и высоко мотивировано, что мешает росту вовлеченности. Недостаточный опыт самостоятельной реализации проектов в целом тормозит реализацию проектов бережливого производства. В результате проведенного исследования авторами показана результативность проектов бережливого производства, выявлены проблемы, специфичные для промышленных предприятий, и обозначены некоторые направления деятельности, способствующие повышению операционной эффективности.

Ключевые слова: производительность труда, проектное управление, операционная эффективность, сокращение потерь, инструменты и методы, ценность, процессный подход

Для цитирования: Бельчик Т. А., Ежов И. И. Управление проектом внедрения бережливого производства на промышленном предприятии // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 516–524. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

Введение

Кризисные явления в экономике и, как следствие, замедление темпов экономического роста требуют от управленцев поиска способов оптимизации всех бизнес-процессов. Бережливое производство (*lean production*) уже давно зарекомендовало себя как одно из эффективных средств повышения операционной эффективности компаний в кризисных условиях. Но следует отметить, что методы *lean production* не являются первопричиной эффективной работы компаний, они – лишь инструменты, которые помогают компаниям быть еще эффективнее. Так, если бы персонал компании Toyota не был изначально дисциплинирован и высокоорганизован, если бы он не был изначально настроен на бережливость, сокращение затрат и повышение благосостояния своих компаний – никакие методики бережливого производства не показали бы таких впечатляющих результатов [1]. Поэтому внедрение бережливого производства – не просто включение нового инструмента в работу, а изменение менталитета и коллективного мышления всех работников компании.

В статье рассмотрены возможности предприятия использовать технологию проектного менеджмента при внедрении бережливого производства. Цель – обоснование возможности использования инструментов и методов бережливого производства на промышленных предприятиях. В ходе исследования были выявлены трудности, с которыми сталкиваются предприятия при попытке повысить, например, производительность труда с помощью бережливого производства. Возможность повышения производительности труда исследована на примере предприятий АО «Кемеровская горэлектросеть» (КГЭС) и ООО «Кемеровский домостроительный комбинат» (Кемеровский ДСК) с помощью бережливого производства. Объект исследования – реализация проектов бережливого производства на промышленных предприятиях, предмет – внедрение бережливого производства с использованием технологии проектного управления.

Методы и материалы. Методологическую основу исследования составляют прикладные и фундаментальные труды зарубежных и отечественных ученых [1–4], специалистов

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

в области бережливого производства, совершенствования бизнес-процессов и управления предприятиями. Используются как общенаучные (наблюдение, анкетный опрос, измерение, анализ документов, статистический анализ), так и специальные (картирование, хронометраж элементы моделирования процессов) методы

Результаты

Бережливое производство – это особая технология управления компанией. Основная идея состоит в постоянном стремлении исключить любые виды потерь. Преимущество ее состоит в том, что на 80 % она состоит из организационных мер, и лишь 20 % составляют инвестиции в технологию[1]. Впервые внедрение бережливого производства в промышленность произошло в 1950-е гг. в корпорации *Toyota*. Создателем этой схемы управления стал Т. Оно, который в дальнейшем внес огромный вклад в развитие как теории, так и практики [1]. Не меньший вклад внес его коллега – С. Синго, который, кроме прочего, создал способ быстрой переналадки [4]. Позже американские специалисты исследовали эту систему, доработали и назвали *lean manufacturing* [5].

Д. П. Вумек и Д. Т. Джонс определяют бережливое производство как прорывной подход к менеджменту и управлению качеством, обеспечивающий долговременную конкурентоспособность без существенных капиталовложений [2]. Оно помогает определять ценность, в наилучшей последовательности выстраивать действия, ее создающие, выполнять работу без лишних перерывов и делать ее все более и более эффективно [6]. Д. П. Хоббс в качестве основной задачи бережливого производства выделяет проектирование и внедрение производственной линии, позволяющей изготавливать разные виды продуктов за установленное время [7]. М. Вэйдер считает, что важной частью концепции бережливого производства является постоянное совершенствование и участие в данном процессе всего коллектива предприятия [8].

Для успешного внедрения проекта *lean* необходимо четко понимать, каким мы хотим видеть конечный результат и как его добиться, владеть всеми инструментами работы и методами реализации. Внедрение бережливого производства на промышленных предприятиях предполагает активизацию усилий по применению все новых и новых инструментов, что связано с необходимостью повышения уровня конкурентоспособности. В связи с этим необходима наглядная модель по внедрению инструментов бережливого производства на предприятиях.

Согласно концепции бережливого производства, всю деятельность фирмы можно подразделить на процессы и операции, которые добавляют ценность для потребителя, и те, которые не приносят никакой ценности. Можно выделить прямые потери, т. е. работы, которые сами по себе не добавляют ценности и не способствуют ее добавлению. Ценность создается в ходе выполнения производственных процессов или процессов оказания услуги. Добавление конечному продукту ценности для клиента – основная задача бережливого производства. Суть бережливого производства отражается в его принципах [9–11]:

1. Определить ценность конкретного продукта. Чтобы получить ценный продукт на выходе, производитель должен глазами потребителя увидеть, какими параметрами должен обладать продукт, чтобы стать ценностью.

2. Определить поток создания ценности для этого продукта, т. е. описать действия, создающие и не создающие ценность, позволяющие пройти все процессы от разработки концепции до запуска в производство.

3. Обеспечить непрерывное течение потока создания ценности продукта.

4. Позволить потребителю «вытягивать» продукт, удовлетворяя требования заказчика.

5. Непрерывно стремиться к совершенству, ориентируясь на потребителя (клиента).

Применение технологии бережливого производства предполагает определенный способ мышления, при котором любая деятельность рассматривается с точки зрения ценности для потребителя и сокращения всех видов потерь. Анализ литературы показал, что с помощью бережливого производства добиваются сокращения затрат, сроков разработки новой продукции, сроков создания продукции, производственных и складских площадей, обеспечения гарантии поставки продукции заказчику [12–15].

В России интерес к использованию бережливого производства возрос после утверждения паспорта национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости»[2], в котором поставлена задача использовать инструменты бережливого производства для повышения конкурентоспособности и оптимизации бизнес-процессов с целью повышения производительности труда, провести масштабное обучение и даже разработать федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению «Бережливое производство».

В российской практике есть немало примеров успешной реализации проектов бережливого производства в различных отраслях экономической деятельности. Наибольших успехов удается достичь крупным корпорациям [16–18]. Однако при умелом сочетании управленческой компетентности и профессионализма работников успешные практики возможны и в менее крупных предприятиях.

[1] Ханафиева С. Насколько популярно бережливое производство в России // Эксперт Урал. 19.02.2007. № 7. Режим доступа: https://expert.ru/ural/2007/07/vihanskiy/ (дата обращения: 13.07.2020).

[2] Производительность труда и поддержка занятости. Паспорт национального проекта (программы) (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам) (протокол от 24.12.2018 № 16) // Гарант. Режим доступа: http://base.garant.ru/72185994/ (дата обращения: 15.07.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

Вместе с тем для распространения лучших практик, обобщения полученного опыта необходимо научное осмысление и возможностей применения инструментов бережливого производства, и выявления специфики для разных хозяйствующих субъектов, и мотивации персонала, и построения обучения. При таком подходе развитие бережливого производства в РФ может дать мультипликативный эффект. Результатами успешного внедрения бережливого производства являются прирост производительности труда, сокращение используемой площади, запасов, продолжительности протекания процессов, брака и т. п. [19–22].

Барьерами для достижения желаемых результатов являются следующие факторы [23]:

1) обучение персонала и финансирование этого процесса не всегда осознается руководством;

2) сам персонал не всегда желает учиться и применять элементы бережливого производства;

3) внедрение бережливого производства превращается в кампанию и становится самоцелью;

4) в организациях не хватает специалистов, способных управлять изменениями;

5) руководители стремятся получить результат быстро, не строя долгосрочную стратегию, не вкладывая ресурсы в обучение персонала;

6) недостаток специалистов в области бережливого производства.

7) непоследовательность в формировании производственной системы.

Существует немало алгоритмов внедрения lean-концепции. Исследователи в области бережливого производства (Т. Оно, Д. П. Вумек, М. Вэйдер, Д. К. Лайкер, С. Синго, Д. П. Хоббс) предложили свои пошаговые алгоритмы внедрения бережливого производства на предприятии. На сегодняшний день самым популярным является алгоритм американского исследователя Д. П. Вумека, внесшего серьезный вклад в продвижение lean-концепции. Этот человек является автором бестселлера «Машина, которая изменила мир». Он предложил наиболее актуальный пошаговый алгоритм внедрения бережливого производства на предприятии:

1. Выбрать на предприятии человека-лидера, пользующегося уважением среди рабочих и имеющего историю внедрения успешных проектов. Иными словами, человека, которому будут доверять. Этому человеку нужно взять на себя ответственность и направлять процесс внедрения.

2. На втором этапе всей команде по внедрению следует пройти базовое обучение основам бережливого производства и ключевым инструментам.

3. Выявить или создать кризис. Кризис на предприятии может послужить хорошим толчком для внедрения lean. Но проблемы есть на любом предприятии, не обязательно ждать кризис компании.

4. Начинать внедрение бережливого производства лучше поэтапно. Не обязательно глобально пересматривать весь производственный процесс. На начальном этапе можно подтолкнуть работников к устранению потерь везде, где они их замечают. После успешного опыта можно переходить к более сложным задачам, концентрируясь на конкретных целях предприятия (время заказа, себестоимость продукции, качество).

5. Картирование потоков создания ценности. Попробовать представить производственный процесс в виде карты потока, разбив его на отдельные процессы. Это поможет обнаружить узкие места, проблемы и потери. Также необходимо продумать план их устранения и представить карту будущего потока.

6. Составив карту потока и поняв слабые места, необходимо переходить к практике. Информация о ходе процесса внедрения и его результатах не должна быть скрыта от работников.

7. Стремление к быстрым результатам. Бережливое производство – это долгосрочная стратегия, но на начальных этапах лучше ориентироваться на немедленные результаты. Поэтому начинать рекомендуется с более простых задач.

8. Запуск системы кайдзен. Чем больше сотрудников вовлечены в общее дело непрерывных улучшений, тем быстрее можно добиться положительных результатов.

Для анализа нами выбраны два предприятия. В одном из них (КГЭС) имеются только намерения инициативной группы использовать инструменты бережливого производства для повышения производительности труда. В другом (Кемеровский ДСК) уже реализован ряд проектов, в том числе под руководством представителей АНО «Федеральный центр компетенций в сфере производительности труда» (ФЦК), созданного 18 декабря 2017 г. по решению президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. В настоящее время ФЦК является оператором национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» в части адресной поддержки предприятий.

КГЭС является одним из крупнейших предприятий коммунальной энергетики области. 560 специалистов обеспечивают надежное бесперебойное энергоснабжение жителей, организаций социальной сферы и промышленности областной столицы Кузбасса. В начале 2020 г. руководство предприятия объявило о необходимости инициации и дальнейшей реализации проектов по оптимизации бизнес-процессов с использованием инструментов бережливого производства.

Анализ документов организации и опыта применения инструментов бережливого производства показал, что наиболее перспективными направлениями внедрения lean-концепции для электросетевых компаний являются:

- разработка решений по компенсации потерь электроэнергии;

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

- устранение непроизводительных затрат;
- оптимизация процесса осуществления ремонтных работ;
- оптимизация документооборота;
- снижение дебиторской задолженности;
- снижение затрат в структуре себестоимости передачи и транспортировки электроэнергии;
- рациональная организация рабочего места и пространства с целью повышения производительности, качества и безопасности.

Одной из задач исследования была инициация и реализация пилотных проектов бережливого производства. В ходе VSM-анализа процесса согласования ежедневной работы с руководством оперативно-диспетчерской службы КГЭС были выявлены потери ожидания, перепроизводства, лишних перемещений. Ниже представлены проблемы, выявленные лишь при протекании одного из множества процессов:

- опоздание водителя;
- задержка выдачи нужного для работы оборудования (нехватка на складе, отсутствие) работникам;
- потеря времени на поиск и получение материала на складе работниками;
- несвоевременное согласование состава участников, периметра работ начальниками и руководителями структурных подразделений;
- нехватка специалистов на имеющееся количество машин;
- простой водителей и рабочего персонала в момент согласования техниками работы на день и в момент выдачи им оборудования;
- отсутствие актуальной информации по абонентским платежам;
- отсутствие расходных материалов по месту работы ввиду некорректной информации.

Все выявленные проблемы полностью могут быть решены на уровне предприятия, для их решения требуются в основном меры организационного характера. При их решении появилась возможность сократить время протекания процесса в 2 раза, избавиться от потерь электроэнергии в электрических сетях. При анализе работы автопарка предприятия с использованием инструментов и методов бережливого производства (хронометраж, диаграмма Парето, «5 почему») были выявлены причины простоев и определены группы транспортных средств, используемых максимально неэффективно.

80 % простоев транспорта по причине невостребованности приносят первые 5 видов транспортных средств: аварийные (объекты дорожного сервиса), автовышки и краны, тракторы и экскаваторы, автобусы, легковые автомобили. На все остальные транспортные средства приходится лишь 20 % потерь. Коэффициент использования техники оказался равным 57 % (расчеты сделаны на основании данных отдела транспорта, где учтено время простоя за каждый рабочий день по каждому виду транспорта) (рис. 1).

Таким образом, пилотные для предприятия проекты показали, что инструменты бережливого производства могут существенно повысить экономическую эффективность деятельности предприятия. Также были определения виды транспорта, которые простаивают из-за низкой температуры воздуха или отсутствия водителя.

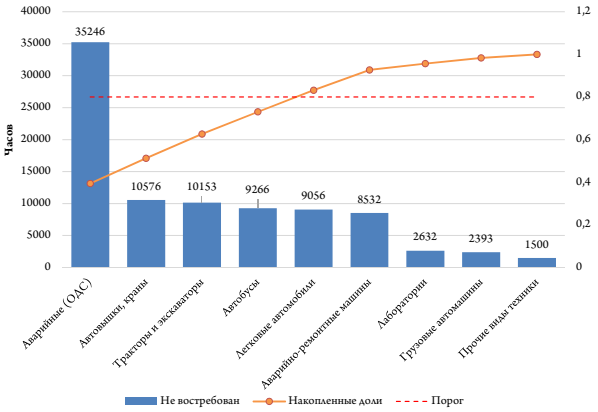


Рис. 1. Диаграмма Парето для невостребованного транспорта
Fig. 1. Pareto chart for unclaimed transport

Общий экономический эффект от предложенных мероприятий в виде сокращения ожидания персонала, снижения расходов на горюче-смазочные материалы, сокращения простоев автотранспорта, сокращения электрических потерь в сетях и перепроизводства составит в том числе за счет установки новых приборов учета более 7 млн руб. в год. Опираясь на изученный опыт, результаты пилотных проектов и финансово-экономическое состояние КГЭС, в ходе исследования предложен алгоритм внедрения бережливого производства на предприятии (рис. 2).

Внедрение инструментов и методов бережливого производства в организации должно рассматриваться как проект, руководит которым непосредственно руководитель или его заместитель. Этот проект должен быть ограничен

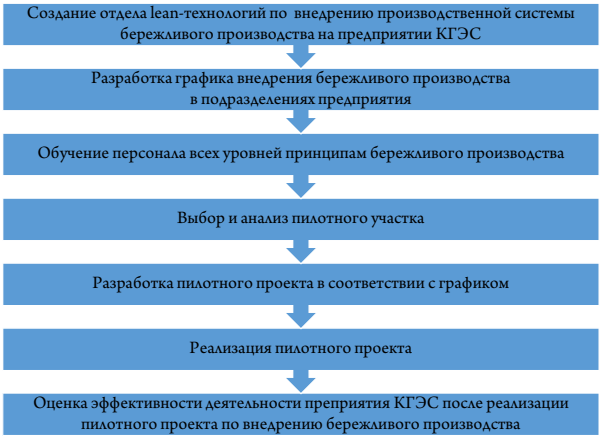


Рис. 2. Алгоритм внедрения инструментов бережливого производства
Fig. 2. Algorithm for implementing lean manufacturing tools

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

в сроках, что отличает проектную деятельность от операционной. Важное значение имеет формирование проектных команд, определение содержания работ по проекту (иерархическая структура), определение рисков, установление параметров качества выполненных работ. Важное значение должно быть отведено работе с заинтересованными сторонами: проектами бережливого производства могут и должны заниматься специалисты, обладающие базовыми знаниями и навыками проектного менеджмента.

Вторым предприятием в исследовании определен Кемеровский ДСК, основными направлениями деятельности которого являются изготовление и поставка сборного железобетона, бетона, раствора, арматурных сварных и закладных деталей. В рамках федерального проекта «Адресная поддержка повышения производительности труда на предприятиях» данное предприятие попало в число предприятий Кузбасса, которые при поддержке Госкорпорации «Росатом», специалистов ФЦК с 2018 г. успешно внедряют на своих площадках принципы, методы и инструменты бережливого производства, позволяющие сократить потери рабочего времени, оптимизировать производственный поток, повысив тем самым производительность труда до 40 %. ФЦК совместно с рабочей группой предприятия определяют узкие проблемные места, совершенствуют процессы за счет устранения потерь и выявления резервов. По мнению директора завода, участие в программе является важным этапом в развитии каждого участника рабочей группы и для завода в целом. Руководство предприятия прошло обучение по программе «Основы бережливого производства» с использованием стандартизированных методов, используемых ФЦК.

Первый реализованный проект на Кемеровском ДСК в рамках бережливого производства – это «Повышение производительности труда на паллетном производстве», который стартовал в июне 2018 г. Основаниями для выбора проекта стали отставание скорости производства от скорости монтажа при строительстве на нескольких площадках (в Кемерове и Новокузнецке) и удорожание одного м3 выпускаемой продукции. Цель проекта – повышение коэффициента оборачиваемости паллет с 0,8 паллет/сутки до 1,2 паллет/сутки. Плановый эффект – повышение объемов выпускаемой продукции на паллетном производстве с 100 м3/сутки до 150 м3/сутки, снижение коррозии металла бортоснастки. Проведя хронометраж и построив текущую карту потока создания ценности, участники проекта выявили ряд проблемных мест провели реорганизацию процесса, усовершенствовав его и сократив непроизводительные потери:

1. Изменили схему перемещения арматурного каркаса по цеху, сократив расстояние перемещения арматурного каркаса на 60 м, количество операций с 8 до 5, а время на перемещение арматурного каркаса с 18 мин. до 8,3 мин.

2. Изменили местонахождение склада термическиупрочненной арматуры, сократив расстояние перемещения арматурных стержней с 30 м до 6 м, количество операций с 3 до 1, а время на перемещение арматурных стержней с 5 мин. до 3 мин.

3. Вместо бумажных чертежей стали использовать их электронные аналоги.

4. Перенесли склад опалубки, что позволило сократить время установки опалубки с 43 мин. до 26 мин.

Реализация данного проекта бережливого производства заложила основу для реализации других проектов, повышающих операционную эффективность.

В результате картирования процесса погрузки готовых изделий были выявлены непроизводительные простои в день (626 мин.). Из анализа карты потока создания ценности стало ясно, что самым проблемным процессом является очередь на загрузку, которая возникает из-за отсутствия логистической схемы, нарушения временных стандартов по загрузке одного автомобиля, нерабочее состояние аппарата для чиповки. Общая эффективность потока составила 70 %. Проанализировав полученные данные, можно сделать выводы, что точная настройка процесса поможет равномерно разделить работу между специалистами на разных этапах за счет выявления узких мест и повысит согласованность действий. У предприятия есть реальная возможность повысить эффективность производственного процесса и сократить выявленные потери в цехе готовой продукции, если разработать логистическую схему отгрузки материала, создать приложение – программу для составления графиков отгрузки товаров, разработать стандартную операционную карту для логиста. Это может уменьшить непроизводительные затраты, уменьшить количество процессов, не создающих ценности, обеспечить ритмичность операций, снизить время ожидания. При использовании принципов и инструментов бережливого производства Кемеровский ДСК добился улучшений в плане сокращения занимаемых площадей, наведения порядка на рабочем месте, сокращения времени на выполнение операций, повышение операционной эффективности.

Как было отмечено выше, на предприятии на начальной стадии имело место обзорное обучение нескольких специалистов с включением предприятия в Федеральные проект. Дальнейшее обучение руководящего состава было проведено на достаточно высоком уровне. Однако само участие и в обучении и поиске узких мест, разработке мероприятий по их усовершенствованию не рассматривается участниками как участие в проекте, многие воспринимают его как лишнюю нагрузку, как дополнительное поручение (чаще всего неоплачиваемое), исполнители не чувствуют себя членами одной проектной команды. Все вышесказанное порождает риски и проблемы, которыми нужно и можно управлять. В значительной степени они совпадают на большинстве предприятий, решивших применять концепцию бережливого производства [24; 25]. Часть предприятий отказались от дальнейшего использования инструментов бережливого производства, мотивируя решение как внутренними, так и внешними причинами [26].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

Деятельность по повышению операционной эффективности должна вестись в проектном режиме. Проект – это ограниченное во времени намерение создать уникальный продукт или услугу, представляющее собой последовательный и взаимосвязанный набор мероприятий и процессов, направленных на достижение основной цели, в виде масштабной задачи [27]. Проектная деятельность формально на данном предприятии никак не закреплена. Однако многие специалисты задумываются над совмещением концепции бережливого производства и проектного менеджмента.

В ходе проведенного в июле 2020 г. анкетного опроса руководителей и специалистов предприятия было выявлено, что более 90 % опрошенных считают, что проектный подход был бы полезен организации, а 20 % высказались за полномасштабное внедрение проектного подхода на постоянной основе. Известно, что любой новый процесс или изменение в работе воспринимается персоналом как опасность потерять свое место или не соответствовать новым требованиям. Поэтому сотрудники всегда против любых изменений, и существует риск отказа работников от исполнения. За два года использования инструментов бережливого производства на предприятии накопился собственный опыт. Значительный вклад в становление бережливого производства внесли специалисты ФЦК. Таким образом, профессиональное консультирование специалистов и руководителей сыграло решающую роль. Значительное распространение получили кайдзен-инициативы сотрудников.

По результатам исследования можно выделить ряд необходимых для реализации направлений, сокращающих вероятность возникновения неблагоприятных событий при внедрении концепции бережливого производства. Это создание проектного офиса и стандартной операционной процедуры, предусматривающей порядок инициации, планирования и реализации проектов; совершенствование методов обучения персонала; внедрение полученных знаний в производственные процессы.

Заключение

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о том, что инструменты и методы бережливого производства могут быть использованы на любом промышленном предприятии. Успешная реализация проектов бережливого производства способствует росту производительности труда, доходов работников, сокращению ненужных запасов, занимаемых площадей, более рациональному использованию природных богатств. Однако для достижения существенных результатов в масштабах всего предприятия требуется соблюдение обязательных условий:

1) заинтересованность лидера организации;

2) наличие у специалистов компетенций в области проектного управления;

3) создание системы многоуровневого обучения бережливому производству работников предприятия;

4) трансформация системы мотивации работников с ориентацией на непрерывное улучшение результатов деятельности;

5) создание и развитие программ формирования бережливого работника;

6) использование для решения выявленных проблем возможностей цифровых технологий;

7) ориентирование проектной деятельности по инициации, планированию, реализации и завершению проектов бережливого производства на повышение квалификации работников, обеспечение достойного и безопасного труда;

8) формирование стандартных операционных карт, процедур и их неукоснительное соблюдение должно стать часть корпоративной культуры работников.

Обеспечение перечисленных условий может стать залогом успешного внедрения инструментов и методов бережливого производства с целью повышения операционной эффективности предприятий, они являются общими для предприятий любой сферы. Однако для промышленных предприятий есть своя специфика. Проблема низкой производительности труда здесь является одной из наиболее острых, а значит, использование бережливых технологий более актуально. Значительное количество предприятий Кемеровской области являются вертикально-интегрированными, что предопределяет специфику инициации, планирования и реализации проектов бережливого производства. Качество рабочей силы, занятой в промышленности, является невысоким, что затрудняет и организацию обучения, и формирование культуры бережливого производства.

Литература

1. Оно Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. 192 с.
2. Вумек Д. П., Джонс Д. Т. Бережливое производство: как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании / пер. с англ. С. Турко. 8-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2014. 470с.
3. Давыдова Н. С. Бережливое производство. Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ, 2012. 135 с.
4. Синго С. Изучение производственной системы Тойоты с точки зрения организации производства. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. 298 с.
5. Лайкер Д. К. Дао Toyota: 14 принципов менеджмента ведущей компании мира / пер. с англ. Т. Гутмана. 6-е изд. М.: Альпина Паблишер, 2011. 398 с.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

6. Царенко А. С., Гусельникова О. Ю. Проекты «Бережливый регион», «Бережливая поликлиника», «Бережливый город» как шаги на пути к созданию «Бережливого Правительства»: оценка реализации лин-инициатив в государственном секторе РФ // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 73. С. 167–203.
7. Хоббс Д. П. Внедрение бережливого производства: практическое руководство по оптимизации бизнеса. Мн.: Гревцов Паблишер, 2007. 351 с.
8. Вэйдер М. Инструменты бережливого производства / пер. с англ. А. Баранова, Э. Башкардина. М.: Альпина Бизнес Букс; Центр ОргПром; Пермь: ИПК Звезда, 2005. 124 с.
9. Левинсон У. А., Рерик Р. А. Бережливое производство: синергетический подход к сокращению потерь / пер. с англ. А. Л. Раскина. М.: Стандарты и качество, 2007. 270 с.
10. Луйстер Т., Теппинг Д. Бережливое производство: от слов к делу / пер. с англ. А. Л. Раскиной. М.: Стандарты и качество, 2008. 128 с.
11. Давыдова Н. С., Титов И. Г., Сычева Е. В., Позмогова Н. П. Совершенствование системы мотивации персонала медицинской организации при внедрении принципов бережливого производства // Университетская медицина Урала. 2019. Т. 5. № 1. С.133–135.
12. Садыкова Э. А. Результаты внедрения методик бережливого производства в нефтегазовой отрасли России // Экономика и социум. 2018. № 1. С. 1247–1250.
13. Струщенко А. Л., Дуганова Е. В. Внедрение бережливого производства на предприятие автомобильного транспорта // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 3-8. С. 1294–1296.
14. Иванова И. А. Менеджмент. 3-е изд. М.: Риор, 2010. 128 с.
15. Галямина И. Г. Управление процессами. 2-е изд. СПб.: Питер, 2013. 304 с.
16. Еманаков И. В., Гродзенский С. Я., Овчинников С. А. Первые шаги на пути к «бережливому производству» // Вестник МГТУ МИРЭА. 2015. № 1. С. 278–285.
17. Голубенко О. А., Свекольникова О. Ю. Сравнительный анализ внедрения «Бережливого производства» на российских и иностранных предприятиях // Современные проблемы товароведения, экономики и индустрии питания: сб. науч. тр. конф. (Саратов, 25 февраля 2019 г.) Саратов, 2019. С. 31–34.
18. Лыскова И. Е. Внедрение моделей устойчивого развития и бережливого производства в систему экологической и социальной безопасности современной организации (на примере Госкорпорации «Росатом») // Глобальная ядерная безопасность. 2019. № 4. С. 85–95.
19. Индейкина А. А. Российский опыт внедрения концепции «бережливое производство» // Master's journal. 2015. № 1. С. 337–341.
20. Сычанина С. Н., Мирончук В. А., Шолин Ю. А. Внедрение технологий бережливого производства как способ повышения производительности труда на предприятиях общественного транспорта // Вестник Академии знаний. 2019. № 3. С. 238–244.
21. Скоробогатова О. М. Бережливое производство и TWI: грани высокой производительности труда // Менеджмент качества. 2019. № 4. С. 250–262.
22. Чуприк М. А., Байда Е. А. Концепция бережливого производства как инструмент повышения производительности труда // Техника и технологии строительства. 2020. № 1. С. 47–52.
23. Науменко Е. Ю. Проблемы внедрения бережливого производства в России и рекомендации по их устранению // Инновационная наука. 2017. Т. 1. № 4. С. 143–146.
24. Тихонина А. С. Проблемы при внедрении инструментов бережливого производства // Инноватика-2018: сб. матлов XIV Междунар. школы-конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 26–27 апреля 2018 г.) Томск, 2018. С. 274–276.
25. Белыш К. В. Комплексный подход к внедрению и оценке результативности внедрения бережливого производства на промышленном предприятии // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2018. Т. 17. № 5. С. 751–771. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.5.034
26. Наугольнова И. А. Отечественный и зарубежный опыт применения системы бережливого производства на промышленных предприятиях // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2014. № 170. С. 95–99.
27. Вершинин В. П. Верификация отличий проекта от программы // Вестник УРАО. 2020. № 1. С. 108–116. DOI: 10.24411/2072-5833-2020-10010

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

original article

Project Management for the Implementation of Lean Manufacturing at an Industrial Enterprise

Tatyana A. Belchik [a, @, ID]; Ilia I. Ezhov [a]
[a] Kemerovo State University, Russia, Kemerovo
[@] t.a.belchik@mail.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0001-5729-8475

Received 13.08.2020. Accepted 30.09.2020.

Abstract: The present research featured the implementation of lean manufacturing based on project management technology. The research objective was to substantiate the possibility of using tools and methods of lean production at industrial enterprises. The study involved such scientific methods as participant and non-participant observation, statistical methods, process modeling, and survey. At industrial enterprises, lean production methods should be implemented as a project activity, i.e. in different business units and at different levels. To achieve total inclusiveness, managers should be trained in the basics of project, and all other employees – in the basics of lean production. Even separate projects of lean production can increase efficiency and labor productivity. However, the use of certain tools often becomes an end in itself, and not a way to solve the actual problems. Employees involved in lean manufacturing projects often lack awareness and motivation. Insufficient experience in independent project slows down the implementation of lean production projects. Nevertheless, the authors proved that lean production projects can be effective if implemented properly. They also identified some problems specific to industrial enterprises and outlined activities that can improve operational efficiency.

Keywords: labor productivity, project management, operational efficiency, waste reduction, tools and methods, value, process approach

For citation: Belchik T. A., Ezhov I. I. Project Management for the Implementation of Lean Manufacturing at an Industrial Enterprise. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 516–524. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

References

1. Taiichi O. *Toyota production system: beyond large-scale production*. Moscow: Institut kompleksnykh strategicheskikh issledovanii, 2005, 192. (In Russ.)
2. Womack J. P., Jones D. T. *Lean thinking*, tr. Turko S., 8th ed. Moscow: Alpina Pablisher, 2014, 470. (In Russ.)
3. Davydova N. S. *Lean production*. Izhevsk: Izd-vo Instituta ekonomiki i upravleniia UdGU, 2012, 135. (In Russ.)
4. Shingo S. *The study of the Toyota production system from an industrial engineering viepoint*. Moscow: Institut kompleksnykh strategicheskikh issledovanii, 2006, 298. (In Russ.)
5. Liker J. K. *The Toyota way,* tr. Gutman T., 6th ed. Moscow: Alpina Pablisher, 2011, 398. (In Russ.)
6. Tsarenko A. S., Guselnikova O. Yu. "Lean Region", "Lean Clinic", "Lean City" projects as steps towards creation of "Lean Government": evaluation of lean initiatives in Russian public sector organizations. *Gosudarstvennoe upravlenie. Jelektronnyj vestnik*, 2019, (73): 167–203. (In Russ.)
7. Hobbs D. P. *Lean manufacturing implementation.* Minsk: Grevtsov Pablisher, 2007, 351. (In Russ.)
8. Vader M. *Lean tools*, trs. Baranov A., Bashkardin E. Moscow: Alpina Biznes Buks; Tsentr OrgProm; Perm: IPK Zvezda, 2005, 124. (In Russ.)
9. Levinson W. A., Rerick R. A. *Lean enterprise*, tr. Raskin A. L. Moscow: Standarty i kachestvo, 2007, 270. (In Russ.)
10. Luyster T., Tapping D. *Creating your lean future state,* tr. Raskin A. L. Moscow: Standarty i kachestvo, 2008, 128. (In Russ.)
11. Davydova N. S., Titov I. G., Sycheva E. V., Pozmogova N. P. Improving the system of staff motivation in a medical organization in the implementation of lean production principles. *Universitetskaia meditsina Urala*, 2019, 5(1): 133–135. (In Russ.)
12. Sadykova E. A. Results of implementation of the methods of lean manufacturing Russian oil & gas industry. *Ekonomika i sotsium*, 2018, (1): 1247–1250. (In Russ.)
13. Strushcenko A. L., Duganova E. V. The introduction of barely production enterprise of automobile transport. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*, 2018, (3-8): 1294–1296. (In Russ.)
14. Ivanova I. A. *Management*, 3rd ed. Moscow: Rior, 2010, 128. (In Russ.)
15. Galiamina I. G. *Process management*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2013, 304. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-516-524

16. Emanakov I. V., Grodzenskiy S. Ya., Ovchinnikov S. A. *The first steps to "lean production"*. MSTU MIREA Herald, 2015, (1): 278–285. (In Russ.)
17. Golubenko O. A., Svekolnikova O. Yu. Comparative analysis of the implementation of lean manufacturing in Russian and foreign enterprises. *Modern problems of commodity research, economics, and food industry*: Proc. Sci. Conf., Saratov, February 25, 2019. Saratov, 2019, 31–34. (In Russ.)
18. Lyskova I. E. The introduction of models of sustainable development and lean production in ecological and social safety system in modern organization (using the example of "Rosatom" State Corporation). *Global'naya yadernaya bezopasnost',* 2019, (4): 85–95. (In Russ.)
19. Indeikina A. A. Russian implementation experience of the conception "lean production". *Master's journal*, 2015, (1): 337–341. (In Russ.)
20. Sychanina S. N., Mironchuk V. A., Sholin Yu. A. The introduction of lean manufacturing technologies as a way to improve labor productivity in public transport enterprises. *Vestnik Akademii znanij,* 2019, (3): 238–244. (In Russ.)
21. Skorobogatova O. M. Lean manufacturing and TWI: facets of high labor productivity. *Menedzhment kachestva*, 2019, (4): 250–262. (In Russ.)
22. Chuprik M. A., Bayda E. A. Lean production as a tool to increase productivity. *Tekhnika i tekhnologii stroitelstva*, 2020, (1): 47–52. (In Russ.)
23. Naumenko E. Iu. Problems of implementation of lean manufacturing in Russia and recommendations for their elimination. *Innovatsionnaia nauka,* 2017, 1(4): 143–146. (In Russ.)
24. Tikhonina A. S. Problems in the introduction of lean manufacturing. *Innovation-2018*: Proc. XIV Intern. School-Conf. of Students, Graduate Students and Young Scientists, Tomsk, April 26–27, 2018. Tomsk, 2018, 274–276. (In Russ.)
25. Belysh K. V. Multipurpose approach to implementation and evaluation lean production in industrial enterprise. *Vestnik UrFU. Seriia ekonomika i upravlenie*, 2018, 17(5): 751–771. (In Russ.) DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.5.034
26. Naugolnova I. A. Domestic and foreign experience in the application of lean manufacturing systems in industrial plants. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2014, (170): 95–99. (In Russ.)
27. Vershinin V. P. Verification of project differences from the program. *Vestnik URAO,* 2020, (1): 108–116. (In Russ.) DOI: 10.24411/2072-5833-2020-10010

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

оригинальная статья
УДК 338.012

Анализ реализации стратегических документов в области научно-технологического развития России

Наталья О. Васецкая [a, @, ID]
[a] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия, г. Санкт-Петербург
[@] nat.vasetskaya@yandex.runat.vasetskaya@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-1921-5453

Поступила в редакцию 14.09.2020. Принята к печати 23.11.2020.

Аннотация: Предмет исследования – стратегические документы формирования и реализации научно-технической политики в России. Цель – исследование нормативно-правовых актов, определяющих стратегическое научно-технологическое развитие страны с точки зрения анализа определяемых ими целей и задач и уровня выполнения показателей, заданных в качестве целевых индикаторов. Для достижения целей исследования использовались сравнительный анализ и методы систематизации. Рассмотрены основные стратегические нормативно-правовые акты, формирующие научно-техническую политику страны. Данные документы условно разделены на две группы. Документы первой группы представляют цели и задачи научно-технологического развития, но не содержат количественных значений целевых показателей (индикаторов) научно-технологического развития. Акты второй группы включают перечни и количественные значения целевых показателей (индикаторов) развития страны. Показано, что не все задачи, обозначенные в стратегических документах, выполнены; часть целевых показателей научно-технологического развития не достигнута. Кроме того, часть мероприятий, направленных на исполнение научно-технической политики страны, была выполнена с заметным отставанием по срокам, либо не была реализована. Например, не был утвержден перечень «сквозных технологий», являющихся ключевыми инициативами научно-технологического развития. Выдвинуто предположение, что это, в свою очередь, не способствовало развитию российского конкурентоспособного сектора высокотехнологичных товаров и услуг, не позволило сформировать механизмы стимулирования перехода к инновационному развитию предприятий реального сектора экономики, а также добиться улучшения материально-ресурсного обеспечения научно-технологичного комплекса страны.

Ключевые слова: научно-техническая политика, целевые показатели (индикаторы) развития, стратегия научно-технологического развития, инновационный цикл, приоритетные направления развития, федеральный проект, интеллектуальный потенциал

Для цитирования: Васецкая Н. О. Анализ реализации стратегических документов в области научно-технологического развития России // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 525–533. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

Введение

В условиях глобализации и международной интеграции, когда развитие научно-технологической сферы происходит форсированными темпами, основной целью государственной научно-технической политики России является повышение уровня жизни населения и ликвидация отставания от развитых стран в области перспективных технологий [1–3]. Очевидно, это предопределяет возрастание роли науки и создание новых направлений развития техники и технологий. На основе фундаментальных исследований, являющихся источниками новых знаний, формируется стратегия развития экономики и государства, которая может трансформироваться в зависимости от ряда внутренних и внешних факторов [4–8].

В современном мире конкурентоспособность государств определяется уровнем развития науки и образования, масштабами финансирования системы образования на всех уровнях. При этом особенно важно выстраивание единой научно-инновационной системы, включающей фундаментальную науку, прикладные исследования и разработки технологий, эффективные механизмы создания инноваций. В этой цепочке важно каждое из звеньев, их системное взаимодействие, т. к. именно интеграция результатов между этапами инновационного цикла является необходимым условием повышения результативности научных исследований и, как следствие, конкурентоспособности страны на мировом рынке [9–11].

Стратегия научно-технологического развития страны содержит долгосрочные императивы развития страны, определяющие деятельность организаций и государственных ведомств научно-образовательной сферы, а также всего научно-образовательного сообщества, которые соотносятся с целями и задачами социально-экономического развития страны [12; 13]. Основные задачи социально-экономического и научно-технологического развития страны отражены в Указе Президента РФ

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

«О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[1] и в Послании Президента РФ Федеральному Собранию в феврале 2019 г.[2]

В настоящее время Министерством науки и высшего образования РФ (ранее – Министерством образования и науки РФ) на регулярной основе разрабатываются кратко- и среднесрочные прогнозы основных показателей развития сферы науки и инноваций, характеризующих ее ресурсную базу, результативность, кадровое обеспечение и другие параметры, отражающие наиболее значимые для управления аспекты функционирования и развития. Существует ряд работ, в которых авторами производится оценка реализации стратегических документов научно-технологического развития. Так, И. Е. Ильина, С. П. Бурланков и Е. Н. Жарова разрабатывают показатели мониторинга реализации Стратегии научно-технологического развития РФ, которые включают в себя показатели формирования высокопрофессионального кадрового потенциала, обеспечения персонализированной медициной и продовольственной безопасностью населения, качества коммуникаций и государственного управления, формирования заказа, обеспечивающего капитализацию нематериальных активов [14].

В [15] рассматриваются роль и общие принципы организации мониторинга, обсуждаются особенности и практическая значимость мониторинга документов и деятельности субъектов стратегического планирования научно-технологического развития страны. Методический подход к формированию стратегии научно-технологического развития промышленного комплекса региона, который может быть использован органами государственной власти субъектов РФ при формировании стратегии и разработке программ инновационного и научно-технологического развития регионов, исследован в [16].

Методы и материалы

Стратегическое научно-техническое развитие страны определяется рядом нормативно-правовых актов, обеспечивающие реализацию научно-технической политики в России. Стратегические документы разделим на две группы:

а) стратегические целеполагающие документы, содержащие цели и задачи научно-технологического развития, но не содержащие количественных значений целевых показателей (индикаторов) научно-технологического развития (группа А);

б) стратегические целеполагающие документы, содержащие перечни и количественные значения целевых показателей (индикаторов) научно-технологического развития (группа Б).

Цель работы – исследование нормативно-правовых актов, определяющих стратегическое научно-техническое развитие страны, анализ реализации поставленных в них целей и задач, определение уровня выполнения показателей, заданных в качестве целевых индикаторов. Основными методами исследования являются, сравнительный анализ, методы систематизации, позволяющие исследовать стратегические нормативно-правовые акты формирования и реализации научно-технической политики в России.

Результаты

К **группе А** можно отнести такие нормативно-правовые акты как Доктрина развития российской науки[3], Указ Президента РФ № 863[4] и др. Ключевым документом, определяющим научно-техническую политику в России, является ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»[5]. В законе определяются принципы регулирования, организации и реализации научно-технологического развития, государственная поддержка инновационной деятельности. Данный документ относится к группе не содержит количественные значения показателей научно-технологического развития.

Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу (далее – Основы 2002–2010)[6] также относятся к нормативно-правовым актам первой группы. В Основах 2002–2010 поставлены определенные цели и задачи по обеспечению стратегических национальных приоритетов РФ, развитию науки, технологий

[1] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038 (дата обращения: 15.11.2020).

[2] Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 20.02.2019. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863 (дата обращения: 15.11.2020).

[3] О доктрине развития российской науки. Указ Президента РФ от 13.06.1996 № 884 // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9544 (дата обращения: 17.11.2020).

[4] О государственной политике по вовлечению в хозяйственный оборот результатов научно-технической деятельности и объектов интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий. Указ Президента РФ от 22.07.1998 № 863 // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/12682 (дата обращения: 17.11.2020).

[5] О науке и государственной научно-технической политике. ФЗ от 23.08.1996 № 127-ФЗ // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/9973 (дата обращения: 17.11.2020).

[6] Об «Основах политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу». Приказ Российского агентства по системам управления от 16.09.2002 № 155 // Кодекс. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/901882349 (дата обращения: 17.11.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

и техники и намечены пути их реализации. Приведены инструменты и механизмы достижения цели государственной политики, указаны необходимые мероприятия по регулированию государственной политики в области науки и технологий. В Основах 2002–2010 российская наука рассматривается как один из главных приоритетов в государственной политике страны, реализация которого в ближайшей перспективе обеспечит переход к инновационной экономике, т. е. к созданию национальной инновационной системы, которая будет формироваться и развиваться на основе достижений научно-технологической сферы.

Национальная инновационная система, согласно документу, может быть создана только при правильном распределении государственных средств между различными этапами инновационного цикла научного исследования, а именно: *фундаментальные исследования –прикладные НИОКТР (поисковые исследования и ОКР) – патентование – производство – внедрение на рынок*. Данный подход обосновывается необходимостью реализации программ полного инновационного цикла. Финансирование организаций, осуществляющих реализацию различных этапов жизненного цикла инновационной продукции, планируется проводить не только по научно-техническим, но и по экономическим критериям. Таким образом, проекты полного инновационного цикла должны обеспечивать решение комплексных задач разработки и доведения до промышленного использования результатов комплексной реализации всех этапов научных исследований, проводимых в соответствии с конкретными направлениями научно-технологического развития страны, путем объединения усилий и возможностей государственных структур, структур системы образования, науки и бизнеса.

Для достижения поставленных Основами 2002–2010 целей предусмотрена инвентаризация государственных научных организаций. По результатам инвентаризации было проведено сокращение научных организаций, подведомственных РАН, попавших в число несостоятельных. Кроме того, около 75 % ежегодного прироста ассигнований по статье федерального бюджета «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» планируется направить на финансирование технологий государственного значения по девяти приоритетным направлениях развития [17].

Анализ результатов, полученных по итогам реализации Основ 2002–2010, показал, что не все цели и задачи были выполнены. Как можно предположить, главной причиной этого является непоследовательность проводимой политики государства в области науки и технологий [18–20]. Например, в ожидаемых результатах планировалась «реализация механизмов консолидированного и многоканального финансирования целевых программ научных исследований и экспериментальных разработок, важнейших инновационных проектов государственного значения с использованием бюджетов всех уровней, а также внебюджетных источников». Но для достижения обозначенного результата необходимо сначала разработать такого рода механизмы, но в задачах Основ 2002–2010 разработка механизмов финансирования целевых программ научных исследований отсутствует.

Однако ряд перечисленных мер не смог обеспечить вывод научного сектора из кризисной ситуации, которая была вызвана не только проблемами социально-экономической сферы в 1992 г., но и отсутствием концептуально проработанной государственной промышленной, научно-технической и инновационной политики, слабостью правовой базы, отсутствием стратегии социально-экономического развития. Отсутствие стабильного финансирования привело к разрушению инновационного цикла исследований в результате исключения опытных производств из структуры научно-исследовательских организаций и вузов [21; 22].

Группа Б, кроме прочих документов, представлена Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Концепция-2020), разработанной Минэкономразвития и утвержденной Правительством в ноябре 2008 г. Стратегической целью Концепции-2020 является «достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан»[7]. К 2015–2020 гг., согласно Концепции-2020 (направление «Повышение национальной конкурентоспособности»), в результате ее реализации в России должен быть создан новый тип экономики, основанной на знаниях и высоких технологиях. При этом Россия должна занять значимое место на рынках высокотехнологичных товаров и интеллектуальных услуг.

Показатели Концепции-2020 в полной мере не были достигнуты. Одной из причин этого является то, что изначально Концепция-2020 формировалась на основе опыта предыдущего десятилетия и основывалась на экономических, геополитических, социальных предпосылках того периода, что, как показал опыт ее реализации, не привело к положительному результату.

На основе положений Концепции-2020 была разработана Стратегия инновационного развития Российской

[7] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // СПС КонсультантПлюс.

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

Федерации на период до 2020 года (далее – Стратегия-2020)[8], утвержденная в 2011 г. Стратегия-2020 задает долгосрочные ориентиры развития субъектам инновационной деятельности, ориентиры финансирования сектора фундаментальной и прикладной науки и поддержки коммерциализации разработок и содержит 20 основных направлений реализации и инновационного развития России. Основные показатели Стратегии-2020 и Концепции-2020 в части анализа состояния и проблем инновационного развития совпадают.

Одним из основных показателей, характеризующим развитие науки, национальной инновационной системы и технологий, является показатель *Доля предприятий, осуществляющих технологические инновации*, значение которого к 2020 г. должно было составить до 40–50 % в общем числе предприятий. Однако по итогам 2018 г. (более поздние статистические данные отсутствуют) его значение достигло только 19,8 %[9], что свидетельствует о том, что с большой долей вероятности к 2020 г. он выполнен не будет. Аналогичная ситуация возникла с показателем инновационной активности страны *Удельный вес инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции* (план – до 25–35 % в 2020 г., факт – 6 % в 2018 г.). Внутренние затраты на исследования и разработки к 2020 г. должны были составить порядка 2,5–3 % ВВП, но в 2018 г. они оставили лишь 1 % ВВП[10]. Значение ряда показателей, например *Валовой добавленной стоимости инновационного сектора в валовом внутреннем продукте*, в статистических формах отсутствует, что говорит о несогласованности отчетности и нормативного правового акта.

Кроме основных показателей, в Стратегии-2020 содержится 45 целевых индикаторов реализации Стратегии, характеризующих такие аспекты инновационного развития, как формирование компетенций инновационной деятельности, инновационный бизнес, эффективность науки, инновационное государство, инфраструктура инноваций, участие в мировой инновационной системе, территория инноваций и финансовое обеспечение. Анализ данных целевых индикаторов [23] позволяет сделать вывод, что, как и в случае с основными показателями Стратегии-2020, достижение большинства из них не наблюдается, а по ряду показателей статистические данные в открытом доступе отсутствуют. Таким образом, за время реализации Стратегии-2020 не удалось добиться заметного улучшения ресурсного обеспечения научно-технологического комплекса страны, создать механизмы стимулирования бизнеса к переходу на инновационное развитие, на развитие отечественного высокотехнологичного сектора.

С целью совершенствования государственной политики в области образования и науки и подготовки квалифицированных специалистов с учетом требований инновационной экономики в 2012 г. был подписан Указ Президента РФ № 599[11]. Данным актом предусмотрено достижение ряда показателей в области науки и образования. Общий объем финансирования государственных научных фондов в 2018 г. должен был составить 25 млрд руб.[12], фактически же он составил 21,08 млрд руб.[13] Внутренние затраты на исследования и разработки вместо запланированных 1,77 % ВВП в 2015 г. составили 1,1 % ВВП, а доля образовательных учреждений высшего профессионального образования во внутренних затратах на исследования и разработки составили в 2015 г. 9,6 % вместо запланированных 11,4 %[14]. Показатель *Доля публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (Web of Science)* также не был достигнут в ходе реализации Указа.

Один из ключевых документов стратегического планирования в области научно-технологической политики, разрабатываемый в рамках целеполагания на федеральном уровне – Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года (далее – Стратегия-2035)[15], разработанная по поручению Президента РФ. В ней закреплены долгосрочные цели, задачи научно-технологической и инновационной политики в стране, определены ключевые принципы данной политики, приоритетные направления науки, техники и технологий в условиях больших вызовов, которые представляют собой совокупность проблем и возможностей, определяющих как социально-экономическую, так и научно-технологическую политику в стране [24–27].

---

[8] Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года Утв. Распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р // Правительство России. Режим доступа: http://government.ru/docs/9282/ (дата обращения: 10.11.2020).

[9] Гохберг Л. М., Дитковский К. А., Дьяченко Е. Л., Коцемир М. Н., Кузнецова И. А., Лукинова Е. И., Мартынова С. В., Нефедова А. И., Ратай Т. В., Росовецкая Л. А., Сагиева Г. С., Стрельцова Е. А., Суслов А. Б., Тарасенко И. И., Фридлянова С. Ю., Фурсов К. С. Индикаторы науки:2019: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 328 с.

[10] Там же.

[11] О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 599 // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263 (дата обращения: 15.11.2020).

[12] Стратегия инновационного развития…

[13] Гохберг Л. М., Дитковский К. А., Дьяченко Е. Л., Коцемир М. Н., Кузнецова И. А., Лукинова Е. И., Мартынова С. В., Нефедова А. И., Ратай Т. В., Росовецкая Л. А., Сагиева Г. С., Стрельцова Е. А., Суслов А. Б., Тарасенко И. И., Фридлянова С. Ю., Фурсов К. С. Индикаторы науки…

[14] Там же.

[15] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449 (дата обращения: 15.11.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

Для комплексного ответа на «большие вызовы» требуются радикальные изменения государственной политики, в том числе и в области науки и технологий. Разработанные и утвержденные Стратегия-2035, национальный проект «Наука» (далее – НП Наука)[16] и Государственная программа «Научно-техническое развитие» (далее – ГП НТР)[17], являются документами, способными внести такого рода изменения в государственную научно-техническую политику страны (рис.).

Необходимо отметить, что реализация плана Стратегии-2035 происходила со значительным отставанием по срокам. Многие мероприятия Стратегии-2035 не были реализованы. Так, не был утвержден перечень технологических направлений («сквозных технологий»), ускоряющих реализацию приоритетов научно-технологического развития. Перечень показателей реализации Стратегии-2035, динамика которых подлежит мониторингу и перечень значений отдельных (целевых) показателей реализации Стратегии-2035 тоже не были сформированы. Стратегией-2035 впервые вводится категория больших вызовов (*grand challenges*), которая является одним из основополагающих элементов системы управления научно-технологическим и социально-экономическим развитием страны. Все же на сегодняшний день данная категория не получила широкого распространения в документах стратегического планирования страны [27; 28].

Заключение

Проанализированная в рамках настоящего исследования совокупность нормативно-правовых актов, обеспечивающих стратегическое развитие научно-технологического развития страны, показывает, что данные документы могут быть условно разделены на две группы. Первая группа включает в себя документы, содержащие цели и задачи научно-технической политики, но при этом количественные значения целевых показателей (индикаторов) научно-технологического развития в них отсутствуют. Наиболее значимыми документами этой группы являются Доктрина развития российской науки, Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу, ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», Указ Президента РФ № 863 и др.

В документах второй группы, помимо целей и задач, содержатся количественные значения целевых показателей (индикаторов), на основе которых можно провести оценку результативности научной деятельности. Ключевыми документами, содержащими целевые индикаторы, являются Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года.

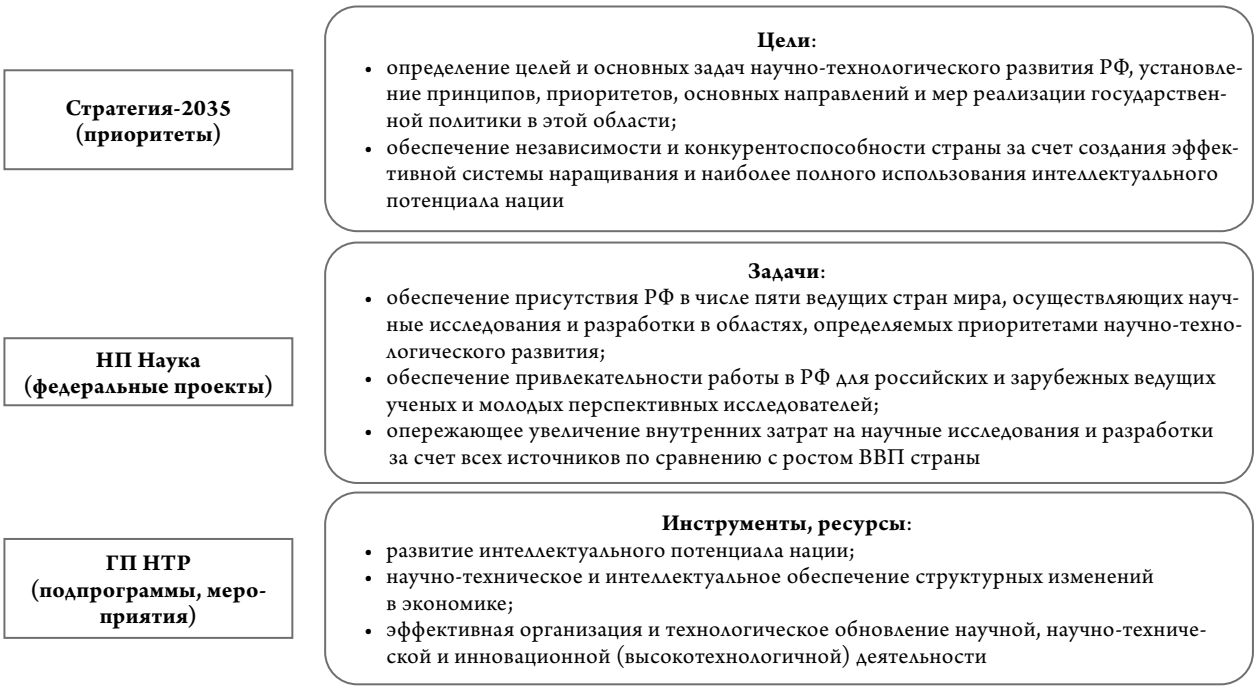


Рис. Основополагающие документы научно-технической политики в условиях больших вызовов

Fig. Science and technology policy papers in the context of big challenges

[16] О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 // Президент России. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 10.11.2020).

[17] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 // Правительство России. Режим доступа: http://government.ru/docs/36310/ (дата обращения: 10.11.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

Анализ реализации стратегических документов показал, что не все цели и задачи, обозначенные в стратегических документах, выполнены. Например, для достижения целей и задач, запланированных Основами 2002–2010, связанных с реализацией механизмов финансирования целевых программ, необходима разработка самого механизма финансирования, но задача, связанная с этим, отсутствует. Это свидетельствует о непоследовательности проводимой политики государства в области науки и технологий. Не все целевые показатели научно-технологического развития, запланированные в стратегических документах, достигнуты. Показатель, характеризующий инновационную активность предприятий, обозначенный в Стратегии- 2020, к 2019 г. достигнут не был. Следовательно, государством предпринимаются недостаточные меры по стимулированию инновационной деятельности предприятий реального сектора экономики, внедряющего инновационные разработки научных организаций и вузов. Часть мероприятий, предусмотренных документами обеих групп, была выполнена с заметным отставанием по срокам либо не была реализована.

Таким образом, проведенный анализ уровня достижения целей, задач и целевых показателей (индикаторов) основных стратегических документов, определяющих научно-технологическое развитие страны, показал, что предпринимаемые государством меры не в полной мере способствуют развитию российского конкурентоспособного сектора высокотехнологичных товаров и услуг и не позволяют сформировать механизмы стимулирования перехода к инновационной экономике.

Литература

1. Ивантер В. В., Комков Н. И. Основные положения концепции инновационной индустриализации России // Проблемы прогнозирования. 2012. № 5. С. 3–12. DOI: 10.1134/S1075700712050073
2. Добрецов Н. Л. Финансовые дисбалансы и кризисы в мире и в России // ЭКО. 2016. № 6. С. 68–74.
3. Комков Н. И. Анализ и оценка перспектив реализации Стратегии научно-технологического развития России // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 73–87.
4. Иванов В. В. Перспективный технологический уклад: возможности, риски, угрозы // Экономические стратегии. 2013. Т. 15. № 4. С. 6–9.
5. Иванова Ю. Н. Методология стратегического планирования российских трансрегиональных корпораций. М.: Инфра-М, 2016. 227 с.
6. Стародубов В. И., Перхов В. И., Нефедова Е. В. Анатомия новой программы фундаментальных научных исследований // Экономика науки. 2016. Т. 2. № 1. С. 14–22.
7. Добрецов Н. Л. Достоинства и недостатки новой «Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // ЭКО. 2017. № 1. С. 94–101.
8. Комков Н. И., Лазарев А. А., Романцов В. С. Информационное моделирование процессов развития на основе системного анализа «узких мест» // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 2. С. 222–231. DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.2.222-231
9. Васильев Ю. С., Диденко Н. И. Инновации и глобальная экономика // Геополитика и безопасность. 2011. № 1. С. 65–73.
10. Дежина И. Г. Инфраструктура науки: от центров коллективного пользования к сверхкрупным установкам // Экономико-политическая ситуация в России. 2011. № 10. С. 54–56.
11. Васецкая Н. О., Клочков Ю. С. Интегрированные инновационные научно-образовательные структуры как инструмент подготовки профессиональных кадров в области инженерно-технического образования. СПб.: ФГАОУ ВО СПбПУ, 2017. 159 с.
12. Аганбегян А. Г. Как преодолеть стагнацию и восстановить экономическое развитие // ЭКО. 2016. № 2. С. 5–14.
13. Куракова Н. Г. Ключевые проблемы оптимизации системы бюджетного планирования в сфере науки и оценка предлагаемых мер // Экономика науки. 2016. Т. 2. № 3. С. 164–183.
14. Ильина И. Е., Бурланков С. П., Жарова Е. Н. Мониторинг реализации стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 4. С. 158–170. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-4-17
15. Миндели Л. Э., Остапюк С. Ф., Фетисов В. П. Роль мониторинга в стратегическом планировании научно-технологического развития // Инновации. 2019. № 3. С. 25–32.
16. Ерыгина Л. В., Рыжая А. А. Методический подход к формированию стратегии научно-технологического развития промышленного комплекса региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 2. Режим доступа: https://eee-region.ru/article/5007/ (дата обращения: 15.11.2020).
17. Соколова О. А. Финансовая политика как фактор развития национальной инновационной системы // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2010. Т. 6. № 2. С. 86–95.
18. Дежина И. Г. Государственное регулирование науки в России. М: ИМЭМО РАН, 2007. 288 с.

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

19. Семенов Е. В. Концептуальные основы государственной научной политики в постсоветской России // Вестник международных организаций. 2008. Т. 3. № 1. С. 12–37.
20. Иванов В. В., Голиченко О. Г., Бортник И. М., Соловьев В. П., Неволин В. Н., Козлов Г. В., Харин А. А., Суворинов А. В., Иванов К. В., Тараненко С. Б., Балякин А. А. Комментарии к проекту «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» // Инновации. 2011. № 9. С. 42–61.
21. Калинов В. В. Попытки становления национальной инновационной системы РФ в контексте трансформационных процессов 1990-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3-2. С. 39–48.
22. Бодрова Е. В., Гусарова М. Н., Калинов В. В. Эволюция государственной промышленной политики в СССР и Российской Федерации. М.: РЕГЕНС, 2014. 939 с.
23. Журавлев Ю. В., Куксова И. В., Губертов Е. А., Чуриков Л. И. Оценка инновационного развития Российской Федерации на основе индикаторов концепции и стратегии 2020 года // Вестник ВГУИТ. 2019. Т. 81. № 2. С. 377–382. DOI: 10.20914/2310-1202-2019-2-377-382
24. Рождественская С. М., Клочков В. В. Парадигма «Больших вызовов» в системе стратегического планирования научно-технологического развития // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 12 / отв. ред. В. И. Герсимов. М.: РАГС, 2017. Ч. 3. С. 389–394.
25. Болбот Е. А., Клочков В. В. Приоритеты инновационного развития: конкурентное преимущество и общие интересы // Инновации. 2011. № 6. С. 114–120.
26. Идрисов Г. И., Княгинин В. Н., Кудрин А. Л., Рожкова Е. С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
27. Туккель И. Л. «Большие вызовы»: глобализация или глокализация? Вариативное проектирование стратегий научно-технологического развития // Инновации. 2016. № 7. С. 24–29.
28. Садовничий В. А., Акаев А. А., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: ИСПИ РАН, 2012. 356 с.

original article

Implementation of Policy Papers in the Field of Scientific and Technological Development of Russia

Natalia O. Vasetskaya [a, @, ID]
[a] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russia, St. Petersburg
[@] nat.vasetskaya@yandex.ru
[ID] https://orcid.org/0000-0002-1921-5453

Received 14.09.2020. Accepted 23.11.2020.

Abstract: The present research featured scientific and technical policy papers in Russia. The research objective was to study the normative legal acts that determine the strategic scientific and technological development of the country. The paper contains an analysis of the goals stated in these documents and defines the efficiency of the target indicators. The study was based on systematization methods, content analysis, and comparative analysis of the main strategic legal acts that form Russian scientific and technical policy. These documents are divided into two groups. The first one contains the goals and objectives of scientific and technological development, but no quantitative values of targets, or indicators, of scientific and technological development. The second group specifies these indicators. The study revealed that not all the goals outlined in the policy papers have been met, and there are targets for scientific and technological development that have not been achieved yet. Moreover, some of the measures provided in the policy papers were implemented with a noticeable delay or were not implemented at all. For instance, the list of end-to-end technologies still remains unapproved. All these issues hindered the development of Russian competitive high-tech sector of goods and services: the country failed to develop mechanisms that could stimulate its transition to innovative development of real sector enterprises and to improve the resource base for scientific and technological complex.

Keywords: scientific and technical policy, development targets (indicators), strategy of scientific and technological development, innovation cycle, priority areas of development, Federal projects, intellectual potential

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

For citation: Vasetskaya N. O. Implementation of Policy Papers in the Field of Scientific and Technological Development of Russia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 525–533. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

References

1. Ivanter V. V., Komkov N. I. Prime postulates of the concept of innovative industrialization of Russia. *Problemy prognozirovaniia*, 2012, (5): 3–12. (In Russ.) DOI: 10.1134/S1075700712050073
2. Dobretsov N. L. Financial imbalances and crises in the world and in Russia. *ECO*, 2016, (6): 68–74. (In Russ.)
3. Komkov N. I. Analysis and assessment of the prospects for the implementation of the scientific and technological development strategy of Russia. *Problemy prognozirovaniia*, 2019, (5): 73–87. (In Russ.)
4. Ivanov V. V. Perspective technological structure: opportunities, risks, and threats. *Ekonomicheskie strategii*, 2013, 15(4): 6–9. (In Russ.)
5. Ivanova Iu. N. *Methodology of strategic planning of Russian trans-regional corporations*. Moscow: Infra-M, 2016, 227. (In Russ.)
6. Starodubov V. I., Perhov V. I., Nefedova E. V. Anatomy of new programme for fundamental scientific research. *The Economics of Science*, 2016, 2(1): 14–22. (In Russ.)
7. Dobretsov N. L. Advantages and disadvantages of a new Strategy for research and technology advancement in the Russian Federation. *ECO*, 2017, (1): 94–101. (In Russ.)
8. Komkov N. I., Lazarev A. A., Romantsov V. S. Information modeling of development processes based on the system analysis of "bottlenecks". *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie)*, 2018, 9(2): 222–231. (In Russ.) DOI: 10.18184/2079-4665.2018.9.2.222-231
9. Vasetskaya N. O., Klochkov Yu. S. *Integrated innovative scientific and educational structures as a tool for training professional personnel in the field of engineering and technical education.* St. Peterburg: FGAOU VO SPbPU, 2017, 159. (In Russ.)
10. Vasilyev Yu. S., Didenko N. I. Innovation and the global economy. *Geopolitika i bezopasnost*, 2011, (1): 65–73. (In Russ.)
11. Dezhina I. G. Infrastructure of science: from collective use centers to super-large installations. *Ekonomiko-politicheskaia situatsiia v Rossii,* 2011, (10): 54–56. (In Russ.)
12. Aganbegyan A. G. How to overcome stagnation and restore economic growth. *ECO*, 2016, (2): 5–14. (In Russ.)
13. Kurakova N. G. Key issues with optimizing the system of budget planning in the sphere of science and the evaluation of suggested measures. *The Economics of Science*, 2016, 2(3): 164–183. (In Russ.)
14. Il'ina I. E., Burlankov S. P., Zharova E. N. Monitoring of the Russian Federation's scientific and technological development strategy realization. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki*, 2017, (4): 158–170. (In Russ.) DOI: 10.21685/2072-3016-2017-4-17
15. Mindeli L. E., Ostapyuk S. F., Fetisov V. P. The role of monitoring in the management of scientific and technological activities: legal aspects. *Innovacii*, 2019, (3): 25–32. (In Russ.)
16. Erygina L. V., Ryzhaja A. A. Methodological approach to formation of scientific and technological development strategy for regional industrial complex. *Regional Economics and Management: electronic scientific journal*, 2017, (2). Available at: https://eee-region.ru/article/5007/ (accessed 15.11.2020). (In Russ.)
17. Sokolova O. A. Financial policy as a factor of development of the national innovative system. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2010, 6(2): 86–95. (In Russ.)
18. Ivanov V. V., Golichenko O. G., Bortnik I. M., Solovev V. P., Nevolin V. N., Kozlov G. V., Kharin A. A., Suvorinov A. V., Ivanov K. V., Taranenko S. B., Baliakin A. A. Comments on the project "Fundamentals of the policy of the Russian Federation in the field of science and technology development for the period up to 2010 and beyond". *Innovacii*, 2011, (9): 42–61. (In Russ.)
19. Dezhina I. G. *State regulation of science in Russia*. Moscow: IMEMO RAN, 2007, 288. (In Russ.)
20. Semenov E. V. Conceptual basis of the S&T policy in post-Soviet Russia. *International Organisations Research Journal,* 2008, 3(1): 12–37. (In Russ.)
21. Kalinov V. V. Attempts of formation of national innovative system of the Russian federation in the context of the transformation processes of the 1990s. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, (3-2): 39–48. (In Russ.)
22. Bodrova E. V., Gusarova M. N., Kalinov V. V. *Evolution of state industrial policy in the USSR and the Russian Federation*. Moscow: REGENS, 2014, 939. (In Russ.)
23. Zhuravlev Yu. V., Kuksova I. V., Gubertov E. A., Churikov L. I. Evaluation of innovative development of the Russian Federation based on the 2020 vision and strategy indicators. *Proceedings of VSUET*, 2019, 81(2): 377–382. (In Russ.) DOI: 10.20914/2310-1202-2019-2-377-382

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-525-533

24. Rozhdestvenskaya S. M., Klochkov V. V. Paradigm of "Big challenges" in the system of strategic planning of scientific and technological development. *Russia: development trends and prospects. Yearbook. Iss. 12*, ed. Gerasimov V. I. Moscow: RAGS, 2017, pt. 3, 389–394. (In Russ.)
25. Bolbot E. A., Klochkov V. V. Priorities of innovation: competitive advantage and common interests. *Innovacii*, 2011, (6): 114–120. (In Russ.)
26. Idrisov G. I., Knyaginin V. N., Kudrin A. L., Rozhkova E. S. New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. *Voprosy ekonomiki*, 2018, (4): 5–25. (In Russ.)
27. Tukkel I. L. "Big challenges": globalization or glocalization? Variability of the design strategies of scientific and technological development. *Innovacii*, 2016, (7): 24–29. (In Russ.)
28. Sadovnichii V. A., Akaev A. A., Korotaev A. V., Malkov S. Yu. *Modelling and forecasting world dynamics*. Moscow: ISPI RAN, 2012, 356. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

оригинальная статья
УДК 332.1

Взаимосвязь экономико-демографических факторов и спроса на услуги высшего образования

Татьяна П. Дорофеева [a, @]
[a] Кемеровский институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, г. Кемерово
[@] dorofeeva.tp@kemerovorea.ru

Поступила в редакцию 06.07.2020. Принята к печати 14.08.2020.

Аннотация: Демографическая ситуация в последние годы стала одной из важнейших проблемных точек России. Это не могло не затронуть рынок образовательных услуг высшего образования. Цель исследования – анализ демографических характеристик России и Кемеровской области, выявление и оценка влияния демографических и экономических факторов на спрос услуг высшего образования. На основе корреляционного анализа осуществлен отбор показателей, позволяющих оценить влияние демографических (рождаемость, численность населения в возрасте 15–19 лет) и экономических (среднегодовая номинальная заработная плата, среднегодовая стоимость обучения) факторов на контингент обучающихся в высших учебных заведениях. Положительная корреляционная связь высокой степени значимости зафиксирована между количеством родившихся, численностью населения в возрасте 15–19 лет и контингентом студентов в высших учебных заведениях. В результате сравнительного и относительного анализа даны оценки влияния платежеспособности населения в отношении платных образовательных услуг, которые показали рост нагрузки на бюджет домохозяйств и увеличение роли финансовых барьеров при получении высшего образования. Результаты исследования представляют собой вклад в развитие социальной политики региона для прогнозирования спроса населения на услуги высшего образования.

Ключевые слова: спрос на образовательные услуги, корреляционный анализ, номинальная заработная плата, численность студентов, стоимость обучения, высшие учебные заведения

Для цитирования: Дорофеева Т. П. Взаимосвязь экономико-демографических факторов и спроса на услуги высшего образования // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2020. Т. 5. № 4. С. 534–542. DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

Введение

Рассматривая российскую статистику, исследователи прогнозируют, что в ближайшее время (10–15 лет) на рынок труда страны будет выходить менее миллиона человек, а образовательные услуги высшего образования, соответственно, не будут востребованы. А это значит, что многие региональные вузы прекратят свое существование и большое количество преподавателей пополнят ряды бирж труда. Тяжелая финансовая и экономическая ситуация последних лет в РФ привела к серьезным демографическим проблемам, которые в последние годы затронули высшие учебные заведения: вузы начали испытывать сильный недостаток абитуриентов, это объясняется уменьшением числа выпускников школ. Данная тенденция прослеживается не только в масштабах страны, но и на региональном уровне, что очень сильно сказывается на деятельности учебных заведений региона.

Цель исследования – анализ демографических характеристик России и Кемеровской области. Выявление и оценка влияния экономико-демографических факторов, оказывающих значимое влияние на спрос услуг высшего образования.

Методы и материалы. Изучение явлений и процессов в исследовании основано на диалектическом подходе. Автор использовал логические способы обработки информации: статистические и сравнительные методы относительных и средних величин информационных данных глубиной 2007–2019 гг. Анализ основывался на данных официальной статистики Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) и Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области, которые отражают эмпирический уровень экономических факторов. При определении влияния демографических и экономических факторов, оказывающих влияние на спрос на образовательные услуги, применялся корреляционный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Рынок образовательных услуг – сложный элемент рыночной экономики, механизм, связывающий между собой потребителей и учебные заведения с целью покупки и продажи качественных образовательных услуг. Специфическим товаром на данном рынке является комплекс целенаправленно создаваемых предлагаемых возможностей для приобретения знаний и умений с целью удовлетворения образовательных потребностей потребителей (индивидов) [1; 2].

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

Потребность в услугах образования выражается посредством общественного выбора, проявляющегося в виде решения о поступлении в конкретное высшее учебное заведение. На основании социологического опроса [3], подавляющее большинство кузбасских старшеклассников (93 %) ориентируется на получение высшего образования.

Образовательные учреждения высшего образования (ОУ ВО) не только выполняют учебно-воспитательную функцию, но и осуществляют научную, экспериментальную, опытно-конструкторскую и культурную деятельность. Разделить между собой эти виды услуг в образовательной деятельности невозможно. Они составляют единство образовательного, научного и культурного процессов института [4]. Поэтому на всю образовательную программу, которую предлагают вузы (а не на каждую отдельную услугу), есть спрос и со стороны индивидов (домашних хозяйств), и со стороны подавляющего большинства работодателей. Спрос со стороны последних объясняется тем, что за качественные образовательные услуги они готовы платить высокое вознаграждение работнику и инвестировать в его подготовку.

Образование повышает производительность труда, т. е. работник с высшим образованием быстрее и лучше решает поставленные перед ним задачи за счет полученных в процессе обучения профессиональных знаний. Кроме того, за счет выработанных в процессе обучения навыков и привычек работник более дисциплинирован и организован, что положительно влияет на выполнение трудовых функций [5].

Существует множество факторов, влияющих на рынок образовательных услуг [6–8]:

- соотношение спроса и предложения на рынке труда, цена труда, конкуренция;
- демографическое состояние;
- экономическое состояние;
- государственное финансирование (наличие бюджетных мест);
- доход населения (потребителей);
- изменения законодательства в сфере образовательных услуг;
- престиж выбранной профессии, бренд института, дополнительные профессиональные курсы и т. п.

Проводимая Россией в середине 1980-х гг. демографическая политика способствовала росту населения и увеличению государственной поддержки семьям с детьми. Соответственно в данный период увеличилась рождаемость населения страны. Переход к рыночным отношениям в начале 1990-х гг. резко снизил уровень доходов населения, безработица и нестабильность экономики привели к снижению рождаемости населения и уменьшению числа детей в российских семьях [9; 10]. Эта ситуация не могла не повлиять на количество абитуриентов, поступающих в вузы. Согласно статистике, абсолютное число потенциальных абитуриентов будет продолжать сокращаться из года в год. На основании опубликованного Росстатом демографического прогноза до 2036 г., число родившихся в РФ в 2035 г. составит 1387,8 тыс. человек[1].

Демографическая ситуация в Кемеровской области аналогична общероссийской в целом вплоть до 2002 г.[2] (табл. 1). С 1990 г. по 1995 г. наблюдался резкий спад рождаемости, который был сопряжен со сложной политической обстановкой в стране, переходом к рыночным отношениям. С 1999 г. по 2013 г. наблюдается плавный подъем рождаемости. В 2009 г. зафиксирован наибольший темп роста рождаемости по стране (19 %) и по Кемеровской области (17 %) за последние 25 лет.

Табл. 1. Динамика рождаемости по РФ и Кемеровской области (КО)
Tab. 1. Fertility dynamics in the Russian Federation and the Kemerovo region

Год рождения	Количество родившихся		Демографический коэффициент по отношению к предыдущему году		Демографический коэффициент по отношению к базовому году	
	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО
1990	1988858	40066	–	–	–	–
1995	1363806	27314	0,68	0,68	0,68	0,68
1999	1214689	26580	0,96	0,97	0,61	0,66
2002	1396967	28845	1,15	1,08	0,70	0,72
2006	1479637	32060	1,06	1,11	0,74	0,80
2009	1761687	37599	1,19	1,17	0,89	0,94
2010	1788948	36370	1,01	0,70	0,90	0,91
2013	1895822	36954	1,06	0,98	0,95	0,92
2014	1942683	35992	1,02	0,97	0,98	0,90
2016	1888729	32704	0,97	0,88	0,98	0,90
2017	1690307	28314	0,89	0,87	0,85	0,82
2018	1604344	26540	0,95	0,94	0,81	0,66

Несмотря на финансовые и экономические кризисы (2008 г. и 2014 г.) в целом по стране до 2016 г. наблюдается рост рождаемости (несмотря на то, что в 2014 г. к РФ присоединились Республика Крым и г. Севастополь). Иную ситуацию в данный период мы наблюдаем по Кемеровской области: до настоящего момента происходит падение рождаемости, которое началось с 2010 г. Снижение темпов

[1] Демографический ежегодник России. 2019: стат.сб. М.: Росстат, 2019. 252 с.

[2] Естественное движение населения РФ // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13269 (дата обращения: 01.07.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

рождаемости можно наблюдать и по демографическому расчетному коэффициенту, отражающему снижение рождаемости к базовому году (1990). Сравнивая показатели 1990 г. и 2016 г. по региону, видим, что родившихся в 2016 г. на 10 % меньше, и этот показатель с каждым годом плавно уменьшается: в 2018 г. разрыв составил 34 %.

Согласно статистическим данным (табл. 2), число потенциальных студентов в возрасте от 15 до 19 лет значительно уменьшилось по России и по Кемеровской области. Это явление объясняется реформами 1990-х гг., которые привели к спаду уровня жизни населения, уменьшению числа детей и прогрессирующей депопуляции.

В РФ численность населения в возрасте 15–19 лет уменьшилась с 2012 г. до 2018 г. на 10,7 %, в Кемеровской области – на 10 %. Соответственно, мы можем наблюдать и уменьшение численности студентов как в РФ, так и в Кемеровской области. В стране за данный период она снизилась с 6075,4 тыс. до 4162 тыс. человек, или на 31,5 %, в регионе на 41,8 % (с 82,6 тыс. до 48,1 тыс. человек).

Перестройка возрастной модели рождаемости, выраженная в сдвиге рождений к более поздним материнским возрастам, имеет глубокий социальный смысл, отражающий новую стратегию планирования людьми своей жизни. Снижение рождаемости в период реформ привело к сокращению числа студентов в настоящее время, что послужило причиной уменьшения количества вузов из-за невостребованности. По стране их количество снизилось в два раза (с 2649 в 2012 г. до 1337 в 2018 г.), в Кемеровской области почти в три раза (с 42 до 15). В основном это происходило из-за закрытия филиалов вузов: из 39 филиалов в области их осталось 9.

На основе данных показателей мы можем спрогнозировать ситуацию на дальнейшую перспективу на рынке образовательных услуг. Снижение рождаемости, отмечаемое с 2013 г., вновь повлечет возникновение демографической ямы. Если считать, что средний возраст поступающих абитуриентов – 18 лет, то это произойдет приблизительно в 2030-е гг. Следовательно, если не предпринять предотвращающих мер, спад может продлиться еще как минимум на один десяток лет в регионе.

Ситуацию усложняет система сдачи ЕГЭ [11]. В настоящее время абитуриент может подать документы на бюджет в несколько вузов страны. Потенциальные студенты имеют возможность дольше по времени выбирать не только вуз, но и специальность. Снижение институциональных барьеров доступности высшего образования с помощью ЕГЭ, а именно: возможность подачи документов онлайн, ликвидация двойных экзаменов и необходимости поездки в высшее учебное заведение для вступительных испытаний, снижение коррупционной составляющей при поступлении – позволяет абитуриентам выбрать любой вуз страны. Это, в свою очередь, приводит к оттоку потенциальных студентов с региональных рынков в другие регионы страны.

Причин снижения рождаемости населения в стране много (материальные, жилищные, социальные, медицинские и др.). Материальная составляющая, на наш взгляд, – одна из главных причин снижения рождаемости. Снижение реальных доходов и качества жизни не позволяют российским семьям иметь более одного ребенка. Общество понимает, что для полноценного воспитания и качественного обучения ребенка необходимы значительные материальные ресурсы. Это касается и услуг высшего образования [1]. Материальные трудности всегда ограничивали возможности получения высшего образования детей из малообеспеченных семей. Среднедушевые денежные доходы населения за последние годы растут невысокими темпами (за 2016–2017 гг. – на 3,3 %, за 2017–2018 гг. – на 4 %, за 2018–2019 гг. – на 6,2 %) [12]. Но при этом исследования Высшей школы экономики показывают, что абитуриенты и их родители готовы оплачивать обучение в случае, если нет возможности поступить на бюджетное место.

По результатам мониторинга качества приема в российские вузы в 2019 г., все больше абитуриентов согласны платить за обучение в вузе, входящем в топ-10, отказываясь

Табл. 2. Соотношение численности населения в России и Кемеровской области (КО)
Tab. 2. Population of Russia vs. Kemerovo region

Год	Общая численность населения, млн / тыс. человек		Население в возрасте 15–19 лет, тыс. человек		Число ОУ ВО (с филиалами)		Число студентов, тыс. человек	
	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО
2012	143,0	2750,8	7631,6	141	2649	42	6075,4	82,6
2013	143,3	2742,4	7152,1	132,5	2451	39	5646,7	76,4
2014	143,7	2734,0	6955,4	128,2	2269	34	5209,0	67,3
2015	146,3	2724,9	6828,9	122,9	1975	32	4766,5	61,6
2016	146,5	2717,6	6730,9	122,1	1658	23	4399,5	52,6
2017	146,8	2694,9	6689,9	123,3	1417	19	4245,9	51,4
2018	146,9	2674,2	6815,9	126,9	1337	15	4162,0	48,1

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

от бюджетных мест в нижестоящих по рейтингу качества приема в вузах[3]. Это говорит о том, что в РФ начал работать эффект репутации. С каждым годом соотношение бюджетного и платного приема в вузах увеличивается в сторону платного (рис. 1). Исключение составили 2015 г. и 2019 г. В 2019 г. на бюджетные места зачислено на 5 тыс. человек больше, чем в 2018 г.

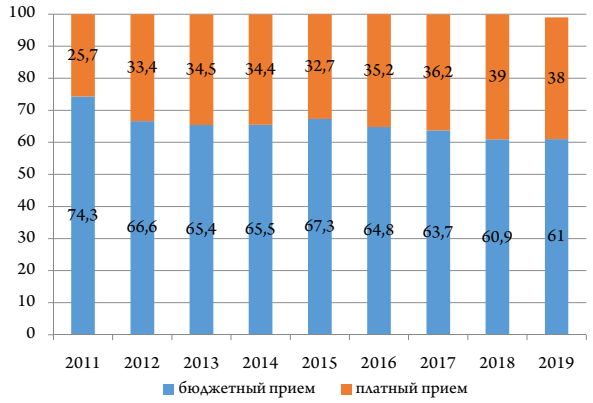


Рис. 1. Соотношение бюджетного и платного приема в высших учебных заведениях РФ, %

Fig. 1. Budget vs. commercial admission in higher educational institutions of the Russian Federation, %

Как показывают исследования ученых, основным источником оплаты высшего образования являются денежные доходы и сбережения родителей. В структуре доходов населения заработная плата занимает наибольшую долю, за период 2000–2018 гг. она увеличилась с 62,8 % до 64,6 % [12]. Уровень платежеспособности населения является главной экономической проблемой доступности высшего образования.

На основании данных Росстата за последние 8 лет автором проведено исследование зависимости цены образовательной услуги от роста номинальной заработной платы (НЗП). Анализ табл. 3 показывает, что среднегодовая НЗП населения и стоимость обучения растут. Стоимость обучения растет более быстрыми темпами, чем заработная плата, как по региону, так и по РФ. В стране эта ситуация прослеживается в течение всего анализируемого периода.

В регионе данная тенденция четко прослеживалась с 2012 г. до 2016 г. включительно. Темп роста среднегодовой заработной платы в Кемеровской области в 2013 г. составлял 107,9, а темп роста стоимости обучения за год – 118,8. Наибольший разрыв наблюдается в период 2014–2016 гг. Это связано с кризисом и экономическими санкциями, введенными многими странами в отношении России. В связи с этим произошло сокращение бюджетного финансирования вузов со стороны государства, и рост стоимости обучения был попыткой компенсировать потери за счет платной подготовки студентов [13].

В 2017 г. картина кардинально изменилась: темп роста средней заработной платы вырос больше, чем темп роста стоимости обучения в высших учебных заведениях области (109,9 и 102,2 соответственно). Эта же ситуация сохранилась и в 2018 г. (116 и 111,8 соответственно). В 2019 г. положение вновь поменялось на противоположное. Графически соотношение темпов роста рассматриваемых показателей представлено на рис. 2.

Табл. 3. Соотношение среднегодовой заработной платы населения со средней стоимостью высшего образования

Tab. 3. Average annual salary vs. average tuition fee

Год	Среднегодовая НЗП, руб.		Темп роста среднегодовой НЗП к предыдущему году		Среднегодовая стоимость обучения в ОУ ВО, руб.		Темп роста среднегодовой стоимости обучения к предыдущему году		Отношение среднегодовой стоимости обучения к среднегодовой НЗП	
	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО	РФ	КО
2012	319548	284076	–	–	62980,92	52147,07	–	–	0,197	0,184
2013	357504	304224	111,9	107,9	73525,15	61929,81	116,7	118,8	0,206	0,204
2014	389940	320748	109,1	105,3	80338,33	71287,1	109,3	115,1	0,206	0,222
2015	408360	338736	104,7	105,6	89789,27	81177,53	111,8	113,9	0,219	0,240
2016	440508	357876	107,9	105,7	98031,6	93795,4	109,2	115,5	0,222	0,262
2017	470004	393180	106,7	109,9	106468,6	95876,33	108,7	102,2	0,226	0,244
2018	524688	456276	111,6	116,0	122966,6	107170	115,5	111,8	0,234	0,235
2019	569616	500208	108,6	109,6	141676,2	118753,4	115,2	110,8	0,249	0,237

[3] Представлены результаты мониторинга качества приема в российские вузы – 2019 // НИУ ВШЭ. 30.10.2019. Режим доступа: https://www.hse.ru/news/edu/315092890.html (дата обращения: 03.07.2020).

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

Рис. 2. Соотношение темпов роста среднегодовой заработной платы и стоимости обучения в Кемеровской области
Fig. 2. Growth rate of the average annual salary vs. tuition fee in the Kemerovo region

Хочется отметить, что впервые за много лет именно в 2017 г. количество родившихся человек уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 13,5 %. Это самый низкий показатель в регионе за последние 20 лет. В среднем эта цифра в динамике составляла 3,5 % (табл. 1).

Показатель отношения стоимости обучения к среднегодовой заработной плате растет как по России, так и по Кемеровской области. Среднестатистическая семья, имеющая студента, обучающегося на платной основе в вузе, платит за обучение чуть более 24 % от годового заработка. Это свидетельствует о том, что нагрузка на бюджет домохозяйств, имеющих студентов, обучающихся на платной основе, с каждым годом увеличивается, соответственно увеличиваются финансовые барьеры. А это значит, что равные стартовые возможности для всех семей, имеющих разные доходы и разный уровень накопления богатства для оплаты обучения и проживания студентов в период учебы, не обеспечиваются [1]. Рынок образовательных услуг очень зависит от экономического уровня жизни населения.

Исследованные ранее демографические и экономические факторы, оказывают неодинаковое влияние на формирование спроса на услуги образовательных учреждений высшего образования. Проанализуем на основе расчета коэффициента корреляции (r-Пирсона и значимой (двустронней) корреляции) степень взаимосвязи следующих статистических показателей: численность студентов в ОУ ВО, величина среднегодовой НЗП, стоимость обучения в ОУ ВО, количество родившихся, численность населения в возрасте 15–19 лет, т. к. именно данный возраст считается возрастом вхождения в систему высшего образования, и число ОУ ВО (с филиалами) (табл. 4).

Табл. 4. Корреляционная матрица взаимосвязи демографических и экономических факторов
Tab. 4. Correlation matrix of demographic and economic factors

Показатель		Количество родившихся	Население в возрасте 15–19 лет	Среднегодовая НЗП	Число ОУ ВО	Число студентов	Среднегодовая стоимость обучения
Количество родившихся	r	1,000	0,421	–0,828*	0,872*	0,747*	–0,866*
	p	–	0,152	0,000	0,000	0,003	0,000
Население в возрасте 15–19 лет	r	0,421	1,000	–0,826*	0,783*	0,900*	–0,768*
	p	0,152	–	0,001	0,002	0,000	0,002
Среднегодовая НЗП	r	–0,828*	–0,826*	1,000	–0,965*	–0,964*	0,974*
	p	0,000	0,001	–	0,000	0,000	0,000
Число ОУ ВО	r	0,872*	0,783*	–0,965*	1,000	0,964*	–0,984*
	p	0,000	0,002	0,000	–	0,000	0,000

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

Показатель		Количество родившихся	Население в возрасте 15–19 лет	Среднегодовая НЗП	Число ОУ ВО	Число студентов	Среднегодовая стоимость обучения
Число студентов	r	0,747*	0,900*	–0,964*	0,964*	1,000	–0,961*
	p	0,003	0,000	0,000	0,000	–	0,000
Среднегодовая стоимость обучения	r	–0,866*	–0,768*	0,974*	–0,984*	–0,961*	1,000
	p	0,000	0,002	0,000	0,000	0,000	–

Прим.: * – статистическая значимость на уровне p<0,05; n=13. Расчет коэффициента корреляции проведен на базе пакета прикладных программ IBM SPSS Statistics Base.

В процессе корреляционного анализа была выявлена сильная положительная связь высокой степени значимости между количеством родившихся в регионе и числом студентов (0,747), численностью населения в возрасте 15–19 лет и факторами численности студентов в ОУ ВО (0,9) и количеством вузов (0,783). Такая же сильная положительная связь фиксировалась между НЗП и стоимость обучения (0,974). Чем выше заработная плата в семье, имеющей студента, обучающегося на платной основе, тем выше стоимость образовательной услуги.

Корреляционная матрица показала, что НЗП имеет сильную отрицательную связь с высокой статистической значимостью со всеми исследуемыми факторами: с количеством родившихся (–0,828), количеством ОУ ВО (–0,965) и количеством студентов (–0,964). Данная обратная связь подтверждает выводы о том, экономические барьеры очень сильно влияют на услуги высшего образования, снижается рождаемость, что влечет и сокращение численности абитуриентов, поступающих в высшие учебные заведения.

Проведенный анализ показал влияние демографических изменений на услуги высшего образования. Они имеют прямую сильную зависимость от динамики рождаемости и доходов населения в регионе, а именно от основной их составляющей – заработной платы. Снижение рождаемости, низкий уровень доходов, рост финансовых барьеров сильно отражаются на высшей школе.

Что же ждет вузы в дальнейшей перспективе при снижении низкого уровня рождаемости? Сокращение потенциальных абитуриентов приведет к сокращению нагрузки преподавателей и, как следствие, сокращению количества самих преподавателей, а далее уменьшению учебно-вспомогательного и прочего персонала и т. д. Вузы вынуждены будут снижать требования к индивидуальным способностям получения знаний абитуриентов, стараться более лояльно проводить политику промежуточных и итоговых аттестаций в борьбе за каждого студента. Это, несомненно, скажется на качестве образовательных услуг и конкурентоспособности вуза. Известно, что качественное образование в регионе – это основа его экономического роста и благосостояния населения.

Для региональных вузов снижение рождаемости – большая проблема. Кроме того, молодежь уезжает учиться в центральные регионы страны и, к сожалению, после окончания обучения не возвращается. В настоящее время большинство региональных вузов уже сталкиваются с проблемами сокращения числа абитуриентов, к их числу относится и Кемеровская область.

Перспективы дальнейших исследований будут связаны с расширением перечня демографических и экономических факторов. Дополнительными факторами могут служить миграционные процессы, плотность населения, уровень здоровья населения, уровень рождаемости и уровень смертности, финансирование высшей школы.

Заключение

Нам удалось выявить статистически значимые взаимосвязи между экономико-демографическими факторами и спросом на образовательные услуги высшего образования в Кемеровской области. Положительная корреляционная связь зафиксирована между количеством родившихся, численностью населения в возрасте 15–19 лет и контингентом студентов в высших учебных заведениях. Между экономическими факторами и численностью студентов в ОУ ВО выявлена отрицательная взаимосвязь. Позитивная динамика роста НЗП в 2017 г. и 2018 г. сократила падение численности студентов в высших учебных заведениях на 12,3 % в 2017 г. по сравнению с 2016 г.

Важными направлениями управления формированием спроса учреждений высшего образования в условиях демографического кризиса являются эффективная стратегия привлечения в вузы потенциальных абитуриентов, а также дифференцированная политика ценообразования с учетом средней НЗП жителей региона. В качестве предложений по улучшению влияния экономико-демографических факторов на спрос образовательных услуг можно предложить следующие меры:

1. Принять дополнительные меры по стимулированию рождаемости населения:

Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

- увеличить количество мест в ясельных группах, в том числе за счет строительства детских садов;
- обеспечить качественным жильем и услугами;
- оказать помощь в частичном погашении ипотечного кредита (не только из материнского капитала);
- предоставить право на областной материнский капитал при рождении (усыновлении) второго ребенка;
- дать возможность всем женщинам (не только трудоустроенным), находящимся в отпуске по уходу за ребенком, бесплатно пройти обучение по новой профессии или повысить квалификацию;
- бесплатно предоставить жителям региона помощь в обследовании по вспомогательным репродуктивным технологиям (ЭКО: дополнительные анализы, лечение и др.);
- разработать меры по укреплению института семьи.

2. Учитывать при планировании и прогнозировании спроса на образовательные услуги не только прогнозы по рождаемости, но и внешние (со странами СНГ [14] и внутренние (*город – село*) миграционные процессы. По словам президента нашей страны, Россия заинтересована в притоке мигрантов, но тех, кто нужен стране. Если говорить о перспективах, это должны быть молодые образованные здоровые люди, которые готовы либо получить образование и влиться в рынок труда, либо прямо приступить к определенной работе, имея известный уровень квалификации, соответствующий профессии[4]. Кроме того, многие эксперты отмечают, что в последнее время одной из важнейших причин переезда является желание мигрантов обеспечить своим детям получение образования на русском языке в российских вузах.

3. Проводить постоянный мониторинг внешней среды в части удовлетворенности населения получаемыми образовательными услугами, что будет являться базой повышения конкурентоспособности вузов.

4. Разработать и создать программы новых специальностей в направлениях развития науки, техники и культуры.

Высшие учебные заведения в настоящее время стараются ориентироваться на спрос и рынок труда, взаимодействуя с центрами занятости и молодежными биржами, с работодателями и представителями бизнеса [15]. Вузы расширяют свою ассортиментную политику, тщательно ее прорабатывают. Растет количество программ дистанционного и индивидуального обучения, программ повышения квалификации и переподготовки, открываются магистерские программы, выпускники привлекаются в аспирантуру. Реальная ситуация на российском рынке образовательных услуг и очевидная проблема разрыва между спросом и предложением на услуги высшего образования в регионе свидетельствует о том, что влияние экономико-демографических факторов не в полной мере учитывается при прогнозировании спроса и предложения [16].

Результаты исследования могут быть рекомендованы для использования в процессе планирования развития региона, в частности прогнозирования необходимого в будущем количества мест в учебных заведениях начального, среднего и высшего образования.

Литература

1. Курбатова М. В., Евсеенко Т. П., Чурекова Т. М. Модели финансовой поддержки малообеспеченных студентов в Кемеровской области // Университетское управление: практика и анализ. 2006. № 3. С. 68–77.
2. Вирабова М. Р. Специфика рынка образовательных услуг // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2015. № 11. С. 114–117.
3. Морозова Е. А., Кузнецова Т. А. Образовательные намерения старшеклассников и их соответствие кадровым потребностям экономики региона // Форсайт инновационной экономики: гармонизация профессиональных и образовательных стандартов: сб. науч. тр. по мат-лам Всерос. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 18–19 октября 2017 г.) Новосибирск, 2017. С. 196–201.
4. Фадина Т. В. Формирование рынка образовательных услуг высшей школы: дис. … канд. экон. наук. М., 2012. 147 с.
5. Щукина Т. В. Инновационные площадки в образовании как факторы усиления экспорта образования и социальной значимости высшего образования // Вопросы экономики и права. 2019. № 134. С. 29–32. DOI: 10.14451/2.134.29
6. Джой Е. С. Влияние системы образования на функционирование рынка труда // Экономика и предпринимательство. 2018. № 6. С. 275–279.
7. Свиридова Е. В. Учет влияния факторов рынка образовательных услуг при прогнозировании набора в вуз // Научный альманах. 2015. № 12-1. С. 330–335. DOI: 10.17117/na.2015.12.01.330
8. Филиппова И. А., Шарымов В. В., Литвинов К. А. Формирование рынка образовательных услуг в условиях инновационного развития // Научный альманах. 2018. № 4-1. С. 166–169. DOI: 10.17117/na.2018.04.01.166
9. Торгашев Р. Е. Демография. Ульяновск: Зебра, 2019. 182 с.
10. Михайлова М. И. Демографическая ситуация в России // Новая наука: финансово-экономические основы. 2017. № 1. С. 182–184.

[4] Хасанов Т. «Нужны стране»: Путин пригласил мигрантов в Россию // Газета.ru. 03.07.2020. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/2020/07/03/13140211.shtml (дата обращения: 03.07.2020).

 Статья распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

11. Яппарова Д. И. Анализ тенденций снижения спроса на рынке высшего образования // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2019. № 6. С. 176–180.
12. Дорофеева Т. П. Динамика денежных доходов населения в современной России // Актуальные научно-технические средства и сельскохозяйственные проблемы: мат-лы нац. науч.-практ. конф. (Кемерово, 29 декабря 2018 г.) Кемерово. 2018. С. 239–245.
13. Горяинова Л. В. Привлечение частных инвестиций в образование как фактор развития экономики знаний // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 3. С. 51–57.
14. Беляев С. А. Основные тенденции миграционных процессов в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 2-2. С. 226–230.
15. Кашепов А. В. Институциональная среда, экономика и демография как факторы развития высшего образования // Экономика и социум. 2019. № 7. С. 74–92.
16. Федотов А. А., Сергеев С. М., Борисоглебская Л. Н., Лебедева Я. О. Прогнозирование рынка образовательных услуг на базе цифровых технологий // Инновации. 2020. № 3. С. 66–70. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.257.3.010

original article

Effect of Economic and Demographic Factors on the Demand for Higher Education Services

Tatyana P. Dorofeeva [a, @]
[a] Plekhanov Russian University of Economics (Kemerovo branch), Russia, Kemerovo
[@] dorofeeva.tp@kemerovorea.ru

Received 06.07.2020. Accepted 14.08.2020.

Abstract: The demographic situation has recently become one of the most important issues in modern Russia, which also affected the market of higher education service. The research objective was to analyze the demographic profile of Russia and the Kemerovo region. The author identified the impact of demographic and economic factors on the demand for higher education. A correlation analysis made it possible to select proper indicators in order to assess the impact of demographic and economic factors on the contingent of university students. The demographic factors included birth rate and the number of population aged 15–19. The economic factors were the average annual nominal salary and the average annual cost of education. The research revealed a positive correlation between the number of births, the amount of population aged 15–19, and the number of students in higher education institutions. Comparative and relative analyses made it possible to assess the paying capacity of population in the sphere of chargeable educational services, which showed an increase in the burden on the household budget and an increase in financial barriers to higher education. The research contributes to the development of the regional economy as it helps to predict the population's demand for higher education services.

Keywords: demand for educational services, correlation analysis, nominal wages, number of students, tuition fees, higher education institutions

For citation: Dorofeeva T. P. Effect of Economic and Demographic Factors on the Demand for Higher Education Services. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2020, 5(4): 534–542. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

References

1. Kurbatova M. V., Evseenko T. P., Churekova T. M. Models of financial support for not sufficiently provided students in Kemerovo region. *University Management: Practice and Analysis*, 2006, (3): 68–77. (In Russ.)
2. Virabova M. R. Specifics of educational services market. *Bulletin of the Essentuki Institute of management, business and law,* 2015, (11): 114–117. (In Russ.)
3. Morozova E. A., Kuznetsova T. A. Educational intentions of senior pupils and their conformity with the personnel needs of the region economy. *Foresight of innovative economy: harmonization of professional and educational standards*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Novosibirsk, October 18–19, 2017. Novosibirsk, 2017, 196–201. (In Russ.)
4. Fadina T. V. *Formation of the market of educational services of higher school*. Cand. Econ. Sci. Diss. Moscow, 2012, 147. (In Russ.)

This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.21603/2500-3372-2020-5-4-534-542

5. Shchukina T. V. Innovative areas in education as factors for strengthening the export of education and social significance of higher education. *Voprosy ekonomiki i prava*, 2019, (134): 29–32. (In Russ.) DOI: 10.14451/2.134.29
6. Joy E. S. The impact of the education system on the functioning of the labor market. *Ekonomika i predprinimatelstvo*, 2018, (6): 275–279. (In Russ.)
7. Sviridova E. V. Taking note of factors of the educational services market when forecasting a set in higher education institution. *Nauchnyi almanakh*, 2015, (12-1): 330–335. (In Russ.) DOI: 10.17117/na.2015.12.01.330
8. Filippova I. A., Sharymov V. V., Litvinov K. A. Formation of the market of educational services in conditions of innovative development. *Nauchnyi almanakh,* 2018, (4-1): 166–169. (In Russ.) DOI: 10.17117/na.2018.04.01.166
9. Torgashev R. E. Demography. Ulyanovsk: Zebra, 2019, 182. (In Russ.)
10. Mikhailova M. I. Demographic situation in Russia. *Novaia nauka: finansovo-ekonomicheskie osnovy,* 2017, (1): 182–184. (In Russ.)
11. Yapparova D. I. Analysis of trends in demand in education market. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*, 2019, (6): 176–180. (In Russ.)
12. Dorofeeva T. P. Dynamics of cash income of the population in modern Russia. *Actual scientific and technical means and agricultural problems*: Proc. Nation. Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, December 29, 2018. Kemerovo, 2018, 239–245. (In Russ.)
13. Goryainova L. V. Attracting private investment in education as a factor in the development of the knowledge economy. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2015, (3): 51–57. (In Russ.)
14. Belyaev S. A. The main trends of migration processes in Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovanii*, 2017, (2-2): 226–230. (In Russ.)
15. Kashepov A. V. The institutional environment, the economy and demography as factors of development of higher education. *Ekonomika i sotsium*, 2019, (7): 74–92. (In Russ.)
16. Fedotov A. A., Sergeev S. M., Borisoglebska L. N., Lebedeva Ya. O. Prediction of the market for educational services based on digital technologies. *Innovacii*, 2020, (3): 66–70. (In Russ.) DOI: 10.26310/2071-3010.2020.257.3.010

 This article is distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License